

84.5(90) (Л.)

С 55

Современная
филиппинская
поэзия

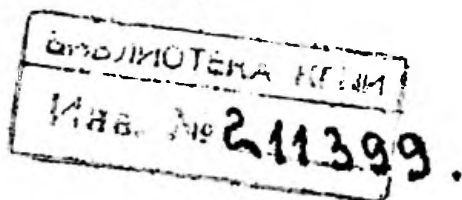

МАР АЛКЕТРА-ТИБУРСИО
АУРЕЛИО Г. АНХЕЛЕС
ХОСЕ КОРАСОН ДЕ ХЕСУС
ЛОПЕ К. САНТОС
ЭПИФАНИО ДЕ САН-ХУАН
АМАДО В. ЭРНАНДЕС
АЛЬФРЕДО П. ЭСТЕБАН
КАРЛОС А. АНХЕЛЕС
КАРЛОС БУЛОСАН
МАНУЭЛЬ А. ВИРАЙ
ХОСЕ ГАРСИЯ ВИЛЬЯ
Н. В. М. ГОНСАЛЕС
АМАДОР Т. ДАГИО
РИКАРЕДО ДЕ МЕТИЛЬО
ДОМИНАДОР И. ИЛИО
ТИТА ЛАКАМБРА-АЯЛА
ХОСЕ ЛАНСАНГ-МЛАДШИЙ
АЛЬФРЕДО Э. ЛИТИАТКО
ВИРДЖИНИЯ Р. МОРЕНО
ЭРНАНДО Р. ОКАМПО
БЬЕНВЕНИДО Н. САНТОС
РАФАЭЛЬ СУЛУЭТА ДА КОСТА
ОСКАР ДЕ СУНЬИГА
ТРИНИДАД ТАРРОСА-СУБИДО
ЭДИТ Л. ТЬЕМПО
НИКОМЕДЕС ХОАКИН
СЕСИЛИО АПОСТОЛ
ХЕСУС БАЛЬМОРИ
МАНУЭЛЬ БЕРНАБЕ
ФЕРНАНДО МАРИЯ ГЕРРЕРО
ЭВАНХЕЛИНА ГЕРРЕРО-САКАРИАС
ХОСЕ ПАЛЬМА-И-ВЕЛАСКЕС
КЛАРО М. РЕКТО
ХОСЕ РИСАЛЬ
ФЛАВИО САРАГОСА-КАНО

Современная филиппинская поэзия

Перевод с тагальского,
английского и испанского

Под редакцией
В. ЛЕВИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
МОСКВА 1974

Составители С. ИГНАШЕВ и В. МАКАРЕНКО
Вступительное слово В. ЛЕВИКА

Произведения, включенные в сборник,
вышли на языке оригинала до 27 мая 1973 г.

© Составление «Прогресс», 1974
© Перевод на русский язык «Прогресс», 1974

Ф $\frac{70404-536}{006(-01)-74}$ 92-74

Вступительное слово

Филиппины! Что нам известно об этих далеких островах Великого океана? Из географии мы знаем, что это тропическая страна, с высокими горами, с глубокими долинами, с дюжиной еще живых, по временам свирепствующих вулканов. Температура зимой опускается до 18 градусов выше нуля, летом поднимается до 30 и более. Земля плодородна, и велики сельскохозяйственные ресурсы, а в недрах земных таятся большие запасы меди, золота и других полезных ископаемых.

Из истории мы знаем, что и этот, казалось бы, обособленный, огражденный водными пространствами уголок земного шара, иногда посещаемый лишь губительными тайфунами, не пощадили также военные и социальные бури. На аэта — коренное население островов — обрушивались монгольские завоеватели, сюда переселялись, не без кровопролитий, малайские племена. Когда отважные мореплаватели XV века раздвинули географические пределы обитаемых земель и половина их отошла к испанской, а другая половина — к португальской короне, Филиппины достались Испании. Тогда островитяне узнали все прелести насильственной христианизации и колониального рабства. Потом Америка отобрала Филиппины у Испании и к цепям физического рабства прибавилась рабская зависимость от иностранного капитала. Затем пришло раскрепощение, но далеко еще не все блага, которые дает филиппинская земля, принадлежат ее народу.

Мы знаем, что страну потрясали не только военные, но и социальные конфликты и мощные восстания. Были у нее свои герои, свои борцы за народное счастье. Все это мы знаем уже давно.

Но дают ли эти абстрактные научные сведения другое знание, быть может более интимное, более сердечное,— знание сущности народа, его души, которую может раскрыть перед нами только искусство?

Предлагаемая вниманию читателей книга ставит своей целью восполнить этот пробел и является одной из первых попыток ознакомления широких кругов читателей с поэзией филиппинского народа. Но не только в этом новизна книги: новым был и самый способ, каким она создавалась.

Заботясь о воспитании новых переводческих кадров, редакция предложила сделать книгу силами молодых переводчиков, никогда еще не печатавшихся или печатавшихся очень мало. Работа над книгой приняла форму молодежного семинара. Участники собирались, читали вслух свои переводы и сами критиковали друг друга. Руководитель семинара только вносил коррективы. Лишь пять переводчиков среди молодежи, представляющие уже старшее поколение, были приглашены для того, чтобы, если можно так выразиться, образовать костяк переводческого коллектива. Это Ю. Александров, П. Грушко, А. Ревич, М. Самаев и А. Эппель.

Переводчики столкнулись со многими трудностями: филиппинскую поэзию почти никто еще на русский язык не переводил и никакого опыта, никаких традиций пока не сложилось.

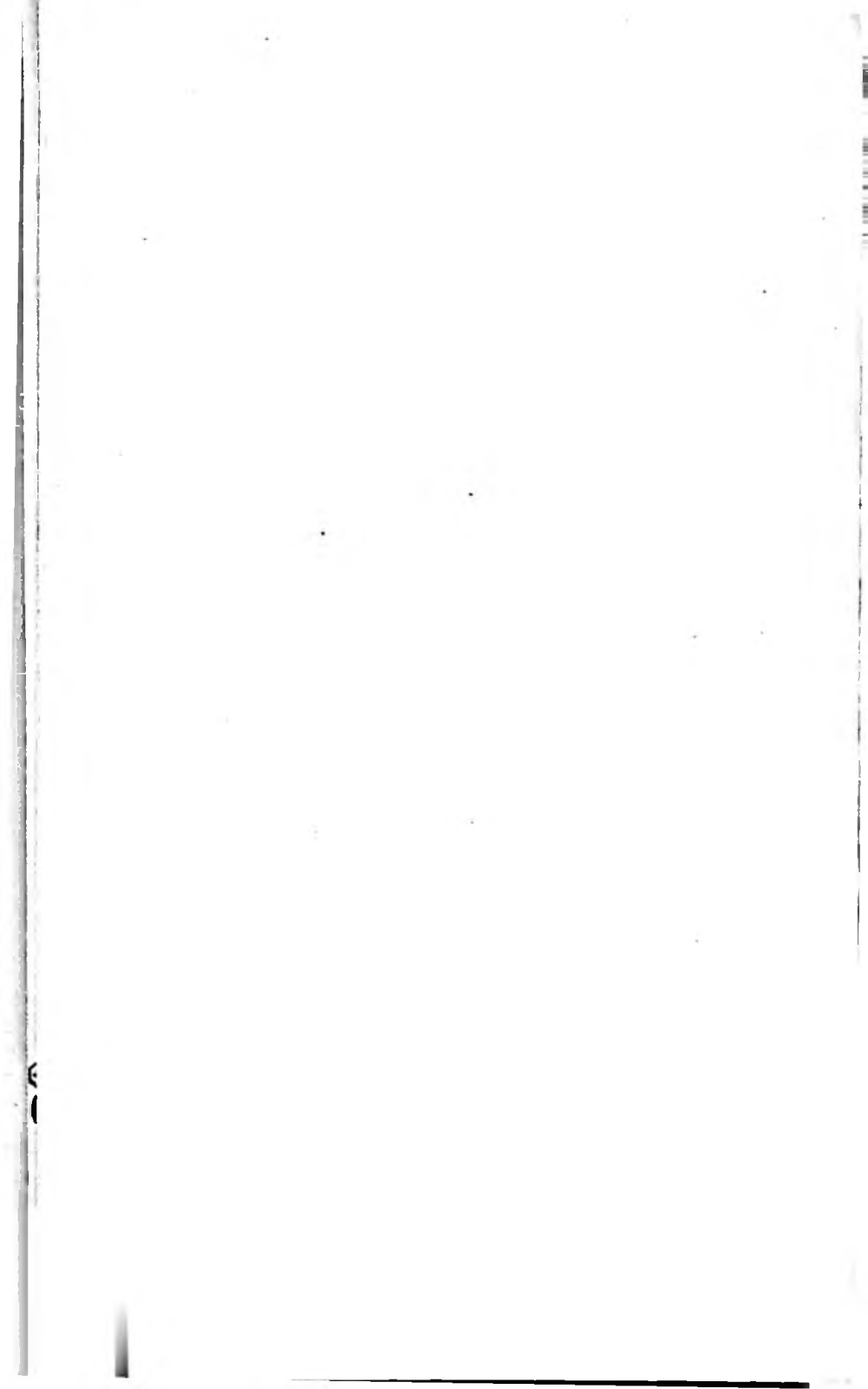
Цель всякого перевода — не только информировать читателя о тех или иных сторонах оригинала, но и освоить его, ввести иноязычное произведение в поэтическую культуру своего родного языка.

Насколько это удалось нашему молодому коллективу, судить читателю.

В. Левик

*Из тагальской
филиппинской
поэзии*

Мар Алкетра-Тибурсио

ВИДЕНИЕ

Замкнула ночь пределы сада,
Раскинув звездный полог свой;
Мерцает светляка лампада,
И, отдыхая от разлада,
Слезам, уроненным листвою,
Душа израненная рада.

Теперь уже издалека
Былой беды неотвратимой
Прощально машет мне рука...
И небо — темная щека.
И по нему слеза любимой
Сползает, огненно ярка...

Но в прошлое стремится снова
Душа моя, нагая тень.
Боящаяся даже слова.
Скитающаяся без крова
В краю, где труден каждый день,
Где жизнь угрюма и сурова.

Любовь, надежды не тая,
Воздвигла храм воображенья
Над пустотой небытия.
Но в страхе просылаюсь я
И замираю без движенья,
И не горит свеча моя.

ТО, ЧТО ИЩЕШЬ,— В ТЕБЕ САМОМ

Что ищешь ты? — Былого мир чудесный,
Утраченный тобой давным-давно?
Прохладу леса — в местности безлесной?
В рассоле моря — воду речки пресной?
Свет солнечный, когда темным-темно,
И звезд мерцанье — в синеве небесной?..

Того, что ищешь,— больше не дано.
Поскольку время просто миновало;
Поскольку сердце горечью полно
И недовольством, и сейчас оно
Стучать устало и любить устало;
Как жить на свете — стало все равно...

Иди назад, не бойся ты указки
Своей души, которой дорогá
Жизнь изначальная, любовь без маски,
Нечуждая очарованью сказки.
Не бойся ты раздеться донага,
Остаться без набедренной повязки!

Вернись к истокам собственной весны —
И будет радость высшая неожиданна,
Уймется боль в объятиях волны,
Уйдет усталость, и вернутся сны;
Омойся в чистых водах Иордана —
И вновь заметишь красоту луны!

Я И МИР

Играют отблески заката,
Приходят волны аромата
Откуда-то из отдаленья;
Но нет минувшему возврата.
Душа утратами объята
И ощущает запах тленья.
Огарки догорели в нише.
А я гляжу куда-то выше
И вновь склоняю взор со страхом.
Воркует горlinka на крыше,
И ветерок журчит все тише,
Смешав тычишки лилий с прахом.

Я вижу в сумрачных долинах
Свой мир в обвалах и лавинах.
Куда податься за спасеньем?!
Я вижу тучи на вершинах,
И весь Парнас лежит в руинах,
Разрушенный землетрясеньем.
Как преклоняться пред богами,
Все меряющими деньгами?!
Я, в думах о насущном хлебе,
Тропы не вижу под ногами,
Любовь окружена врагами,
И тень креста маячит в небе.

Здесь трудно что-нибудь исправить,
Но я хочу себе представить,
Хотя бы в целом, день грядущий.
Куда же мне стопы направить?
Как сердце в бурях переплавить?
Как одолеть настрой гнетущий?
Себе кажусь я просто деревом,
Но птичьим не горжусь напевом;
И жизнь зарубки делать рада
В мозгу, который полон гневом,
Себе кажусь я просто деревом,
Которым топят печи ада!

ТРЕХСТИШИЯ-ХОККУ *

ВЕСНА

Здесь провели влюбленные всю ночь
Они, как тени, ускользнули прочь,
А на песке пятно зарп осталось.

ЗИМА

Подрались два голодных червяка, —
Должно быть, из-за желтого листка,
Холодным ветром сорванного с ветки.

СТАРИК

Заплакал я, как небо в час дождя,
В чулане куклу старую найдя,
Которую сестра играла в детстве.

ОСЕНЬ

Утомлены вечерние сады,
Лежат в корзинах тучные плоды;
А на ветвях целуются калау **.

ГОСТИ

Сегодня ночь особенно темна,
Заснула в тучах узкая луна;
И мой буфет опять изгрызли мыши.

Здесь и далее примечания составителей.

* Подражание японскому лирическому трехстишию

** Название эндемичной филиппинской птицы.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ-ПАНТУНЫ *

ПЛАМЯ

Нужна ли лампа, еле-еле
Светящаяся для себя?
И много ль толку в нашем теле,
Коль не умеем жить любя?

СУПРУГИ

Цветы причудливые эти
Уродцами считаешь ты,
А я нигде на целом свете
Такой не видел красоты!

* Подражание народным четырехстишиям индонезийской поэзии.

Аурелио Г. Анхелес

ШИПЫ НА ТРОПАХ ЖИЗНИ

СЕГОДНЯ грудь моя в тисках,
В тугих объятиях печали,
Как звери в джунглях и песках,
Все беды мира зарычали.
Клубится пепел на висках,
И даже мысли одичали,
Но до сих пор в моих мечтах
Твои шаги не отзывали.
Твоя жестокость, мой недуг,
Увы, объединились вдруг,
И обруч так на ребрах туг,
Что нынче выживу едва ли.

О ТЕНЬ дразнящая! О ночь,
Одевшая существованье!..
Бесстыдства дерзостная дочь,
Клянущее очарование!
Тебя любить уже невмочь,
Так прекрати свое кривлянье,
Меня и бога не морочь,
Уймись, отродье обезьянье!
Ты суть звериную тайшь,
Но, сея обольщенье лишь,
Ты даже в праведных растишь
Неотвратимое желанье.

НЕТ, не могу я сосчитать
Все образы зверья, в которых
Ты умудрилась нам предстать!

А мы в молениях и укорах
Грешить хотели перестать.
Но все грешили, в нежных взорах
Ища святую благодать, —
И вспыхивала страсть как порох.
Вином и плотью мир пропах.
Сгорело все. Но есть в шипах
Живые почки. На тропах
Цветут они в земных просторах.

НЕТ, люди вовсе не рабы
Себя уныньем не унижу,
На каменной тропе судьбы
Ухмылку черепа я вижу.
И что пред ней живые лбы?
Перечить как ее престижу?
Но в книге жизни в час борьбы
Страницу новую предвижу.
И Древо Жизни вновь цветет.
Оно дает бессмертья плод.
Лишь окунаясь в небосвод,
Я душу падшую возвышу.

КАТАСТРОФА В МОРЕ ЖИЗНИ

Ходят волны любви над бездонностью моря,
Беспредельного моря блаженства и горя.
Безрассудное сердце ладью свою гонит,
Убежденное в том, что вовек не утонет.

Не объять нашей мысли безвестного моря,
Где бушует измена: где звездная пена,
Со своей чистотою и робостью споря,
Порывается к небу, как будто из плена.

Темной зависти чужды полет и отвага.
Замутить бы тебя, светозарная влага!..
В ритме сердца волна ударяет о скалы.
И грозят ей безмолвные гротов оскалы.

И порою пытается воображение
Из останков любви сделать плот одинокий, —
Но смертельное не излечить поражение,
Возрастает недуг беспощадно жестокий.

Не утоплено сердце ударами шквала,
Ярость бури как будто отбушевала,
Но навстречу мечте дует ветер сердито,
Мачты сломаны. Хрупкое сердце разбито.

Блещут синей улыбкой отмытые дали,
Никакой тишиной не даря утешенья.
И любовь на обломке кораблекрушенья
Уплывает в объятиях сирой печали.

ВОПРОС ПРИХОДЯЩЕМУ В МИР

Человек, лежащий на подстилке,
Пробуждаясь, видит нашу явь,
И трясутся у него поджилки —
Надо вновь ему пускаться вплавь!

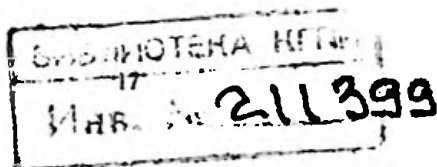
Не обрел он зрения и слуха,
Все вокруг туманно и пестро...
Стонет он, потом бормочет глухо
И хватает писчее перо.

Режет и царапает бумагу
Ржавая, надломленная сталь;
А глаза глядят, забыв отвагу,
На придавленную небом даль.

Устремляется душа за вами,
Элиот, Уитмен и Шекспир,
Свежими, бездумными словами
Напоившие мой скудный мир.

В море жажды, в океане пыли,
На тропе, затерянной в веках,
Старый вождь и юноша застыли
С факелами в поднятых руках.

Стерегут они твое рождение.
Приходящий, дай хотя бы знак:
Принесешь ли ты освобождение —
Опрокинешь ли железный мрак?

БЕГСТВО ОТ БЕДНОСТИ

Наши чувства сердито взыграли в тисках нищеты,
Но немедля поникли, дойдя до запретной черты.
И с привычною бранью мы бодро впряглись, как всегда,
В то ярмо, под которым сгибается имя труда.

Вышел пахарь на битву, не зная врага своего.
Хлеб насущный — оружие, честь и победа его.
Голой силой ворочая почву,

пытается он

Опрокинуть беду, подступившую с разных сторон.
Пересохла земля,

в черных трещинах стонет она.

Каплет пот на нее терпеливо

с утра дотемна.

Хлещет ливень во мраке,

над солнцем ушедшим смеясь, —

И засохшие комья к утру превращаются в грязь.

И в то время, как влажное поле пронзают ростки,
Отдыхает душа от своей вековой тоски.

Нет, недаром пролился твой жгучий, мучительный пот! —
И надежда приходит, и радость за нею придет.

Но трудом подневольным добыть исцеленье нельзя.
Неприменно беда к бедняку подступает грозя.
Ведь ютятся по-прежнему в хижинах жалких рабы.
Обнажив нищету, все равно не уйдешь от судьбы.

Надо разум заставить нам дать настоящий ответ.
Надо жажду свободы извлечь из-под спуда на свет.
И не сыщет страдание

в нашей груди уголка.

Ведь немало способна свершить трудовая рука!

ЗАБЫТЫЙ КУМИР

Ты стоишь, золоченый предмет,
излучающий свет
На молящихся в храме
По усопшим, по чистым, кого на земле уже нет;
Молчаливо стоишь надо всем
столько дней, столько лет.
Разделяющий с нами
Этот страх, эту жгучую боль, этот скорбный обет.
Ты, как страж, пропускаешь несчетных, входящих сюда,
Выходящих отсюда,
Провожая того, кто уходит уже навсегда.
Видишь ты лицемеров,
забывших веленья стыда;
Видишь ищущих чуда,
Видишь каменных, тех, чья душа непомерно горда.
Видишь ты непрестанную смену заплаканных лиц,
Проходящих, как тучи,
Озаренные блеском тревожных, далеких зарниц.
Видишь ты пред собой
на полу распростершихся ниц
Тех, чьи слезы не жгучи,
Потому что притворство струит эти капли с ресниц.
А в то время, как светоч к молитве сурово зовет
Преклонившихся долу
И как будто покоя бессмертной душе не дает,
Беззаботные, те, кто чужой благостыней живет,
Поднимаются с полу
И бегут поплотнее набить отошальный живот.
Ты, выдавший так много, не ты ль всех кумиров мудрей!
Ты прекрасен и светел.
Суется толпа.
Возвышаясь во мраке над ней,
Так привычен ты взору сюда приходящих людей,
Что никто не заметил,
Как убрали куда-то тебя вместе с тайной твоей!

ГОРИТ ВОСТОК

Как видно, в небесах
Есть место, где скопляется беда.
На мировых часах
Отмечено мгновение, когда
С вершины хлынет бурная вода
И смое в море наши города.
В пустынях и лесах
Погибнут беззащитные стада.
Сплошная туча близится сюда,
Не спрятаться, не скрыться никуда,
И в наших голосах
Звучат фанфары Страшного суда.

Но есть порыв иной,
Вторгающийся в наши времена, —
Порой в груди земной
Растет свободы гневная волна.
В краю, где свора черная жадна,
Взрывается народная война!
Грозил клинок стальной
Китаю в годы гибельного сна.
Бурлит Корея — победит она!
Покинув мир ночной,
Теперь и Куба гордая вольна!

И есть Вьетнам,
Где буря беспощадная долга.
Его сынам
Еще не видны счастья берега.
И стонет под подошвой сапога,
И гонит он губителя-врага.
Враг чует сам:
Подбитая колеблется нога,
В смертельной схватке сломаны рога,
И шкура, шкура, ох, как дорога!..
Но все же к нам
История не слишком ли строга?

Хосе Корасон де Хесус

ДЕРЕВО

Приглядишься — и меня в отдаленье
Ты увидишь. Распятью сродни,
Я стою, преклонивши колени,
Словно Богу, целую ступни.

Льются звуки органные в храме.
Жизнь моя в непроглядной ночи,
Как дрожащее кроткое пламя
Над могилой зажженной свечи.

Подо мною ручей неумный
Пел беспечные песни свои,
Я скрывало в листве своей темной
Гнезда птиц, дав приют их любви.

В ручейке я ветвями кивало,
В нем ласкала меня синева,
Я с луной в его водах сливало
Благодатной молитвы слова.

А теперь и в заутреннем гимне
Мне нерадостны колокола.
Птицы в темной листве не видны мне,
Тихо плачет ручей у ствола.

Посмотрите, во что обратило
Время прежнюю радость мою.
Крест увядшей любви, над могилой
Я во мраке крошечном стою.

Тьма повила меня пеленою.
Я пред нею повержено ниц.
Я прохожих в тени не укрою
И листвою не порадуя птиц.

А давно ли я кроной обильной
Бушевало в скрещение дорог.
Ныне ствол мой — на крест надмогильный,
Моя ветвь — на надгробный венок.

МОЯ СТРАНА

Родная страна — земля
Золота и цветов.
Ты даришь глазам красоту
И любовь рождаешь в ответ.
Твоя чистота и нежность —
Приманка для чужестранцев,
И, сделавшись их рабыней,
Ты страдала.

Поймай свободную птицу и посади
ее в клетку —
Птица будет кричать и метаться.
А если в клетке страна...

Если пленная птица кричит,
Рвется из клетки на волю,
Как же рваться должна из плена
Моя родная страна-рабыня.
Мои Филиппины,
Гнездовые слез и страданий,
Я мечтаю о вашей свободе.

Лоне К. Сантос

ИСПОВЕДЬ

Хочу я, чтобы ты меня в душе носила
И думала всечасно обо мне;
Чтоб никогда в себе мой образ не гасила —
Ни наяву, ни в грезах, ни во сне;
Чтоб робкие уста всю радость поцелуя
Извели с моими наравне;
Чтоб ощутила ты, как преданно люблю я,
Биенью сердца внемля в тишине.

Хочу тебе одной во всем повиноваться,
Когда любви приказываешь ты,
Чтоб я с тобою мог повсюду оставаться —
На лоне мира и в стране мечты;
Чтоб я, лады стиха стократ перебирая,
Сумел воспеть прелестные черты
И чтобы я один в зеленых кущах рая
Коснулся первозданной чистоты.

Хочу я, чтоб шипы, вонзаясь в грудь любимой,
Мою пронзали яростно сперва;
Чтоб ревностью твоей безжалостно язвимый,
Обрел я нежности моей права.
Чтоб каждое твое бессильное желанье
Сумели окрылить мои слова,
Сумели отогнать сомненье и страданье,
Когда твоя сникает голова.

Хочу я знать всегда, что в мудрой книге счастья
Твоей печали не было и нет,

И знать, что не дано дыханию ненастья
Согнать с лица благословенный свет;
И твердо знать о том, что не напрасно
Был нами дан ликующий обет,
Что будет до конца желанно и прекрасно
Прозрачное течение наших лет.

Хочу я, чтоб цветок неутолимой страсти
Не увядал в саду любви моей;
Чтоб не погасла, нет, у ночи в темной пасти
Бессмертная звезда твоих очей.
А если суждено с неодолимой силой
Нести утраты мне к скончанью дней,
То чтоб не ты, не ты была взята могилой,
Но первым я заснул навеки в ней!

КАПЛЯ

Я — капля чистая сверкающей росы,
В ночные зарожденная часы.
Я — капля дождика над полем опаленным,
Дарящая себя росткам зеленым.

Я — капля пота, говорящая о том,
Что есть усталость в теле налитом.
А если пота нет на чьей-то коже темной —
Тот, значит, попросту лентяй никчемный.

Я — капля жгучих слез покинутой жены, —
Страдания во мне отражены.
Я — капля крови той, которая народу
Героем отдана в сражение за свободу.

Я — капля смерти той, которой скорпион
Разит себя, в огне со всех сторон,
И той, которая на зубе кобры белом
Несет погибель даже самым смелым.

Трудом и выдержкой, примером жизни всей
Учу я неустойчивых людей, —
Работою своей, неслышной и невидной,
Могу преодолеть утес гранитный.

РОДИНКА

Я — родинка, приметя из примет,
Украсившая тело человека,
Все качества природные на свет
Из мрака выводящая от века.

Я в юности — красна, черна — когда стара.
Я не боюсь ни солнца, ни лекарства.
Я — знак надежный правды и добра,
Я — знак тревожный злобы и коварства.

Я — вдумчивость — на лбу, а на носу
Обозначаю нудную сварливость,
А на губе — наверняка несу
Одну неугомонную болтливость.

Когда на подбородке — грубость я,
А на плече — терпенье и покорство.
А на икре — бродяжьего житья
Никем не постижимое упорство.

Любвеобильность — на одном из век,
А на стопе расту — чтоб не ленился..
Без родинки несчастлив человек —
Он без лица как будто бы родился.

Эпифанио де Сан-Хуан

QUERIDA MIA *

С новой песней старинная дружит гитара.
У аккордов ее нежный запах нектара.
Разноцветные звуки раскинули крылья,
Над горами и морем они воспарили.

Все какой-нибудь след оставляет в природе —
Даже мысли полет, даже крылья мелодий.
Но взгляни на живущего праздно и сыто —
Разве в мире останется след паразита?

Был огонь в моих пальцах то кротким, то грозным
И в одном жил он ритме с мерцанием звездным,
То печальным цветком расцветал надо мною,
То глотал поцелуи горячей волною.

В душевной темени слышится смех попугая.
Губы белыми сделались, мысль исторгая.
Плод упал, на куски разлетясь при ударе.
Это новая песня на старой гитаре.

* Querida mia (исп.) — моя любимая.

МАСКА ПОЭТА

I

Бесформенно мое лицо,
И желанья мои
Безымянны.
Это комната со множеством дверей и окон,
За которыми под напором ветра
Хрустит бамбук.
Не признавайся, что выстрелом
В каждом вздохе твоём отдается
Человечья сущность этого хруста,
Ибо во взгляде и слухе любви
Светится и отдается движенье каждой души.
Потому-то я в комнате этой один
О целом мире скорблю.

II

Мое «Я» — это то, что может очнуться
В любой песчинке живого,
Промелькнуть в ощущение земли,
Птицы, цветка, моста и звезды —
Всего, что можно окинуть взглядом.
Вот к чему меня приведет
Нить размышленья:
Я внезапно очнусь
От вспышки метеорита.
То был единственный свет в бездонной тьме
Одиночества,
Откуда берут начало и плоть и любая вещь.

ЯД В КАЖДОЙ ГРУДИ

Год заключенья — и станешь звериной тенью.
Каждая мысль — червем из черепа.
Трется тревога о ребра.
Ножом из груди тоска.
Зубы в оскале скребутся о темень.
Откуда, откуда ждать нападения?
Страх скользкой змеей оплетает голень,
Вонзается — как хоботок комара.
Каждое сердце пропитано ядом.

Лишь в пальцах живет ожиданье свиданья
Где-то в конце пути.

Хрупкое тело, в котором жизнь без напора.
Среди эпидемии зверств лекарства жалости жалко.
Бесплодна и мраком обглодана эта земля.
Честь сына — горсточка пепла.
Имя отца — струйка горького дыма.
Судьба — проклятье, чья загадка в закладе.

ОБРАЩЕНИЕ К СОВРЕМЕННОКАМ

Люди, жрущие золото, —
Бурю пожнете!

Кровь восстанет. Вопль урагана
Прокатится на рассвете.
И потекут в болото отбросы
Изувеченных репутаций.
Впальми животами повержены будете в грязь.

За вами будут охотиться молнии
И под вой ветров сводить с вами счеты.
И нигде не найдете защиты.
Вам не дано будет жить.

Потоки ярости
Будут смывать вас с обрыва.
Терновый венец завертится на голове.

И это пророчество сбудется,
Когда прокричит петух.

Голос свыше: «Ты это сказал».
Смерч —
Вот украшение небес.

Амадо В. Эрнандес

КУЗНЕЦ

Вот железо. Его извлекают из гор,
а потом размягчают над пламенем горна,
мнут и плющат его, бьют кувалдой в упор, —
и рукам человека железо покорно.

Превращается вязкая масса в предмет,
руки чуткие плуг обнаружить смогли в ней,
плуг выходит в поля, он в работе чуть свет,
чтоб на борозду сыпались зерна и ливни.

Но взметнулся огонь мятежа над страной —
вся страна, как вулкан, истекающий лавой,
патриоты с оружием становятся в строй,
чтоб стоять до последнего в битве кровавой.

Вновь из жаркого пламени плуг извлечен,
вновь под молотом корчится сталь неживая,
и становится лемех разящим мечом,
и сверкает, к возмездию народ призывая.

Вот металл, нет такому металлу цены,
пусть не так уж блестит, пусть он скромен
снаружи,
превратившись в сошник, он — кормилец страны,
и защитник страны — превратившись в оружие.

Вот кузнец, поглядите. И сам он отлит
из металла, из стали особого рода,
с наковальнею рядом он скромно стоит,
но в руках его черных — и жизнь и свобода.

РУКИ

Вот закон бытия: все трудиться должны,
две руки человеку затем и даны.
Чудо в силах свершить он при помощи рук.
Сколько дивных вещей мы встречаем вокруг!

Наши руки способны к любому труду:
могут строить, пахать, могут плавить руду.
Все на свете достигнуто нашим трудом:
пламя, платье, бумага, машина и дом.

Руки ангела в зыбке качали детей —
руки матери, — что есть на свете святей?
Дланью Каина кровь на земле пролита,
грех отпущен преступнику дланью Христа.

Царь томился без друга в покоях дворца
и просил по руке погадать мудреца.
Тот ответил: «О царь, самый верный твой друг —
это десять перстов твоих собственных рук».

Да, затем две руки нам природа дала,
чтобы жизнь процветала, чтоб лучше была,
не затем, чтобы рушить, а чтоб создавать,
не затем, чтобы брать, а затем, чтоб давать.

Угнетенные вышли на бой из лачуг,
стали грозным оружием тысячи рук,
ночью вспыхнуло пламя, восстала страна,
и свобода руками была создана.

Вот и новое здание возведено,
как задумано было, как снилось давно,
руки, сердце, душа — все в работе, и вот
продолжает страна свой победный поход.

Оглядитесь: пред вами лежат города
и селенья — все это под властью труда.
Море, небо, земля — все, что видим вокруг, —
все покорно, все движется волею рук.

Мои руки привычны к работе любой
и готовы трудиться, бороться с нуждой.
Грубы пальцы, прядущие тонкую нить,
руки черные золото в силах добыть.

О любовь моя, руки твои, как цветы,
так душисты они, так нежны и чисты,
стоит мне заболеть, иль беду повстречать,
твои руки, как небо, дарят благодать.

Поглядите на стрелки — на руки часов,
их движенья — безмолвный, настойчивый зов:
«Человек, ты не вечен, был жив — и угас.
Эти руки отметят последний твой час».

ГЕРОИ

Я труженик скромный, песчинка, частица,
из нас, миллионов, стена громоздится.
Быть может, рождением обязан я богу,
но сам выбирал я судьбу и дорогу.
Я знаю, что сказано было в Писанье:
мне в поте лица добывать пропитанье.

Когда этот мир я увидел впервые,
он гол был, а люди все были слепые.
Так было в те дни. Не по той ли причине,
что царства возникли в горах и в пустыне?
И солнцу светить повелел я ночами,
и душу и жизнь озарил я лучами.

Элладу и Рим я будил и — не скрою —
однажды разрушил надменную Трою:
как молот и меч — мои тяжкие длани
готовы исполнить любое желанье.
И если владеет богатствами кто-то —
все это моя сотворила работа.

Я царь, но ни трона, увы, ни короны,
властитель, всегда пред другими склоненный,
другим все мое состоянье досталось,
а мне только голод, нужда и усталость.
Мои подопечные все — воротилы,
на шею мне сели и тянут мне жилы.

Лопатою золото греб я упрямо,
но мне ни куска, ни крупинки, ни грамма.
Собрал урожай я на рисовом поле,
мне горсточка риса досталась — не боле.
Я жертвовал жизнью — другие бы жили,
а сам я одною ногою в могиле.

Всю землю я залил слезами и кровью,
я вспахивал черное поле с любовью,
но я не дождался земли от свободы.
Пусть где-то вершины достигли народы,
а я все по кручам взбираюсь упрямо.
Я — в прахе, а кто-то под сводами храма.

Мир мчится вперед, и несут его в дали
колеса страданий мот и печалей.
Я людям дал крылья, чтоб в небо взлетели
и чтоб возвратились к своей колыбели,
чтоб в горы проникли, в глухие теснины
и в темную глубь океанской пучины.

Дороги, дворцы, виадуки над бездной
воздвиг я своею рукою железной,
богатство добыл под земными пластами,
чтоб торг и ремесла цвели и блистали,
но трещина меж человеком и вещью
росла... и теперь мы в неволе зловещей.

Да, жизнь жестока. С ней шествуя в ногу,
и я к оскорблениям привык понемногу.
Хоть каждый из нас — человек, но извечно
в почете различье меж «некто» и «ничто».
Ведь замок возводят из камня простого,
и в стойле свершилось рожденье Христово.

Попрать человека во мне, в человеке! —
деянья подлей не бывало вовеки.
Деньга есть деньга, где б ее ни достали.
Твердят нам, что деньги не пахнут? Едва ли!
Хоть вы, лихоимцы, меня оттеснили,
истории бег удержать вы не в силе!

И если не я, то какая же сила
историей движет и жизнь изменила?
Богатство? Но деньги ведь созданы мною.
Страна? Но ведь я и являюсь строною.
Все в воле моей — все дела и события,
и все, что желаю, могу совершить я.

Я выстрадал право в бореньях и в муке,
я верю — однажды возьму его в руки.
Стою за свободу! Вы против? Ну что же!
Мы встретимся в огненной буре событий,
величье мое вы еще ощутите!..
А тот, кто к труду не причастен, — ничтожен!

РИС

Когда-то с буйволом сдружился человек,
мощь с трудолюбием соединив навек.

Сначала пропололи
высокую траву талахиб, а потом
вспахали плугом поле,
широкой бороной взрыхлили каждый ком.

Шли чередой дни, потоками дождя
на землю черную бесплодно нисходя.

Прошло семь дней недели,
и зерна в грунт легли и вскоре проросли,
сто тысяч рук воздели,
высокий небосвод приветствуя с земли.

И поднялись ростки на пядь, еще на пядь.
Рис высажен в ряды, стал снова подрастать.

Пред нами скоро лягут
зеленые моря, подует свежий бриз,
стремительный хабагат
волною всколыхнет новорожденный рис.

Земля распахана, засеяна, и вот
в утробе матери зерно уже растет
благодаря заботе
природы и людей, и кормится росток
от материнской плоти,
и сердце матери в него вливает сок.

За девять месяцев налиются колоски,
наполнены зерном, пышны и высоки,
сгнибает стебли бремя.

И в лоне женщины преобразится плод,
посеянное семя,
тот плод уже не скрыть, он все растет, растет.

Богатый урожай уже поспел и сжат,
златою россыпью пучки стеблей лежат
на солнечном просторе.

И руки быстрые, привычные к труду,
их соберут и вскоре
колосья свяжут в сноп, поставят сноп в скирду.

Двойною радостью ты, осень, нас даришь:
и уродился рис, и родился малыш
частицей драгоценной
от плоти матери родимой и отца.

Пришли одновременно
и рис и человек — два брата-близнеца.

Младенца понесут крестить под рождество,
на стол поставят рис, чтоб встретить торжество,
еда наполнит блюда:
пинипиг и суман, каламай и пирог..

Жизнь — подлинное чудо,
которое земля творит в короткий срок.

ВЕСНА

Год кончается. И начинается год.

Роженица скончалась, младенец живет,
ведь конец жития — не конец бытия, —
путь закончен, но снова ползет колея,
человек все идет, все шагает вперед.

Кончен век... продолжается круговорот.

Солнце золотом землю заляет, и опять
руки будут земные плоды собирать,
снова ночь, вся одетая в шелк и атлас,
окунется в мерцающий жидкий алмаз.
Жизнь, о сколько ты чаяний даришь всегда
человеку мечты, человеку труда!

Закрывает и солнце глаза иногда,
и тогда миллионами жал холода
землю голую жалят в течение зимы,
и тогда бедняков среди стужи и тьмы
согревает одно только пламя в ночи —
вера в то, что еще засияют лучи.

Вдруг из трещины черной, пробившись едва,
неуверенно первая глянет трава,
снова рост начинается, тих, но упрям,
птицы свистом приветствуют мир по утрам;
март к нам в гости пришел, и не знающий сна
ветер шепчет одно только слово: «Весна!»

ЖИЗНЬ

На свете девушка жила, была мила,
ее довольство и успех сопровождали,
но милый разлюбил ее, и вот в печали
отраву выпила она и умерла.

Жил человек. Был знаменит, достиг высот.
Он был умен, большой талант ему достался.
Однажды оступился он, упал, сорвался
и пулю, не моргнув, пустил себе в висок.

Жил нищий, беден был, как мышь, жил кое-как;
он, побираясь, добывал лишь мелочишку,
а что добудет — проедал, не клал в кубышку,
как червь ничтожный, дни свои влачил бедняк.

Жил-был старик, он прожил век, он был убог
и немощную плоть таскал, как черепаха,
и каждый день он смерти ждал, дрожа от страха,
моля, чтоб жизнь ему продлил всемогущий бог.

Парадоксальна эта жизнь, как анекдот:
прекрасный гибнет мотылек в цветах пахучих,
а на могилах, на камнях, на мертвых кручах
восходит чахлая трава, репей растет.

Бывает жизнь — вокруг простор, да все песок,
пустыня, где трава и в дождь не прорастала.
Бывает жизнь — под стать щеглу, пичуге малой,
но сладостен ее напев, полет высок.

Вот вам вопрос, его никак не разрешить:
где здесь начало, где концы и где исходы?
Иной уже при жизни мертв, томится годы,
другой скончался, но ему за гробом жить.

Мы чаще жалкий век влачим, в тиши живем,
герои жертвуют собой, их путь — страданье;
порою люди говорят, как в оправданье:
живой собакой лучше быть, чем мертвым львом.

Проходят дни. Растет дитя, растет побег,
мгновенно заросли растут кустов колючих,
но дед мне часто говорил: «Послушай, внучек,
всегда старайся жизнь прожить, как человек».

ВРЕМЯ

Довольство, тяготы, зной, холод, ночь и день,
течение, ветер, цвет, звук, запах, свет и тень,
зерно и зрелый плод, и старец, и юнец,
любовь и жизнь, и смерть, начало и конец...

Что есть вне времени? Его извечен бег,
в нем — все: число, размер, день, месяц, год и век.
Где путь вне времени? Таких на свете нет.
И на какой вопрос оно не даст ответ?

Свершает чудеса его незримый ход:
рассеет запахи, поднимет птиц в полет,
растратит золото, источит жемчуга
и друга превратит в заклятого врага.

Мгновенье каждое — грядущего залог,
вдох каждый как исток, а выдох как итог.
Родился человек, издал свой первый крик,
покинул колыбель, глядишь — уже старик.

Порой уснешь весной, сморит тебя жара,
проснешься — за окном уже дождей пора.
Увы! Таков закон — все время смены жди:
зной, холод, ад и рай, засухе и дожди.

О время! Как оно причудливо течет:
то груды золота, то неоплатный счет.
Оно как ростовщик, что копит барыши
с каких-то пустяков, с процентов на гроши.

Шальной красавице оно всегда под стать:
уладу нам дарит, а может горечь дать.
Что толку утверждать и ставить об заклад —
и радость и печаль сокрыты, словно клад.

Не в меру поспешнись — и вот уже беда,
лишь осторожные удачливы всегда,
и если с временем живешь в согласье ты,
найдешь заветный ключ от золотой мечты.

Оно изменчиво и может подвести,
хотя не всякий раз встречаем зло в пути,
когда мы в плаванье — и среди мирных вод
неосторожного погибель стережет.

Святая истина, что все имеет суть,
и на любую вещь полезно хоть взглянуть.
Так и со временем. Короче говоря:
впустую тратя миг, мы тратим время зря.

Судьба крылатая огромней в сотни раз,
чем исполинский гриф: миг — и покинет нас.
Нерукотворные стремительны крыла,
с ней состязаться мысль и та бы не смогла.

И если время к нам свой обратило лик,
мы встретим горестный или счастливый миг.
Стремимся к цели мы, но путь заветный тот
не только к радости — к могиле нас ведет.

Вся жизнь — короткий день, недаром говорят:
рожденье как восход, а гибель как закат.
Бесплодно прожит день, прошел — и не вернешь,
на жизнь загубленную день такой похож.

Коль цели не достиг, ты сам себя вини —
причиною тому растраченные дни.
Пришел к тебе успех, и цели ты достиг, —
о, значит, каждый день берег и каждый миг.

Вес времени велик — ну с чем его сравню? —
он, может быть, под стать земле, воде, огню.
У всякого раба есть господин всегда,
для времени равны рабы и господа.

Осталось мне прожить лет десять или пять,
вчера уже прошло, а завтра... что гадать!
Остался краткий срок, но, честно говоря,
я прожил долгий век и, кажется, не зря.

ДОРОГА

Оглянулся я. Путь был, конечно, тяжел, —
боже правый! — но как далеко я ушел!

Полстоletья — немало,
значит, я до Голгофы свой крест доволол...
Сам тащил... Иисусу хоть кто-то помог.

Помню лето. Как жадно глядел я вокруг —
в детстве все поражает, все ново — и вдруг
солнце круг описало,
и декабрь на носу, и уже холода.
Что поделаешь — в мире апрель не всегда.

Встретил радугу я — путь в неведомый край.
Стал взбираться. Шагаю полвека, считай,
все по той же дороге.
Ныне понял я: радуга — это мечта,
если ввысь мы протянем ладонь — пустота!

Похитители смелые с неба не раз
приносили огонь, и в пути он не гас,
только мстили им боги,
говоря: «На Олимпе огонь мы зажгли,
он божественный, он не для жалкой земли».

Как Флорант *, я постиг, что победа добра
нелегка и что чаще неравна игра.

Значит, если я смею
злу войну объявить, я чужак, сумасброд,
против мельниц сражаюсь, как встарь
Дон-Кихот.

Люди часто, подобно креветкам, скользят
по течению, хотя их относят назад,
цвет меняют и змен
под окраску травы, под песок, под камедь,
в клетке певчая птица старается петь.

* Герой поэмы классика тагальской литературы Фр. Балаг-таса (1783—1862) «Флорант и Лаура».

Сколько путаных троп, все зменсты, круты,
ты идешь и никак не достигнешь мечты.

Чертовщина какая!

Ты ступил на песок, — значит, рядом вода,
встретил озеро — к лесу придешь без труда.

Все молитвы услышит невидимый бог,
всякий путь, всякий след и прекрасен и плох,
но дорога земная

к цели нас непременно должна привести,
а блуждая по небу, собьешься с пути.

Я учился в пути не пьянеть от красот,
от мерцанья лучей, от лазури высот,
и судьба мне открыла,
что не скован мой дух и что воля моя
могут к славе вести иль к вратам забытья.

И теперь, когда путь мой пошел под уклон
и последний уже предо мной перагон,
два шага — и могила,
вы прочтете в истории жизни моей:
«Он чуждался изъезженных, старых путей».

ЦВЕТ КОЖИ

В Писанье сказано, как создал бог людей.
Искусным в ремесле создатель был и все же
ошибку допустил, и с тех далеких дней
встречаем часто мы различья в цвете кожи.

Из теста одного и в той же мастерской
людей изготовлял один и тот же мастер,
но почему тогда стал пестрым род людской?
Откуда на земле все люди разной масти?

А было так: добыл сырую глину бог,
подобие свое слепил из этой глины,
прекрасно вылепил, и лучше бы не смог,
и сразу сунул в печь, как мы суем кувшины;

немного подержав в печи, решил: Пора! —
не дал огню обжечь той глиняной болванки
и вытащил ее. Она была сыра —
отсюда и пошли испанцы все и янки.

Вновь глину бог лепил и снова сунул в печь,
стал угли раздувать и дров подбросил даже,
фигуру он решил как следует обжечь,
а вытащил — она была чернее саж.

Расстроился господь: «Неужто я под стать
совсем неопытной хозяйке? Вот досада!»
Стал осторожнее, минуты стал считать,
не медлил, не спешил, и вышло все как надо.

Так люди созданы, чей цвет, как шоколад, —
как сложены они, как хороши собою!
Здесь что ни женщина — готов грешить аббат,
здесь что ни юноша — от женщин нет отбою.

Вы, дети Филиппин, других не хуже рас,
гордиться вы должны коричневою кожей,
вам шоколадный цвет пришелся в самый раз,
все прочие цвета — всего лишь промах божий.

А впрочем, я назад свои слова беру,
не в цвете кожи суть. Ведь, как велось от века,
за мякоть ценим плод, а не за кожуру,
за сердце и за ум мы ценим человека.

СЕРЕБРЯНАЯ ЧЕШУЯ

Вот бульвары. Их словно предали огню.

Здесь гирлянды светил даже звезды затмили.

Черепашками ползают по авеню

непрерывно гудящие автомобили.

По Эскольте снуют они взад и вперед,

как ряды монументов, надменные зданья.

Соблазниться ж на рынке никто не рискнет

овощами гнилыми и прочею дрянью.

Здесь веселье и танцы, и льется вино,

день и ночь наслаждаются люди досугом.

Магазины, гостиницы, бары, кино,

если деньги в кармане — все к вашим

услугам.

И турист изумлен: процветает страна!

Сколько блеска: витрины, рекламы, афиши!

Так зачем же нам врут, что она голодна,

что миллионы людей не имеют и крыши?

СТАРАЯ И НОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

I

Лет пять, а может, шесть он гнул бесплатно
спину
в усадьбе у отца возлюбленной своей.

И лишь на третий год посмел он прикоснуться
к трем пальцам девушки, которую любил.

Семь долгих лет прошло, пока их обвенчали.
Теперь у них детей и внуков целый полк.

II

Суббота. Встретились в гостинице «Манила»,
и выпит поцелуй был вместе с коньяком.

Среда. Счастливые в Гонконге приземлились,
женились, провели медовый месяц там.

Четверг. Разъехались, довольные донельзя,
и женщина в «рено» отправилась одна.

ГИМН КРАСОТЕ

Как и любой поэт, я сделан из железа,
а красота — магнит, и потому всегда
в своем кудьяпи я
напевы берегу
о радужных цветах, о небе голубом,
о травах полевых, о звонком роднике.

Мое волнение мгновенно пробуждают
лесные шорохи и щебет певчих птиц,
меня пьянят вино
и запахи цветов,
и я живу в мечтах о белизне луны,
меня манят лучи созвездий и планет.

Не говорили «нет» мои глаза ни разу
в ответ на первый зов блестящих женских глаз,
хотя и говорят,
что все это — на миг,
что завтра красота не будет красотой.
Неправда. Красота вовеки — божество.

О, женская краса! Божественная сила,
недаром и у нимф был нежный женский взгляд,
улыбка как платок,
чтоб слезы осушить.

Желание твоей любимой как закон,
его ни обходить, ни нарушать нельзя.

И я совсем глухой, когда звучит насмешка:
«Поэт чуть-чуть того... ну, в общем, сумасброд,
всегда он будто спит,
он грезит наяву
и среди бела дня глядит куда-то ввысь,
как будто в небесах звезду решил схватить».

Но мир вокруг таков, что делается жутко
и горько на душе, и только потому
хочу я превратить
в поэзию любовь
и в красоту облечь наш неприглядный мир,—
пускай все это блажь, пускай неверный сон.

За годы долгие одну я правду понял,
от этой истины нам некуда уйти:
врут часто зеркала,
нет красоты такой,
которая в себе уродства б не таила,
нет безобразия без доли красоты.

ТЫ И Я

Если сердце мое наподобье цветка,
припади и дыши его запахом нежным,
а пресытившись, скомкай движеньем
небрежным —
все равно сохранит благоволе рука.

Если свет предо мною мерцает в ночи,
это ты мою тьму озаряешь слезами,
ибо в каждой слезинке — дрожащее пламя,
ибо слезы твои — как сиянье свеч.

Если страсть в моем сердце, как птица, полна,
принесет мне усладу она и в темнице,
на любимой груди этой птице гнездиться
и ее поцелуй твой насытит сполна.

Если вся моя жизнь за решеткой теперь,
все равно только ты ей хозяйка поныне,
и вино нашей радости снова в кувшине,
и для прочих гостей заперта моя дверь.

Но ведь я — это я, но ведь ты — это ты,
и хотя небеса для земли — покрывало,
им не слиться вовеки у общей черты:
ты — сиянье небес, я — зиянье подвала.

ПОЦЕЛУЙ ЛУНЫ

I

Я ждал вчера луну до самого рассвета.

Куда девалась ты, волшебница луна?

Я терпеливо ждал, но не было ответа,
я звезды вопрошал: «Скажите, где она?»

Под утро лишь взошла ночных небес царица,
пролился луч в окно — прозрачная струя,
со мной он говорит и весело искрится:
«Твоя любимая — по-прежнему твоя».

И я луну молил, чтобы тебя коснулась
она лобзанием моей души больной,
и, если невзначай ты в сумраке проснулась,
тебя мой поцелуй встревожил в час ночной.

II

Я наконец уснул, взяла свое усталость,
писал тебе стихи, не вышло ничего,
слезинка на строку легла и распласталась
печатью зыбкою страданья моего.

Быть может, и во сне я мучился тоскою,
которая в моей проснулась глубине.
Как небо и земля, мы врозь теперь с тобою.
Неужто суждено весь век томиться мне?

Вдруг тронул свет меня, прервал мой сон
глубокий,
стер со щеки моей слезинку этот свет.
Меня целует луч в уста, в глаза и щеки.
Спасибо, милая, тебе за твой ответ.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Даришь меня любовью, и заботой,
и светом красоты,
и все же я тревожусь отчего-то,
меня страшит, что вдруг исчезнешь ты.

Быть может, страсть меня лишила зренья,
быть может, ночь и день
меня терзают вздорные сомненья
и устрашает собственная тень.

Нсужто мне любви и веры мало?
К чему мне снится ложь?
Ты всю себя без меры отдавала,
откуда же боязнь, что ты уйдешь?

Считаюсь я громадою гранитной,
но я цветок в тени,
я только одуванчик беззащитный,
я зеркало — смотри не урони!

Не разлюбил! — страшусь я этой кары.
Во сне меня зови!
А впрочем, это снятся мне кошмары,
всего лишь наваждения любви.

СКОРО

Цветы весь день цветут и пахнут, но под вечер
до самого утра свой прекращают рост,
до самого утра сверкает россыпь звезд,
при солнце их лучи тускнеют, словно свечи.

Жестокая гроза и долгий серый дождь
сияние луны и солнца затмевают,
а наводнения в морской простор смывают
большие валуны, деревья старых рощ.

Все станет пеною, потом исчезнет пена,
растает запахи, рассеется краса,
ведь время дивные свершает чудеса,
способно создавать и разрушать мгновенно.

И если красота должна себя изжить
и если жизнь сама — не вечная опора,
любовь, моя любовь, быть может, очень скоро
порвется и твоя сверкающая нить!

ДЕВИЦЕ, УЖЕ НЕ ПОХОЖЕЙ НА СВОИ ДАВНИЙ ПОРТРЕТ

У зеркала тебя я заставлял не раз,
ты, повязав платок, не отводила глаз
от зеркала, нища красы минувшей след...
Но что могла найти?.. Все стерли тридцать лет...

Да, ты была цветком и украшала сад,
увяла ты, и он уже тебе не рад.
Бессильна ты прельщать, как нежно ни мани,
опали лепестки, торчат шипы одни.

И ты теперь всегда тревожна и грустна,
тебя всего сильнее печалит седина.
Когда б от старости бальзам избавить мог,
ты душу б отдала за тот бальзам в залог.

Как часто в юности твердила ты, смеясь,
что сердца твоего достоин принц иль князь,
насмешки, гордая, всегда дарила ты
поклонникам твоей цветущей красоты.

К признаньям и мольбам бывала ты глуха,
посланий, порванных тобою, — вороха,
но ты уже не та, какой была тогда,
померк твой прежний блеск — ведь гаснет
и звезда.

Любовь поругана, осмеяна тобой,
теперь владеешь ты сомнительной красой,
ты — ходовой товар, что только небу мил,
не набивай цены, господь уж заплатил.

Близка ты к старости, а свежих много роз,
на новую красу теперь на рынке спрос.
Девница как макрель — тому примером ты,
несвежей рыбы есть не станут и коты.

Во всем себя вини — кого ж еще винить?
Нельзя же красоту, как золото, хранить.
Плод манго, если спел, усладу нам дает,
но не прельщает нас лежалый старый плод.

ТЮРЬМА

1. ТЮРЬМА

Часы моей жизни унылы, темны,
я вырван из мира. Весь мир мой земной —
бетонной каморки четыре стены...
Все лето здесь печь, холодильник — зимой.

Не воздух вокруг — удушающий газ,
здесь не было свежего ветра и нет.
Печали растут что ни день, что ни час,
бороздки на лбу — их единственный след.

Здесь мрак воедино с мерцанием слит,
где дни здесь, где ночи, и не разберешь,
тюремщик всегда исподлобья глядит
и взгляд холодит, как отточенный нож.

Увидит ли землю, моря, небеса
лежащий в гробу под тяжелой плитой?
Зову, но людские молчат голоса,
кричу, но, как в склепе, мой голос глухой.

Повергнуть, сломить мою душу и плоть
не в силах ни горе, ни ужас, ни боль.
Мольбу мою в небе услышал господь
и мне даровал к моим ближним любовь.

Но память моя на свободе всегда,
ее не загнать ни в какой каземат:
мне ласку любимой дарует звезда,
как весточка с волн — цветов аромат.

Идет за почамы сияние дней,
любая дорога имеет конец,
вглядитесь во тьму, вы привыкнете к ней,
ее украшение — звездный венец.

Гроза в небесах отгрохочет, и пот
опять над горами покой невесом.
Покуда господь в наших душах живет,
мы тяжкий свой крест на вершину несем.

2. ВЕРА

Видел я, как рождается солнце в крови.
Поднималось оно и лучи источало.
Каждый новый рассвет — новой жизни начало,
утро новой судьбы, утро новой любви.

Слышал я, как веселый летел ветерок,
пел задорную песенку в чашах, и в поле,
и над быстрым ручьем. Эта песенка с волн
за решетку ко мне доносилась в острог.

О любимая, радость моя и мечта!
Это ты помогаешь мне жить в заточенье,
ведь любовь перевесит любые мученья,
и меня не гнетет уже тяжесть креста.

Есть покуда любовь, жизнь свершает свой путь.
В сердце вера еще и дыханье свободы.
Никакая тюрьма, никакие невзгоды
не способны меня ни сломать, ни согнуть.

3. ТАЛИСМАН

Дождь. Темнота. В порыве неустанным
за ветром ветер гонится вослед,
грозится стать жестоким ураганом.

Промозгло и темно, просвета нет,
над нами — неба яростное море,
где только молний вспыхивает свет.

Настало время бедствий, время горя.
Над мальчиком умершим стонет мать,
хохочет мир безумный, столам вторя.

Все закипело, волны режут гладь,
пропахли ветры кровью. Видно, где-то
настал черед свинцу повелевать.

Здесь проклят человек и вся планета,
но этого не замечает он
и на войну ушел из лазарета.

Ну что мне этот яростный циклон,
все ужасы, лишения и болезни?
Я заживо в темнице погребен.

4. ПРОБЛЕСК

В окне тюремном я увидел птицу,
порхала весело в листве густой.
Она на воле, загнан я в темницу.
«Чирик-чирик» — насмешка надо мной.

Стучит в окошко ветерок рассвета,
и он смеется. Он — молвы гонец —
принес мне шум высокомерный света,
который говорит, что мне конец.

Я вижу парус в голубом просторе,
машу рукой, но он уходит вдаль,
и вот беззвучно плачу я от горя,
как поцелуй в слезах — моя печаль.

Свободны птицы, ветры, вся природа,
но и мои мечты и дух вольны,
как светлый луч веселого восхода,
как звонкий крик проснувшейся страны.

5. ПОБЕДА

Моей надежды зыбок свет — то вспыхнул,
то почти погас,
и все-таки, хоть мраку нет конца,
не угасает этот свет, трепещет, меркнет, но горит.
Хотя мой голос и охрип от слез,
а все-таки звенят слова моей надежды и мечты.
Не тупится в моей тюрьме перо старинное мое,
и слово каждое разит, как пуля, и, как меч,
остро,
Случается, что приговор — для осужденного
венец, —
не важно — здесь тюрьма или не тюрьма.

Бывают на земле бои, где побежденный победил:
уже победа, если рухнул мрак.

И если я в стихах воспел

свободу, справедливость, честь,
они останутся в сердцах народа, знающего гнет.

Я рад, хотя наградой мне, быть может, будет

эшафот.

КЛОЧОК НЕБА

Неправедной властью я брошен в темницу,
задумали судьи замкнуть мою душу,
решили — не выдержит брренное тело,
и чувства умрут, и стремленья угаснут.

И я в каземате. Меня окружают
железо и камень; свинец и охрана
надежно меня отделили от мира,
живу я, но в списке живущих не значусь.

В окошке решетчатом передо мною —
лишь неба клочок, орошенный слезами,
лоскут голубой — на пробитое сердце,
плачевной судьбы моей грустное знамя.

Как молния, быстры глаза у охраны,
засовы ко мне никого не пускают,
и вопль человеческий в камере ближней
подобен звериному вою в пещере.

Все дни — словно звенья в цепи неразрывной,
что я волоку на лодыжках истертых;
все ночи похожи на саван могильный,
под стать этой черной тюремной гробнице.

Порою шаги громяхают за дверью,
и слышу, как звякают звонкие звенья,
и в сумраке блеклом на миг возникает,
из мрака явившись, теней веренища.

Порою в поту просыпаешься ночью:
Тревога!.. побег!.. и стрельба за решеткой!..
Случается — колокол старый рыдает:
какой-нибудь смертник прощается с жизнью.

И это единственный мир, мне доступный, —
тюрьма, а вернее, могила при жизни.
И десять, и двадцать, и все мои годы
здесь заживо погребены, словно в склепе.

Но дух мой уже ничего не страшится,
а сердце усталое все еще бьется;
тюрьма — это тоже борьба за свободу,
а камера — знак, что еще ты не сдался.

Не спит Человек и не спит Вседержитель,
униженный будет не вечно унижен,
всему есть конец, есть предел и мученьям,
Бастилии есть — и возмездие будет.

Клок неба, быть может, я завтра увижу,
уже он не будет пропитан слезами,
на нем засияет светило победы...
Я, вольный, приветствовать буду свободу.

НА РАССВЕТЕ

Отворились двери в царство тьмы,
в каземат, где ни тепла, ни света,
и вошел сердито шеф тюрьмы
и сказал: «Когда подпишешь это —
выпустим тебя на волю мы,
а иначе — твоя песня спета».

Так сказал начальник и на стол
положил он лист бумаги белой.
Узник, изможден и полугол,
глянул независимо и смело,
он бумагу взял, но не прочел,
и на свечке вмиг она сгорела.

До зари пришел за ним конвой,
отворили двери каземата
и, связавши руки за спиной,
поттащили узника куда-то...
И слилась мгновенно с тьмой ночной
кровь зари у края небоската.

СВИДАНИЕ

В коробке камеры тюремной, в пространстве
четырехметровом,
в огромном здании тюрьмы, куда не залетит

и ворон,
в разверстой пасти сатаны
томился одинокий узник, отрезанный от мира
напрочь.

Казалось: мир перевернулся
и человек отброшен был на незнакомый материк.
Поэтому обострены
все чувства человека.

Здесь время,
рожденное из времени другого,
подобно черному платку, чтоб ночью слезы
утирать.

Подобны гнойникам и безобразным ранам
виденья, тени, опасенья,
живущие внутри тюрьмы и за решеткою окна,
доступные и недоступные

сознанию человека:

кровать из проволоки ржавой,
глухое прочное каре холодной крепостной стены,
окошко крохотное в мир,
открытое или закрытое —
расчерченное прутьями решетки
(всегда наталкивается на прутья взгляд),
тарелка жестяная, надколотый стакан,
лежалый хлеб, покрытый плесенью и тараканами,
вода в ведре — рассадник малярийных комаров,
паук, изрядно отощавший,
плетущий сеть для самого себя,
исписанный недавно карандаш,
бумаги три листа,
лохмотья книги без обложки,
убогий свет, мерцающий во тьме,

как бельма,

клочок небес — надутый ветром парус в море туч,
 клочок земли — бугор могилы свежей,
 распятое старое, которое погнулось

ОТ ТЯГОТ ЖИЗНИ...

Вот он — тюремный мир:
ночь в этом тяжком заточенье,
где нет надежды на рассвет...
Зов без исхода: «Боже! Боже!»
Но бог, как видно, отвернулся от одинокого
страдальца.

Мгновения неразличимы — одно похоже
на другое,
сплошной чернеющий покров, стирающий и счет
и время,
клубок запутанных веревок — дней не распутать
и часов.

Несчастный просыпается в могиле,
весь день отсчитывают время
шаги охраны.
Тюремной пайки несчастный даже не коснулся,
его душа изголодалась, ей нужен мир, свобода,
жизнь.

Темнеет. Надо снова в гроб ложиться,
уныла ночь и бесконечна, как
печаль.

У ветра спрашивает узник, вызывает по ночам
к луне:

«Где, где любимая моя?..
Когда, когда придет моя свобода?..»
Но ветер только усмехнется,
а свет луны порой прорежет темноту
его печальных глаз.
Но губы про себя отсчитывают каждый день,
как бусины бесчисленные четок,
дни повторяются; сначала — понедельник,
в конце — суббота. Шесть костяшек,
таящих тысячи страданий,
и каждый день прошедший — острый шип,
израненное сердце — роза.
Однако день
похож на мальчика-слугу, сбежал и не вернется
больше,
а ночь медлительна, как старец, которому поспать
охота.

Но вот и радость: воскресенье —
причина всех волнений.

Седьмая жирная черта
проведена огрызком карандашным.
Счастливым, сладким день!
Тревожный миг!
Его возлюбленная каждый раз к нему приходит
на свиданье.

Любовные слова, объятья, поцелуи...
О, как он счастлив! Он забыл о боли,
спешит одеться, привести себя в порядок.
Весь рацион его — глоток воды.
От радости он напеваёт, насвистывает
и мурлычет,
покуда ждёт нетерпеливо единственного
утешенья.

Свиданья наступает час...
И не вздохнуть, и в горле ком.
Так долго ждать,
уже полдня прошло...
И вдруг протяжным эхом
по коридору прокатился тюремщика знакомый
голос...

И вот уж выкликают имена...
И жадно вслушивается несчастный:
«Умали... Пасумбал...
Луманог... Дакандай...
Бакинг... Нава... Брусал...
Ну, быстро! По двое! Раз, два!
Скорей! Без разговоров!»
И, как орда лесных зверей,
которых выпустили вдруг из клеток,
счастливые бросаются к дверям.
Как долго тянутся минуты!
Нет, больше никого не вызывают...
А может, позабыл тюремщик
его окликнуть?
Вдруг словно обожгло его, он даже не поверил...
Вдруг в коридоре снова прозвучал знакомый
голос:

«Пальмехар... Делакурс...
Валеррьо... Аделан...»
Вновь имени его не называли!
Проходит час, проходят два... Он видит,

как радостные арестанты идут назад по коридору.
Свиданье кончено. И вот
ложится сумерек вуаль на день,
и кудри светлые небес
внезапно почернели.
Несчастный — в страшном горе,
последняя надежда улетела,
и на ладонь
рекой струятся слезы...
Бьет старый колокол вдали,
и узник замечает вдруг с тоской:
уже совсем стемнело. Ночь.
Как ждал он! Рухнула надежда.
Свиданье не состоялось!..
О, эта горестная правда!
Непоправимая беда!..
И узник вдруг почувствовал: тюрьма
и в самом деле для него — могила,
о нем забыли те, кто на свободе.
Свобода! Что на свете есть дороже?!

Альфредо П. Эстебан

ЦВЕТОК ПЕЧАЛИ

В ночь крушения ты неприметен и тих,
Точно лотос, пророс
Среди вечного мрака страданий моих.
Если жизни обычай — всходить из могил,
Расцветать среди слез,
Значит, это я твой аромат уловил.

Ты и впрямь ароматен, печальный цветок,
Ты живешь, коренясь,
В моих чувствах и тянешь души моей сок.
Не приметит тебя вожделеющий взгляд;
Ароматом лучась,
Ты цветешь; небеса твою жизнь защитят.

От тебя ответвилось страданье мое;
Близ тебя моя память,
Набродясь и намаясь, найдет забытье.
Мое сердце, которое свыкло с тоской,
Жизнь успела изранить;
Лишь твой запах ему навевает покой.

Если б знать, что тебя я однажды сорву
И, рожденный для бед,
Надышаться тобою смогу наяву.
Так недавно еще я надеяться мог,
Что слезою оставленный след
Уготовит мне радость, печальный цветок.

Но вчера облетели твои лепестки.
До конца моих дней
Мне в забвенье уже не уйти от тоски.
Лишь тебя вспоминать мне опять и опять.
Над могилой моей
Эта память моя будет стражем стоять.

В ТИШИ

Я Восток моих дней
Покидал неумною скорбью объятый.
Много в мире путей —
Мой, подобно стреле, устремился к закату.
От страданий поблек
Нежный цвет моих щек,
И веселость былая
Отгорает, последней зарею пылая.

Вольный маленький челн,
Я по морю желаний скитался немало,
Но шальной волей волн
Был я брошен на берег, закованный в скалы,
Там лежал я без сил,
Там любовь схоронил.
Парус веры порвался
И на сломанной мачте бессильно болтался.

Но во мраке моем
Еще бродят желаний незрячие тени,
Говорят о былом
Чувств замшелых холодные прикосновенья.
Я как башня в пыли,
На земле оплели
Ее тело лианы,
Но внутри лишь зиянья, разломы, изъяны.

Сердце в звездной тиши
Состраданьем не вздрогнет уже, как когда-то.
Для бескрылой души —
Лишь земля: ей уже за мечтою крылатой
Не взлететь в небеса.
Смертной жизни роса
Мои руки покрывала.
Нет лекарства, чтоб губы мои разлепило.

Не вернуть никогда
Птицу детства, навек улетевшую птицу.
Золотые года —
Были слитки, от них мне остались крупницы.

Жизнь пустыней легла,
Жажда губы сожгла.
Для иссохшей гортани
Сладким кажется даже источник страданий.

ВЧЕРА ЛУНА...

Луна мерцаньем нежным и неярким
Вчера подкралась к ложу моему,
Где коротал я ночь
С заплаканным огарком,
В мою каморку не пускавшим тьму.

И смех свой серебристый по постели,
Струясь и завлекая, разлила.
Владычица небес,
Уйми свое веселье!
Надолго ль красота твоя взошла?

По-своему красива и мигалка
С прозрачною слезою восковой,
Хоть кажется она
Беспомощной и жалкой
В своей борьбе с крошечной тьмой.

Твое ж сиянье зыблется рекою,
Мечтою, сказкой в сумраке лачуг,
Но стоит ли, скажи,
Надежного покоя
Миг счастья, если он предвестник мук.

Луна лучилась, мой покой тревожа,
В благоуханной таяла ночи,
Парила, нежилась,
И медлила, и все же
Не победила кроткий свет свечи.

В МОЕМ УГАСАНИИ

Мое солнце идет на закат.
Все густеет вокруг
Синий сумрак, печала мой взгляд.
А душа оглянулась назад
И настроилась вдруг
На высокий молитвенный лад.

Как алел моей жизни Восток!
Звонкий птичий рассвет...
Мой закат, он уже недалек.
Пусть могила разверзлась у ног —
Не страшусь ее, нет!
Жаль земных мне, о небо, дорог.

При skonчании крестного дня
Я б хотел сохранить
Пусть хоть искру бывшего огня.
Если даже распнете меня,
Дух мой будет творить,
Сердце чистой земле сохраняя.

Свет померкнет в глазах навсегда.
В божью тихую тьму
Изойду, растворясь без следа,
Солнце жизни зайдет, и тогда
По пути моему
Панихиду отслужит звезда.

НЕ НАДО

Сердце, сердце, срывать не вели
Ранним утром расцветший цветок —
Он рассветная радость земли,
Он в глазах моих радость зажег.
Если яростной прихоти ради
Ты ему не даруешь пощады,
Он угаснет навек в моем взгляде,
Став истоком тоски и досады.

Не срубай одинокий платан —
Под его милосердной листвой
Я таил свои муки, я там
Находил и приют и покой.
Срубишь — что-то во мне оборвется.
И я веки закрою в бессилье.
Гробом мне его ствол обернется,
Станет крона венком на могиле.

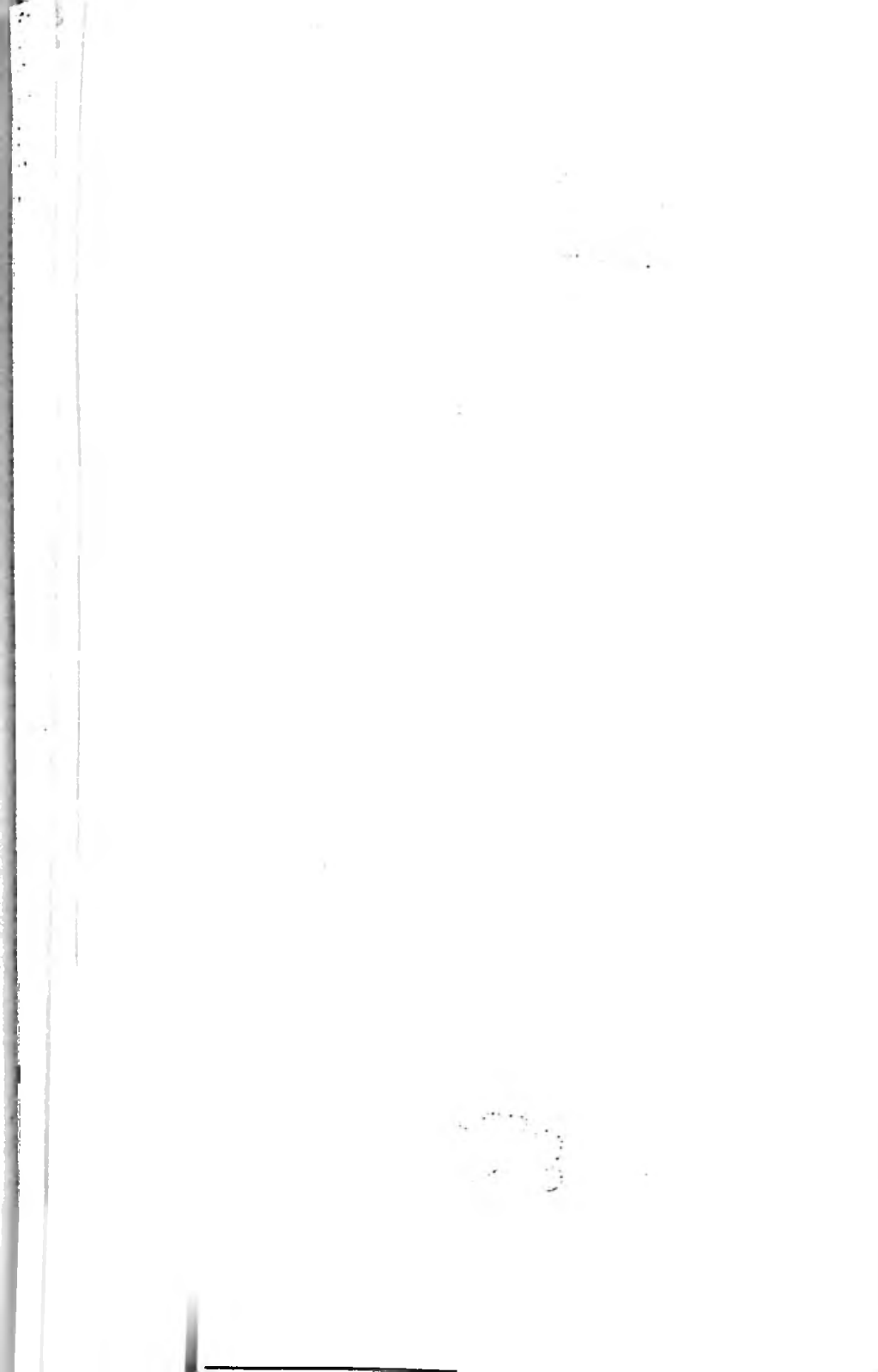
Ты подальше костер раздувай,
Ты на поле мое не ходи:
Там земля ни жива, ни мертва,
Там дыхание теснится в груди.
Если только в его сухотравье
Беспощадный огонь разъярится,
В прокатившейся огненной лаве
Не спасется ни зернышка риса.

Не сжигай мою хижину, нет!
Хоть под эту кровлей гнилой
Дверь широко раскрыта для бед —
Здесь приют мне в ненастье и зной.
Здесь я тихие зори приветил,
Здесь я солнц проводил вереницы,
Здесь со мною и кроток и светел
Добрый маленький ангел ютится.

Сердце, ты меня страхом не мучь,
Поскорей свою прыть укроти,

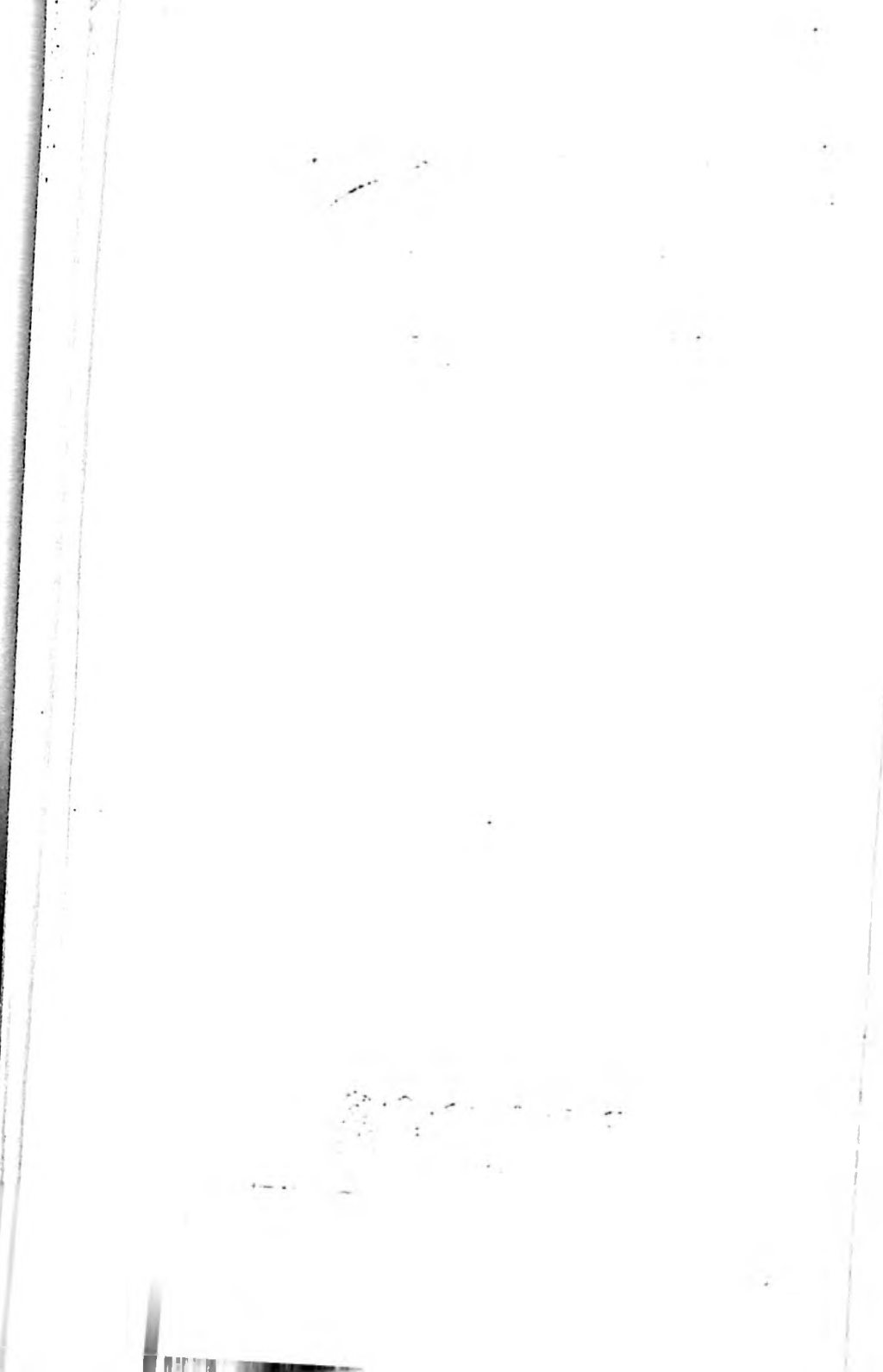
Не вздымай многоярусных туч
На моем одиноком пути.
Неужели, скажи, ты не можешь
Биться, сущего не содрогая?
Мир живой ты шутя уничтожишь,
Мегатонным кристаллом играя.

*Из английской
филиппинской
поэзии*

Карлос А. Анхелес

ОЖИДАНИЕ БУРИ

Вот низкий ветер вскипятил пруды,
Вот обезумевший тростник напрягся
И запрудил дорогу злобе ветра.

А в небе, вдалеке от добрых веток,
Сворачивают птицы-свой пикник,
Прогулку краткую под вспухшим солнцем.

И листья осыпаются с ветвей,
Заваливая медоносный берег
И ломкие цветы сгибая долу.

Чадит бесценное тепло светила
И тонет в расходившемся пруду,
И все погружено в вибрирующий ужас.

Но в краткий миг, всегда необходимый,
Два слипшихся листа, плывя к земле,
Проложат путь уже созревшей буре.

ПЕЙЗАЖ

В кровь изувечен солнцем небосклон,
Павлиньи пятна на песке горят,
У умерщвленных скал кровав заслон.
Тебя тут нет — мне пальцы говорят,
Слепые, точно стяги в вышине.

Меж тем, в долины, блеклые во мгле,
Ползет высоких облаков стена,
Но плакальщики клонятся к земле,
А нежность так всеобща и полна,
Что золото небес вполне вберет она.

Все пусто, и пространству нет конца,
Но вот сверчков стрекочущая грусть
Нашепчет звуки твоего лица,
И я его отсутствия коснусь,
И речь твоих волос примнится мне.

ДЕРЕВЬЯ

Когда увещеваньям лета вняв,
Свои плоды деревья отдадут,
Зеленую оснастку пособрав,
Их корни вглубь неистово ползут —

Поближе к ископаемым земли,
К подземным пратворцам на передых,
А те в раскрытые тайн своих скудны...
И нелегко коснуться мудрых сих.

И чьих-то рук касаются они —
Благословенье праха испросить,
Чтобы ползти наверх, как искони,
И лета ждать, и вновь плодоносить.

ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ

День, словно одинокий калека, затертый
Меж войнами, не засиделся на месте.
Нависая низко, как перелетные птицы,
Обреченный и потерянный в тумане,
Не достиг предназначения полдня;
Было время великого одиночества и дождя.

Дети, недобрые и враждебные, ссорились то и дело,
За стенами случайной комнаты изрыгая горечь.
(И ее не мог смыть плачущий дождь.)
Они боролись с ненавистными врагами,
Они были мальчишек, ставших взрослыми в чьих-то
глазах;

В искаленном одиночестве бесконечного дня,
Боем яростных кулаков ощущение вины хороня,
Они что-то кричали, и это был страх необъятный.
Бесплодный, взрослый, понятный и непонятный.

Женщина зазывала каторжника,
Запирая, как в монастыре, на засов окно, дверь и сердце,
Танцевала, умела не прерывать долгого молчания,
Была застенчива, молчалива, напряжена, бесстрашна.
Груди ее чуть не сокрушали стен комнаты
В жажде нескромного прихода ночи;
А глубоко в подпольях глупого сердца
Обитали буря и неистовство.

И только в неоскверненном центре грешной комнаты
Сидел мужчина, непонят и одинок,
И дождь громыхал далеко, дальше, чем Бейрут,
Или Бостон, или Берлин, или Бангкок.
Он думал: лето, как ни настойчиво,
Мертвых не воскресит,
И все, что цветет, цветет недолго.
И роза гигантская, хиросимская —
Тоже недолго, очень недолго.
А боги отвергли день за то, чем он был
Или пытался казаться.

ВЫЗДОРАВЛИВАЮЩИЙ —
КОЙКА № 312

Безглазый, чуял он, что мрак
Кромсает плоть его лица.
Пространству не было конца —
Оно давало зыбкий знак,
Что темнота сомкнулась враз.
И, больше не имея глаз,
Он разум зренью обучил
И чуткий ветер различил,
Несущий свет его душе.
Больной душе,
Пытавшейся забыть
Все, что из света:
Солнце, воздух, лето
(Поскольку сердце не могло не жить).

ПОЭМА ДЛЯ МОЕГО БУДУЩЕГО ПСИХИАТРА

1

Мрак подтвердил, что сердце беззащитно,
Пред первобытным ужасом спасенья нет.
И узник отпускается досрочно
Округу благонравную уверить,
Что жив еще он и закон ненарушим.
Однажды почью мать выключила свет,
Укрывши одеялом меня и все мои грехи.
Потом, когда ее не стало,
Не мог избыть я призрака, все белевший
У изголовья моего, подобно богочеловеку.
И на руках набил я синяки,
Глаза свои в испуге заслоняя.

2

И совершилось чудо, явленное
Всесильным полуднем и жребием мужским.
Газеты ничего не сообщили.
В том старом доме в единственной постели я лежал
С ногою, сломанной в падении,
В крови я плавал и валялся в костном мозге,
Но все вы ошибались, сочтя, что я умру,
Я некоторое время не мог ходить.
Но некий чародей крест начертал животворящий
Над раной моей, и я отбросил костыли.
И те на галерее — формальные свидетели событий —
Колени преклонили. Лишь мой отец
Молился за меня — у одного него
Была последняя и крошечная вера.

3

Ничто есть все, а также — протяженность,
Иль форма, или имя. Я назвал
Счастливый номер свой, и колесо
Крутилось, и крутилось, и крутилось,

Покамест стрелка, качнувшись, не показала мой проигрыш,
И каждый пенни у меня в кармане не превратился в гальку.

В густом кустарнике,
Когда по ярмарке последние бродили посетители,
Мой брат нашел меня в слезах,
Мне было лет двенадцать,
И мир внезапно рухнул.

А время целно, в чем не надо сомневаться,
Но может передвинуть стрелки в прошлое
И отыскать знакомое отчаянье, уменьшившееся
До крошечной слезинки. Я стоял, был дождь
Я ждал ее. И чемодан
Стоял надежно рядом, поглошая страхи,
И падал, падал, падал, падал дождь.
Часы, хоть с временем тягались, тоже ждали
И не давали петуху прокукарекать в третий раз,
Дабы великое предательство отметить.

ВСТРЕЧА

Подковы счастья — встречи — коротки;
За тем углом я глаза уголком
Движенье воздуха встречаю в напряженье —
Тебя, идущую по шумной мостовой.
Мгновенье наполняется тобою.

И вот с надеждой и неправотой
Пытаюсь я во взгляд проникнуть твой,
Но, что ни встреча, — то же положение:
Я — сам собой, и ты — особняком,
А город пестует отчаянья ростки.

Карлос Булосан

ГОЛОС БАТААНА

(поэма)

ПРОЛОГ

Батаан пал.

С окровавленными, но несклоненными главами
мы сдались.

Мир навсегда запомнит легендарную битву.

Мы не легли безропотно,

Осажденные на суше, блокированные на море,

Мы сделали все, что по силам человеку,

Нас поддерживала сила большая, чем та, что была
в наших жилах.

То была сила непобедимой веры:

Бессмертная в наших душах

Мысль о родной земле.

Весь мир — свидетель.

Бойцы с неколебимой верой в душах

Созданы не только из плоти,—

Но мы созданы и не из железа.

Плоть наконец должна сдать,

Стойкость ослабевает,

И битве должен прийти конец.

Батаан пал.

Но дух, заставляющий его держаться —

Маяк для всего мира,—

Он не может пасть...

Наше поражение — наша победа.

БАТААН

1

Батаан! Ты совесть Америки,
Ставшая гранью всемирного сердца.
Островок, оставленный пеплу и мертвым,
Островок, где смелые бились, не отступая,
Без пищи, пока их не прижали к стене, не окружили
Огнем и огнем и огнем, низвергнутым с неба;
Вражеские десанты одержали победу,
Как будто наш островок был для них целым миром.

Смертоносные самолеты рыскали в небе,
Субмарины шныряли по морю. Не было помощи,
Надежды на помощь не было... Солдаты зарывались
в окопы;
Лес низвергался со склонов. Взгляды были направлены
в небо,
Где гроздьями враг нависал, подобно созвездьям,
Ключья огня слетали, подобно гроздьям созвездий.
И все тогда ждали слов. Но не было слов.

2

Батаан! Это был наш последний остров,
Воздвигнутый в память о былых победах.
Не отступил ни один боец, защищавший землю свою.
Все друг за другом следили — и падали вместе,
Веря, что каждый отвечает за всех,
За мир всему миру на родной земле.
Не боясь умирать, держались в стрелковых ячейках,
Пока враг не подкрался ползком
К тем, кто, держась еще миг,
Всему миру давал надежду.
Пока бились сердца, пока ружья были заряжены,—
Бой продолжался в джунглях.
У обрывистых берегов наконец
Стало нечего заряжать...

Так сражались они до последнего солдата за островок,
Островок, принадлежащий всему миру,

За один из миров, принадлежащих всему миру,
В битве против единого врага, против единой войны,
Пока оставалась хоть одна рука, способная двигаться.
За надежду, в которой жизнь.
За будущее, в котором жизнь.

3

Батаан! Мир — это только остров.
Смелые знали это, пробираясь по родным тропинкам,
Внушая силу другим смельчакам,
Тем, что посылали прощальные поцелуи по ту сторону
океана.

Не ради открытой, зияющей раны,
Не ради сгоревшего тела, а ради ненависти,
Расцветавшей в деревьях и у порогов:
Ненависти, которая вздымалась от ненависти
к нежности.

Они по уставу держали винтовки. Скользили вниз
по откосу.

Они не мешкали, обсуждая то, что обещали мы,
Они бились и падали не ради наших обещаний,
Не ради победы, но ради прихода дня,
Когда откроется будущее и поразит врага
Во имя неразделимого дня.
И перед смертью: «Не сдаемся!»

4

Батаан! Нашим отцам было известно:
Мир — это только остров.
Все люди ведут одну войну с одним врагом.
Наш век назвал это свободой —
Единой и неразделимой.

О Америка! Пока не побежден наш островок,
принадлежащий всему миру.
Пока за нашу свободу платят свободой,
Пока наши погибшие заодно с нами, с живыми,—
Мы, живые, не предадимся покою.

Нас окружал огонь; но мы
Разжигали правдой самих себя.
Какое-то мгновение мы ждали с надеждой,
Глаза устремляя в небо, сжигая и солнце и ночь:
Сердца стучали все реже, и осталось несказанным

слово,

Которое все разбивало и убивало,— слово «любовь»!
Земля взметалась веером и рассыпалась;
Шепот — враг не давал ни на миг передышки.
Все еще ни слова от живых. Ни слова от умирающих.
Мы пробирались от одного дерева к другому,
Пока весь мир оставался в ожидании исхода.
Не для жизни, не для победы: *наша судьба.*

Всю ночь длился ужас.
Весь день бомбили. Время застыло.
Кроме наших стучащих сердец, жил только лес, он дышал
Морской тишиной — тишиной семи морей,
Без слова, без смерти, подобные ночи,
Подобные первой любви, что сдвигает горы, мы желали,
Чтобы бомбы не падали больше.
Внезапно пришел рассвет и подал нам надежду.
«Еще один день. Не отступать. Продолжать сражаться».
Далеко, за пределами острова, ждал весь мир.
Мир, заселенный людьми, мир, с трудом подавлявший

гнев,

Пробиваясь сквозь тяжкий рассвет и видя
Наших солдат, беспредельно измученных,
Гибнущих.
Пока мы истекали кровью,
Небо потемнело. Снова лил дождь.

Вот все, что я помню.

ТЮРЬМА: ВТОРОЙ СОЛДАТ

«В чем дело?» — «Этим людям мы доверяли!»

И ответ: покорились после истязаний.

Только в истязаниях были мы побеждены.

И лгали о нас,

О наших надеждах и наших стремленьях

(а сами несли убийство):

*«Эти люди наши братья по судьбе!»
«Мы убивали их, чтобы спасти!»
«На мечах присягаем, что мы — богом избранный народ!»
«Мы презираем цивилизацию!» — «Примирение —
великая ложь!»*

С любой страницы истории звучали их речи.
Во-первых, о правде в неизбежном зле, об убийстве —
как долге;
Во-вторых, о цивилизации — как великом обмане,
О культуре — как препятствии на пути к прогрессу.

Зловещая ложь!

Почему мы не боялись пуль,
Сыпавшихся отовсюду? Почему перестали
Думать о траве? Преклонять колени перед предками?..
Память о доме под голубым небом и знакомой земле,
О небе голубом, несущем урожай, и о детях,
смеющихся детях.

Они лгали ложью, отдававшейся эхом:
«В чем дело?» — «Мы что-то упустили?»
«Стой!» — «Целься!» — «Пли!»
Военная полиция гнала детей и стреляла в них.
Женщины умирали не покоряясь.
А мужчины говорили: «Мы отказываемся работать!»
Их расстреляли. Предателей не было.

А наш удел — горе. Мы страдали
От того, что пылали дома. Жизнь одного человека —
Нерассказанная история, целый мир
В себе. Зачинай детей,
Создавай цивилизацию — герои рождаются
Не бессмертными, но вечно живыми.
Теперь в моей камере я мечтаю о тех островах,
Надежде человечества...

ЯПОНИЯ: ТРЕТИЙ СОЛДАТ

Все эти годы в этой стране мифов
Мы слушали воинственные голоса.

Они сжигали мудрые летописи;
Старые и новые научные книги.
Они заставили поверить в силу оружия,
В величье и пышность завоеваний...
«На восток, к восходящему солнцу!» — кричали они,
Стуча по мерзким картам, разостланным на столах;
И наши самолеты бомбили и жгли острова.
Какое же величие в уничтожении жизней?
Какая же пышность в разрушении городов?

Они нам сказали:

«На юг, к краю луны!»

«На запад» — «На север!»

«Мы освободители варварского Востока!»

«Мы скоро будем диктовать всему миру!»

Весь мир! Побеждайте! Диктуйте!
Их голоса не оставляли нас,
А банкиры наживались на нашем отчаянье.
Мы захватывали весь мир ради их комфорта.
Все орудия стреляли ради нашего полного разгрома.
Путешествие продолжалось. Высланные из родной земли,
Мы думали о тихих голосах нашей родины.
Время умерло в нашей стране...
Они говорили нам, что мы — высшая раса...
Почему же я умираю на этом неизвестном острове?
Почему же я вспоминаю, как мой сын бежит по деревне?
(Сын мой, ты извлечешь урок из нашего поражения.
Беги по деревне, не радуясь, но, собрав все свое

мужество,

Разбуди крестьян, разбуди наш народ,
Чтобы вместе пойти
На сияющие дворцы военачальников
И молчаливых, облеченных властью господ, —
Они должны умереть, чтобы освободить весь мир...)

Ха! Это была страна мифов!
Мы шли за воинственными голосами.
Листья засыпали наши тела.
Солнце двигалось на запад.
Орудия уже замолчали.
Все это правда.
Как это печально — умирать побежденными.

ПЕСНЯ. ИНТЕРЛЮДИЯ

Дорогой, когда ты вернешься домой,
отыщи меня в кипении дня.

В шуме ветра ищи меня,
в бескрайнем пути в небесах.

Когда вернешься, ищи меня
в ушедших военных годах.

Дорогой, ищи одну лишь меня,
в кошмарах, грозивших тебе.

И если ты вернешься ко мне,
чтобы жить один только день,

дорогой, живи для одной меня,
если вернешься ко мне.

Мир распался в сердце моем.
То, что будет,— как нож в груди.

Дорогой, мученья пугают меня,
Мысли уходят прочь.

Мои кошмары захватили меня.
Все надежды мои горят.

Но эта рука будет жить всегда
с тобой, дорогой, дорогой.

БЕГСТВО: ЧЕТВЕРТЫЙ СОЛДАТ

1

Под конец: открытое море.
Мы втиснулись в лодку. В путь. В изгнание.
И дальше: Манила, пылающий город, Коррехидор,
капитуляция.

Враг: предательство. Бедствие. Дрейф.
Но мы спаслись: Австралия, безопасность.

Свободные и бежавшие, мы слышали роковые известия.
Тогда самолеты летели на юг, начиналась атака.

Теперь — изгнание. Мы вспоминали атаку в зарослях,
Ее возглавляли наши неистовые родичи,
Выстраивались тесными рядами, атакуя.

Filipinos! Americanos!

И потом на какое-то время весь мир затих в раздумье
И понял: победа.

Но лишь на короткий миг.

Мы видели океан, простиравшийся к солнцу.

Теперь — только гнев; прощайте.

Дому говорят «до свидания», но — навсегда.

Домой с войны. Магеллан и Колумб,

Исследователи и открыватели.

Филиппины остались позади.

На запад, минуя захваченные острова.

Под угрозой. А дальше Америка — наш новый дом.

2

Заголовки в газетах: «Бегство!»

Капитан спросил: «Бегство куда?»

Мы переглянулись. Ни слова.

На улице, в ресторане: «Воем?»

И ответ: «Скажите нам, что делать!»

Дом и изгнание. Эти люди —

Наши друзья, наши близкие.

Когда слышался рев самолетов — начиналось изгнание.

На прогулке утром — начиналась война.

За чтением книги — война.

Война началась.

«Мы вернемся!»

3

Война создала наш остров: *Батаан*.

Последняя схватка, начало победы.

На той стороне Земли: Сталинград, Лидице.

Сердце человечества.

Война создала наш остров: *Батаан*.

Батаан! Батаан! Последний остров свободы.

Звезда всей нашей гордости.
Батаан! Целый мир! Бессмертне!

4

И — война. Изгнание и побег.
Мы помним все — Барселона, Манила.
Мы знаем. Мы не забудем.
Батаан. Свобода.

АМЕРИКА: ПЯТЫЙ СОЛДАТ

Хотя их могилы всеми забыты — славь их.
Ветер надежды перекликается с их именами: герои
В сражении заново прожили жизнь, умирая,
Стали бессмертны они среди мертвых.

Вы тоже герои, согласен. Но надо взглянуть на него,
понимая
Совсем по-иному. Сердитый, неистовый, смуглый солдат
Стоял здесь; толкал полевое оружие
До тех пор, пока враг, свирепый, жестокий,
Наступал сквозь лесные завалы, деревья, которые
гнулись

Под ветром... Но он выдержал все.
Ночью пришло извещение: «Убит».

Наш первый герой. Он был мирный крестьянин.
Его дети плакали, когда он уходил,
Минуя Пангасинан, Пампангу, Булакан;
Круг замкнулся на Батаане. Он сидел
На краю широкой плантации, думая
О своей дородной жене, которая плакала по ночам.
Он сказал: «Война неделима».
Он обрел величие в смерти.

Я теперь говорю:

Я это видел. Древо нашего флага сломалось, упало.
Я видел, как он бежал сквозь орудийный огонь;
Перепрыгивал через траншеи, исчезал, и тогда —
Вот он — наш флаг, все-таки реет в воздухе!

Тогда он упал, и земля содрогнулась.
Мы бросились к нему, но он умирал.
«Мир на земле неделим», — сказал он.
Нами был выигран день...

Сказано было мало, сделано много.
Всю свою жизнь я жил с рабочими, и он был рабочим.
Я служил их делу — это было мое дело.
Как много я сделал, как мало понял.

Дорогу нашим героям! Постройте на их могилах
Фундаменты нового мира.
Каждая нерастоптанная былинка — знамя свободы.

ФИЛИППИНЫ: ШЕСТОЙ СОЛДАТ

И вы, живущие в других странах,
Вас тоже коснулись руки убийц, разрушавших
Наши жилища и жизни, — не пренебрегайте уроками,
Теми, что мы написали для человечества нашей кровью.
Это час для стрельбы и резни.
Враги попытаются вытоптать нас одного за другим;
Нет, не только жизни хотят они нас лишить,
Но и песен, которые мы слагали веками,
Глядя вперед и надеясь, поколение за поколением,
До поры, пока эти песни стали песнями всех наших
жизней.

Они хотят уничтожить наши слова, душу народа,
Вложенную в слова. Они хотят исказить
Нежность наших людей, милосердие наших людей —
Все, что еще остается от нежности и милосердия!

Это война на наше право ходить не сгибаясь;
Обладать совершенным человеческим телом,
Мыслями — чистыми, честными,
Невинными, вечно юными. Это война
Нашего тела, нашего разума. Это война за то,
Чтобы убить подозрение, страх, неправду и гниль.
Это война — за всех и каждого; это война за право
Мечтать и надеяться, жить свободными
Годы и годы, творя и высказывая
Вслух наши самые сокровенные помыслы.

Мы жили на клочке земли, где было так:
Каждое слово — правда и ложь неизвестна;
В этом уголке мира деревья
Вошли в нашу жизнь; птицы пели
Для нас, пока мы трудились.
По вечерам в те минувшие годы
Мы сидели со старшими при свечах,
Спорили и задавали вопросы,
Ничьи доводы не искажались,
Все ответы были правдивы и мудры.
На этой земле наши книги говорили о нашей жизни:
Все слова славили нашу жизнь,
Ни один ребенок не был рожден, чтобы верить лжи,
Ни один взрослый не мог сомневаться в правде,
Таким был наш остров — окраина человечества.
Могут ли они сломить дух нашего народа? —
Гролом орудий, кораблями, несущими страх?
Могут ли они зачеркнуть наше прошлое? Стереть имена
Наших великих людей?

Нет.

Не могут они победить.

Пока жив любой из нас —
Даже на краю отчаянья и безумия —
Он двинется на ощупь из кромешной тьмы,
Он проползет по узким тоннелям земли,
Он поднимется под холодными сводами жизни,
Он углубится в себя, и он вспомнит,
Он вспомнит, он вспомнит, он вспомнит —
Он вспомнит уроки нашей истории.
Он вспомнит слова наших великих.
Он вспомнит слова свободы.
(Которые безмолвно повторяют погибшие.)
Слова, что идут по тысячам тайных путей от одного
к другому,

В символах, в книгах, в музыке, в камне —
Внушая разуму смелость.
Пока жив хоть один человек —
Он будет помнить слова свободы.

О вы, живущие в других странах, слушайте нас!
Мы подписываем этот документ своей кровью.
Мы завещаем его всему человечеству.

Мы боролись против ужаса, пришедшего к нам.
В наших голосах бессмертны голоса мертвых.
В нашей силе не умирает сила побежденных.
Надежда тех, кому заткнули рот; свет ослепленных
глаз —

Все это с нами!

Мы поднимаемся вновь
С окрепшими голосами. Песня свободы
Вновь зазвучит в наших сердцах. Мы пройдем по земле,
С надеждой, взятой у тех, кто погиб.
Мы пронзим этот мир, как пламя,
Очищая его от мерзости и от гнили,
Этот мир, где пужда и слезы разъедают человеческий
разум,
Где каждая новая мысль и молитва — греховны,
Где душа развращается в бездне обманов.

Всем кто живет:

Посмотрите в глаза ваших детей.
Наблюдайте за изгнанником, идущим по вашим улицам.
Все мы знаем ясное слово «свобода» —
От первого человека, кто погиб за нее,
До последнего, кто пренебрег свободой.

Все мы сегодня — один человеческий род —
Все, кто сражается за свободу
С молитвой или песней,
Оружием или пером:
Каждый из нас,
Все мы —
Сегодня.

ЭПИЛОГ: НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ

Для тебя, мой сын,
Это письмо родилось в ночи,
В жестокой борьбе за лучшую жизнь,
Чтобы достиг тебя свет
Нежного дня.

Для тебя, мой сын,—
Для тебя, кого цветы весной научат
Растить вместе со сменой времен года.

Играть с быстрым ветром
И зазеленевшей травой;
Для тебя зацветет земля весной
В новом мире,
Где новые семена
И новые плоды
Насытят тебя, возмужавшего.

Я умираю за лучшее будущее.
*Но как мне стыдно оставить тебе
Этот беспорядочный, неустроенный мир,
Мой сын...*

СОЛДАТ

Целься тщательно! Пушки вверх!
Без заминок

Звезда за звездой растворяются
Падая в ждущем небе

Пальцы движутся по воде
Ночь должна пролиться кровью
— Я спрашиваю себя как сейчас выглядит моя мать
Теперь ночь должна пролиться кровью
Пальцы движутся по воде

Падая в ждущем небе
Звезда растворяется за звездой

Без заминок
Целься тщательно! Пушки вверх!
— Я спрашиваю себя как сейчас выглядит моя мать

ФРАГМЕНТ

О Темная Мать, немая от скорби,
С новой верой приди сюда,
Расскажи нам, какая слава
Есть на земле —

Судьба пригвоздила меня к стене
Моего странного рождения —

Феникс!

Напечатленный в моей душе.

ИСТОРИЯ СЕРДЦА

Это было совсем не так, как я думал,
Гнев враждовал с самонадеянностью. Гордость
оставалась
Обезоруженной до тех пор пока больное сердце
не закричало:

«Нет больше ни племени, ни места для жизни».

Я шел домой мимо богатых домов,
Слыша резкий циничный смех, бушующий
В кристально ясных глубинах мозга,
Я шел домой, к Америке, по снегам,
Боясь, что сердце разорвется от гордости
Живущих и выплеснет ненависть на снег —
Потому что я не мог ничего поделать.

Потом я задумал убежать от себя
Без всяких прощальных слов,
Без чьих-либо свидетельств, исключая Америку,
Но рассвет застал меня с новой мыслью
И ясным сознанием и шепнул: «Времена меняются».
Я не сознавал ни времени, ни моего другого Я,
Истинного Я, которое недавно кричало;
Но я убежал в другую комнату к моему брату
И сказал: «Смотри, мое сердце вновь сильно бьется!»
Он на мгновение проснулся,
Отгнав блаженные сны,
И пробормотал: «Ну и что же?»

«Ну и что же?»

Я буду простым. Я бросился вниз по лестнице.
Открылась передняя дверь, я упал на колени
На землю Америки, блистающую снегом.

Мануэль А. Вирай

СМЕЖИ, О НОЧЬ...

Смежи, о Ночь, мои измученные веки.
Устал я бойким излагать пером
Мечты пророков правды, мудрецов!
Мембраны дня хотят забыть навеки
Все, что живет в наследии больном:
Неуловимый блеск в глазах дельцов,
Безумье юношей, расплескивавших Время,
Как красное вино, из хрупкого сосуда,
Который уж руке не удержать;
Роскошных женщин, их желаний бремя;
Миазмы города, которыми дышать
Нет больше сил... И в мертвенной тиши
Кривые улочки, где пыль съедает чистоту души.

О Ночь, я вновь с мольбой к твоим устам приник...
Но что это?.. Опять разносчиков газет безумный крик!

СУМЕРКИ

На город тьма ползет со всех сторон.
Погибло время, с неба зной струится.
Забывших дней проходит вереница,
А там могила и над нею клен.

Но жаворонок вдруг запел в полях.
Вновь музыкой ручья душа объята...
И огненное дерево в ветвях
Хранит лучи последние заката.

Весь этот мир моим когда-то был,
И не стоял бы я в тоске над бездной,
Когда б мне город душу не убил,
Ступив на грудь пятой своей железной.

Поникли руки. Солнце сквозь меня
Проходит. Травы шепчут полусонно...
Укрывшись в них от наваждений дня,
Твои глаза целую исступленно.

ВНЕЗАПНЫЙ ШКВАЛ

Дождя внезапный водопад
Обрушился на спины улиц.
Мальчишек выбежала стая,
Тела их мокрые блестят.
Они разделись и разулись
И бегают, стыда не зная.
Тела их — цвета миндаля.

Из окон смотрят старики,
Полны и счастья, и печали,
С улыбкой детство вспоминая,
Как быстроноги и легки,
С восторгом дождь они встречали.
Изменяла юность грозовая
Тела их цвета миндаля.

Не скоро майский дождь затих.
Повсюду лужи и потоки.
Идут поспешно люди мимо.
Дождь сердит, раздражает их,
Они угрюмы, одиноки.
Душа ведь так же уязвима,
Как тело цвета миндаля.

Дожди сезонные пройдут.
Им радуются только дети.
Отбросы, мусор на дороге,
Вспоминанья, неуют
Несут с собой потоки эти,
Будя неясные тревоги.

Дождю и солнцу — свой черед.
И тело цвета миндаля,
Как вся зеленая земля,
То вянет, то опять цветет.

ЭЛЕГИИ

I

В кварталах, солнцем обожженных, летом
Болотных трав зловонное дыхание,
И в знойном воздухе твоя улыбка...
Я болен, я в постели и в изгнание.

Во сне и наяву мне так тревожно
Осадок ощущать зловонный
В больной крови. И больше невозможно
Тонуть в ночи, не знающей рассвета.

Опять мечусь в горячечном бреду.
Болезнь, как одиночество, двулика.
И, задыхаясь от немого крика,
В твоей руке спасенье обрету.
И снова в душу к нам покой нисходит.

II

Облиты солнцем золотым,
В цветах, как мертвые, лежим.
Вот ветер утренний принес
К нам шорох дня и шум колес.

Мы парии, призывники,
И думы наши нележки.
На нас клеймо: дешевый скот —
Торговля бойко здесь идет.
Нас точит хворь и ждет нужда,
А жизнь нам лжет и лжет всегда.

По ней идем мы, как слепцы.
Но жгут нас прошлого рубцы.
Обманчив блеск земных путей,
И хворь нас гложет до костей.

В изысканный разврат нырнув, как в полумрак,
Беспечно передвинем стрелки у часов.
Запрет от мира двери плотно на засов
И в свете фонаря увидим, потонув
В суровой чувственности жизненного акта:
Убить иллюзию лишь можно правдой факта.

«Когда бы сповиденьем жизнь была», для всех
Реальней стала бы вся иллюзорность сна,
Чем тело, поцелуй, объятья и весна.
И все же сны не знавших чувственных утех
Не могут отразить жестокой правды факта,
И нет в них вечных циклов жизненного акта.

Вот гаснут фонари. Рассветный луч дрожит.
Сомнения и страх змеей вползают в мозг.
Уходит мрак ночной... За мигом миг бежит.
В волнах разврата вновь мы плаваем, как воск.
Ведь если сброшен с фактов иллюзии покров,
Мы видим тел распад среди ливней и ветров.

МАЛЬГАР, СТОРОЖ-ИНДУС, ВО ВРЕМЯ ОМОВЕНИЯ

Мальгара разбудил струящийся ручьями пот,
Застлав[ший] ему глаза... Немые фрески, чашка,

снов

Обрывки — все перед взглядом тускнеющим плывет...
Вдруг в воздухе тяжелом ребенка горький зов
Раздался... Этот мокрый метис покинут был
Племянником его беспутным, некогда принявшим
Простую Мерседес за госпожу. С тех пор всегда

комочек

Этот жалкий напоминал ему засохший ил
С прибрежий Ганга и дремотный зной, впитавший
Смрадный запах и блеск росы после той ночи,
Когда сестра его пред смертью в агонии жестокой
Задыхаясь, свое дитя препоручила
Больному старику. И Мальгар знал, что больше

никогда

Уже не вытравить ему из памяти тот день

далекий.

Судьба безжалостно его лишила
Отчизны и любви. В удел ему досталась пустая

череда

Голодных дней и беспробудных ночей, не знавших
Ни страсти пьянящей, ни упреков, ни похвал.
Так день за днем влачил он, в муках голода

принявши

Свой жребий, в то время как его племянник

наплевал

На имена далеких предков и культ отцов своих,
Не слушая угроз бессильных, увещаний и молитв

святых.

Сливая воду в туалете, вдруг ощутил
Мальгар осадок нечистот в душе больной:

Глазам его предстала смерть и толпы голодающих,

без сил

Влачащих дни беспросветные в пыли на знойной

мостовой

Лахора... И над ними зловещих коршунов

безмолвное кружение,

Сдирающих когтями плоть чудесную с костей венца

творенья.

Хосе Гарсия Вилья

К РЕСИ

Реси, разве же плох я был?
Столько ведь лет — и тот же пыл!

Ну а твой-то — любит всерьез?
Пылок ли он? Или принес

Слезы очам, сердцу разброд?
Все расскажи мне, любимая. Плод

Жизни так молод; нам побороть
Надо унынье. Разве Господь

Не без печали? Нет уж, позволь —
В каждой любви прячется боль.

Сила любви, о сердце мое,
В солнце, сияющем центре ее.

В светоче этом вера горит,
В то, что вселенную он озарит.

Правда, глаза твои светят светлей!
Ладио! Чего уж! Будь снова моей!

СТИХОТВОРЕНИЕ 72

Она прекрасна и высока,
Ей царственной — царственный фон облака.
Она — одинокая с гордым челом,
Она безупречна в раденье своем.

Она неподкупна и тверда,
Как мир, бессмертна,
Как пламя, горда;
И неба сверкающие constellation
У ней, ослепительной, учатся грации.

И эта прелестница не бездомна,
Не бесприютна и не фантомна —
Ее совершеннее лишь Христос,
И тот ее ценит куда как всерьез.

Она — не Смерть, не Мир, не Война,
Над пропастью пляшущая — Любовь она.

ИСПОЛНЕНИЕ

Не могу я вам это рассказать,
не могу.
Разве я рассказывал поэмы? Сказки?
У меня ведь только песни,
а их
я не могу
рассказать —
голос слишком молод.

Вот стану старше,
вот окрепнут руки,
вот выучат губы песню любви —
тогда расскажу.

Любимая,
я выучил поэму поцелуя,
рассказать?
— Да, ненаглядный. —
Но погоди,
я же зацелован насмерть.

ЗОЛОТОЙ ОРЕОЛ

Сняет над ней золотой ореол,
Золотую почву золотя,
Я принимал к ней семнадцать раз,
Сотворяя наше дитя.

Семнадцать раз целовала меня,
Золотую ночь золотя.
Я принимал к ней семнадцать раз,
Сотворяя наше дитя.

Семнадцать раз я воспел ее,
Золотую почву золотя.
Я принимал к ней семнадцать раз,
Сотворяя наше дитя.

Семнадцатый золотой прилив,
Семнадцатый раз расплетя,
Мы сеяли в почве ее золотой
Золотое наше дитя.

КАК ПРЕКРАСЕН СОН

Он так сладостно спит. Пусть
любимый мой спит.

Мною испит,
пусть любимый мой спит.

Мной утомленный,
мной утоленный,
он был исступленный.

Он был, как прибой,
он был неземным;
сны, летайте над ним.

Пусть
любимый мой спит.
Он так сладостно спит, когда сон усыпит.

КРАСИВАЯ, КАК ПАНТЕРА

О прелестная. О пантера мглистая. О
Похитительница бархатистая.
Истая. Не жалею мне яростных чар.
О яркогорящий, ночь золотящий
Жар. Свет звонкопляшущий. Нет —
Шепчущий дар. Обрети меня. Укради меня.
Разбери меня. Кто защитит меня.
Ни бог меня. Ни я себя. Очисти меня.
Напасть моя. Распни меня. Помоги.
О в экстазе безжалостная. О боги —
Ня темноногая. О Первичность и Непорочность.
О Алчность. О Вековечность.

ПОЭМЕ НАДЛЕЖИТ БЫТЬ КОЛДОВСКОЙ

Поэме надлежит быть колдовской,
Звучаньем схожей с чайкою морской,
И, совершая яркое движение,
Хранить до срока птичьих крыл цветение.
И надобно в себе огонь таить,
И равнозвучной колоколу быть,
И сочетать обученность смычка
С бесхитростным изяществом цветка.
Должна снять в душе ее глубинной
Газелья кротость вкупе с голубиной.
И в устремлениях ее пускай таится,
Что, как невесте, ей должно открыться.
Чтоб в должный срок я воспарить бы мог,
С обложки улыбаясь, словно Бог.

ПРЕД СМЕРТЬЮ ТОЛЬКО

Пред смертью только. Ее возрождение
Законно и бесконечно. И только.
А сердце мое близ пророческих уст.

Подтолкнешь меня, Смерть?
Поговоришь со мной, как подобает?
Отчего нет? Я галантен, кабальсро.

В этом чудном мире я вежливо обретаюсь,
И хоть внутренне плюю, но шляпы касаюсь,
Ибо сердце мое преисполнено горечи

Близ твоих пророческих уст. Мой разум весел.
Мое тело чувственно. Мое сердце разве что
Рискует бессмертием.

СМЕРТЬ — ВЕНЕЦ ЖИЗНИ

Жизнь порождает Смерть.
Хронологически.
Смерть — теорема. Жизнь —
Следствие логически.

Что изначальной —
Парадокс-диверсия,
Господня Дисперсия,
Великая Инверсия.

Виноделья версия —
Гроздь — вино — поэма.
Виноград — следствие.
Вино — теорема.

ЖЕЛАЯ ОКАЗАТЬСЯ ГОЛЫМ

Желая оказаться Голым,
Я окружил себя огнем,
Сжег двери, окна, стены, крышу —
Сжег все дотла.

Стал абсолютно тощ и зябок,
Как вынутый из ножен нож,
И только лишь Его Десница
Одна спасти меня могла.

И вот Он, вот Он, вот Он,
И добрая Его рука,
И, словно пламенеющей поэмой,
Она над миром машет мной.

ПОПРОСТУ

Попросту —
Есть, два, пути;
Есть, два, пути;
Попросту.

Либо, действие,
Диктует, смерть;
Либо, бездействие,
Диктует, жизнь.

Запросто —
Как, у, творца:
Жизнь, и, смерть,
Двуликость, его, лица.

Н. В. М. Гонсалес

КОЛИБРИ

Как ярко
перышки горят!

Я вслушиваюсь в звонкий зов:
его не глушит шум лесов
и неумолчный водопад.

Как луч, она сечет лучи!
И жаль, что меркнет свет в ночи.

УСТАЛОСТЬ

Моя усталость ползет, как паук,
в моем усталом мозгу
прядет сеть, ловит в нее лихорадку,
слабость и боль.
Волосатенькие лапки
ступают по моему лбу,
неуклюжие ножки
пробегают по моим волосам.
Паук думает, что я мертв.

НАПЕВ

Нет краше родного края,
холмы здесь невысоки.
Рождаются дети из чрева
его зеленой реки.

Лес его нежен, в море
молнией рыба на дне,
а пепельные поляны
колосья пестуют мне.

ПЕСНЬ ГОРОЖАНИНА

Прозрачные, как кристалл,
серые, как голуби,
воды озера
замкнулись в себе, молчат.
Так мое сердце ищет песню,
а мечты погибают, не сбывшись.
серые, как дымка у берегов,
как голуби.

Амадор Т. Дагио

ТИШИНА

О, звуки песни в сердце молчаливом!
Застывший пруд, уснувшая листва,
Молчанье звездной ночи над заливом,
Когда бессильны праздные слова.

О, тайные пути воспоминаний!
Глубокий мрак задумчивых очей
И музыка торжественных литаний,
Что плавно льется в тишине ночей.

Туман, плывущий над долиной сонной,
Густая тень сплетающихся лоз,
Беседы с Богом в вышине бездонной
И тихое отчаянье без слез.

КОГДА Я СМОТРЮ НА ЖЕНЩИН

Когда я смотрю на женщин,
Совершающих трапезу,
Мне кажется, что они похожи
На маленьких проворных рыбок,
Поедающих друг друга,
Но тем не менее красивых.
О, как грациозно переходят они
От одного блюда к другому!
В каком глубоком молчании
Смотрят друг на друга.
И кажется, что ожившая Сплетня
Застыла в каждом их мирном
Жесте.

Своими тонкими, изящными пальцами
Нежно разрывают
Ткань мертвых тел, лежащих перед ними,
Как бы говоря тем самым:
«Жизнь — это салат, рыба, жареная свинина,
Нарезанная хрустящими, румяными ломтиками».
Так робко сидят они,
Такие безоружные и скромные,
Надежно закованные
В броню своего безукоризненного этикета,
И с наслаждением поглощают сладкий пирог
И пожирают, пожирают свое Время...

ГДЕ СЛОВО...

Где слово — образ, а не представление?
Где слово — то, что в силах передать
Восторг перед лицом твоим? В нем воплощенье
Всей женской мудрости. В нем жизни благодать!
Ее сулят мне строгие черты.

Любовь моя, любви! Бродить в аллес старой,
Где свищет зяблик и трепещут листья,
И птиц нездешних голубая радость
Переполняет груди! Нет, голубой гитарой
Я не нарушу песен этих сладости!
Мне грустно там, где радуешься ты.

Забывшие слова, как дождь, вернулись вдруг —
Дары души божественно-безумной.
И вот стою один я на вершине
Горы, ведущей в зрелость долгих мук.
Беседа наша — шум ручья в долине.
Моя душа — орел в небесной сини —
К покою не вызывает с высоты.

ПРИЛИВ ЗОВЕТ

Прилив не выткал слов
В моей зеленой книге.
Я солищу вызов бросил,
Но скалы в ответ молчали.

Боль юности состарилась,
Коростою покрылось сердце.
В глазах померкших кружится
Гусей кричащих стая.

Зеленый остров звал,
Но след корабля был чуждым.
А папоротник белый
Как пальцы мои на льду.

Грустили без фиалок орхидей,
В кувшине под луной вода мерцала,
И путнику шептала кровь: «Вернись
К зеленой боли рисовых полей!»

Как в сумерки душа моя бездомна!
В безмолвии — скитаний горький опыт...
Прилив шумит, зовет меня вернуться.
Доносит востер звон колоколов.

Рикаредо Деметильо

ПУТЬ

(позма)

Часть I

ГЛАВА 16

Шипением гонимы и вытьем,
Сомнамбулы, брели мы по векам,
Глумливый взгляд прощали мы врагам —
Не сладить со стеною кулакам!

И наваждения нам застилали взгляд,
И сотни лет нас донимал кошмар,
И наглых пришельцев взвивался хлыст,
И мы пытались отвести удар.

Но вкрадчиво они вперялись в нас,
Неистовствуя даже в наших снах;
Конкистадор в улыбке прятал яд,
И плетью распятьем прикрывал монах.

А мы не лицемерить не могли,
Лжи и притворству быстро обучась,
И руки лобызали мы ханжам,
И ненависть накапливалась в нас.

Но завершился он, столетний сон,
И нам не угрожают крест и меч.
Как семь эфесских отроков, стоим,
И ослепляет свет нас, бьющий встреч.

И в нас рассеивается туман,
И неуклюже мы берем разбег,
И — Рип Ван Винкли — тщимся мы догнать
Безудержный и рок-н-ролльный век.

ГЛАВА 19

Мы в этом месте — ты, а рядом я.
Мы оба клоуны, и зритель есть у нас.
Под маскою притворства и вранья
Мы воздух, ковыляючи, кружим.
Личина, парики, нелепый грим.
Заплаканы сердца, и мы дрожим,
И капает из пуговичных глаз
Моя слезинка и слеза твоя.

А публика сидит, разинув рот,
И взрослых тут полно, и детворы,
Мы ж в тряпках непривычной пестроты
С арены сыплем колкости острот,
И надуваем яркие шары,
И цепко залезаем на шесты,
Покуда смех им совесть не проймет;
И вот — овация, и — выход из игры.

Потом, домашний перейдя порог,
Стираем грим, снимаем парики
И видим, что своих волос уж нет,
Сценарным трюком кожу сморщил рок.
Что ж! Ну и пусть — пока что мы ловки!
Пускай для нас бестактен яркий свет.
Еще сорвем мы не один цветок,
И вроде б наши дроги не близки.

ГЛАВА 22

Мне сплющивает боль виски,
Меня изводит звон в ушах;
Но как раздвинуть мне тиски,
Но как унять всегдашний страх?

Возможно ль эту боль снести,
И разве же лекарство есть?
И как рубцы грехов свести,
И как невинность вновь обрести?

Зачем тащу я этот гроб,
В котором дней постылых мертвь?
Зачем я пленник чьих-то злоб,
Зачем мой хлеб исползал червь?

ГЛАВА 27

Однажды мне примстилась топь,
В ней смертного упырь терзал;
И тот, усилия двоя,
Избечь пытался жутких жвал.
Я содрогнулся — Он был Я.

Однажды мне примстилась топь,
Пылал в ней кровожадный зрак.
В него ударил я — и вой
За мною вслед летел во мрак.
Был бел, как мел, я. Вой был мой.

Вороны зачернили высь,
Метались глухо сарычи,
А Тот в болоте — погибал.
Слетались птицы, крик стоял.
Бежал я, был мой груз не мал.

Но вдруг прорвался тяжкий вьюк,
И наземь — боль, скотство, грехи,
Боязни, страхи; вопли их
Я унимал, я обнимал
Мой вечный груз теплом руки.

ГЛАВА 34

И чудо-древо я увидел вдруг,
Круглился ствол в сверкающей листве.
И потянулся к сладким я плодам,
Но мерзкие грехи мои тотчас
Вонзили жала в пальцы жадных рук.

А молодая пара на лужке
Тела сплела, вкушая сладкий плод,

Я ж ревновал и сладкие бон,
И сладость заповедного плода.
И проклинал их, и дерево, и луг.

И воровски — на грудь похожий плод —
Сорвал я от грехов своих тайком.
Но чей-то взгляд меня во сне корил,
И спрятал я свой дерзостный трофей —
Увы, на завтра он увял и сгнил.

Часть II

ГЛАВА 6

И древний огонь почуял Алигьери,
Когда святые очи Беатриче
В нем высветили мерзостей безмерье
И мрак души, и скотское обличье
Нечистой похоти, какой не знает скот.
И к пламени рванулся Алигьери,
Лирическим огнем зажег небесный свод
И злость влюбленного векам ссудил вперед.

А я есть я, и ты не Беатриче,
И похоть плоть мою, как пламя свечку, жжет.
Но сушь на небесах от огненной напасти,
Мертвит их лживое твое двуличье.
Знай — злость любовника
Тебе предъявит счет;
И я почую смерть моей горящей страсти.

ГЛАВА 15

Просперо с палочкой волшебной
Стал лысоват — и станешь лысоват,
Коль герцогству взамен предпочитаешь
Бюрократический прогнивший аппарат.

Он подал бы на пенсию. Полдня
Сидел бы с удочкою у пруда.

Но он шарнирно прикреплен к столу —
Своей нужде подчинена нужда.

Питаться хлебом с солью и водой.
Что ни скажите, столь же странно, что,
Как плыть в дырявой лодке. Между тем,
Благоразумье рентаю чревато.

Однажды Ариэль устроил бурю,
И заметался по волнам корабль,
Груженный джентльменами и грумом,
Сугубо созданным для губ Миранды.

Стал Калибан совсем и стар и сед,
И слаб в коленках — доконал артрит.
Однако гневен он еще нет-нет.
И, как вулкан, нет-нет себя взъярит.

И Фердинанд, не то чтоб в дураках, —
А просто одомашнен и спокоен.
Ведь у Миранды пятый на руках,
А при таком семействе кто же воин!

Но что ж тогда довольство? Аромат,
То осязаемый, то уловимый еле.
Лучи рассвета землю золотят
Не бесконечно, раз — и догорели.

И вот Просперо, покудесив малость,
Добром и благонравьем обуян,
Прошает запросто и воли вялость,
И разума самообман.

ГЛАВА 19

Где путь ребрист и камень жжет,
Где и воды не зачерпнуть,
Где скал скелет острей гвоздей,
Где солнце — всякой жизни лиходеи,
Где жаждою нас допинает зной

И где стоит в ушах от зноя звон,
И кратки ночи — одинокий путь
Не прекращайте. Только надо знать,

Куда идти, куда тут повернуть?
Чу! Не в кустах ли ветер шелестит
Сухим листом на высохшей лозе?
А вдруг не ветер — голос чей-нибудь?
А может, ящерица или мышь?
И все песок, песок, песок,
И знание — тяжкий посох для таких дорог.
О ночь, сверхни спасительной звездой!

Но есть ли вехи здесь?
Ведь путник одинок,
Премудрость книг ничем тут не поможет,
Раз человек от века одинок
И счастлив корку обрести
Иль на колодец набрести,
А нет — он счастлив, что желать способен.

Идем ли вообще, стоим ли мы вотще,
Неверный путь — череда галлюцинаций.
То громче на тропе, то глуше голоса,
То в мертвом воздухе и вовсе не слышны,
Лишь вопль зверей в ушах стоит сплошной.

Среди камней калечим мы себя.
Возможно, мы идем туда, где были,
Возможно, мы спешим назад, где камни,
Где нескончаемым зевком зевает пропасть
И нет ни компаса, ни Южного Креста.

Как свет светильни, разум тут ленив,
Колеблясь, гаснет он, во тьму нас погрузив.
Он не подмога, сдавшийся камням.
И остается сдаться на милость высших сил,
И ощутить во мраке взмах внезапных крыл,
И вдруг почуять чудо — гиперборейский ветер,
Который все живое чудесно окрылил,
И рады мы, как дети, увидевшие свет.

Часть III

ГЛАВА II

Твое пламя сжигает меня до костей,
Губ коснешься — и вспыхнет оно белым светом,
И в едином свершении спалит нашу плоть,
Распаляемую желаньем.
Погляди, до конца понимает нас тихий огонь,
У которого греем мы руки.

Мы рассветы встречали, омытые ливнем
Птичьих криков в шумящей листве.
Мы видали, как утра резко переходили в полдни,
Как полдни однотонно переходили в сумерки,
Мы шли сквозь зреющий рис,
Наши бедра и плечи соприкасались,
И счастливая земля буйно плодоносила.

Я не сказал тебе этого, но в войну
Я буду стоять посреди нашего поля,
Набирая в пригоршни плодородную черную землю,
И, когда комки посыплются сквозь пальцы,
Я подумаю — ведь это ж мой дом,
Обладанье, смех жены и ребенка;
А сладкое зерно, камоте * и рис —
Преграда, не впускающая нужду.

Я — любовник этой земли.
Она мне дороже риса и сладкого тростника,
Она — свобода от беспокойных ночей,
Она — дружелюбие надежды.
Соединяюсь с ней и порожденьями ее —
Стелющейся травой и тагвати,
Звучно раскидывающим пальмовые ветви.

Ночью мы вместе — рука в руке.
Я ощущаю назлектризованный пушок твоих бедер,
Чувствую податливую упругость груди,
И удивляюсь — живой уголек в ночи —

* Батат, сладкий картофель.

Что ты — моя жена, моя супруга; моя избранница,
В которой я зарождаю могучих сынов и нежных дочерей.

Это чудо, что сам по себе
Я есмь конец и начало,
Что мы по непостижимым законам
Любим друг друга и пребываем вместе,
Вызывая к жизни поколения из наших чресл;
Чудо, что рассеваемые семена
Умножаются и дают урожай в дни жатвы.

Не могу этого постичь,
Но благоговею перед тайной
Жизни, любви и бытия!

ГЛАВА 12

Не научившись жить, я, смерти ученик,
Терял невинность от ее уроков,
И, умудренный, крал, проникнув в чувств тайник,
Сласть удовольствий и смолу пороков.

За кражу каждую я заплатил трикрат,
И плоть мою болезни источили.
Гляжусь я в зеркало — там дряхлый мой собрат,
Его от жизни муки отлучили.

Чего же я желал? Я осознал поздней.
Я воровал, что под рукой лежало.
И разрушение было подписью моей,
Песок был пищей — на зубах визжал он.

Лукавства, праздности, коварства ремесло
Я досконально изучил, бездельник.
Но сладострастье и блажное воровство
Не ублажали дней моих скудельных.

И, праздный до глубин души всегда пустой,
Я весь свой хворост мог бы сжечь до пепла,
Но мне любовь преподала урок простой,
И возрожденная душа окрепла.

Ведь ярость страшная, снедавшая меня,
Причиною имела безлюбивность,
И зло, греховные ножи свои креля,
Кидалось на моральность и духовность.

Я взбунтовался б, но любовь была
Со мной тверда, нежна и терпелива;
Святые заповеди мне она дала,
Светила движущие горделиво.

И я закон ее целительный постиг
Для плоти порченной, для хворой крови;
Всегда бежавший чувств, я — смерти ученик —
Внял слову воскрешающей любви.

СМЕРТЬ ВОЗЛЮБЛЕННОГО

Невечный сам, он предпочел в земле
Влюбленный в землю вечною любовью
Лсжать под тихую зеленою травую.

Однажды в поле, преклонив колени,
Он жадно сжал комок земли, а солнце
Расцвечивало пыль, текущую сквозь пальцы.

Влюбленных труд — записывать бессвязности
У страсти на листьях, а он на луговине
В любви к земле расписывался плугом.

Внимало поле — в пору урожая
Плоды, как груди смуглые, манили,
И он беременных стеблей легко касался.

Был тихим дом его, как человек,
Закрывший двери и зажегший лампу.
Не зная женщин, знал он только землю.

Мы ж знали — так и должно быть, чтоб солнце
Водило пальцами по листьям риса,
Когда во мрак ушел он после лихорадки.

Не мысля дух спасти, мы спеленали тело,
Его отдав возлюбленной земле.
А что, как он вернется и со скирды поманит?

ЛЕТО

Вслед за распутицей ввергается жара
В курчавое великолепье утр,
Потом начнет она летать на крыльях цапель.

И лишь у фермеров тут корни глубоки,
Им небо добрые дает советы —
Оно их дом с надежными дверьми.

Не разум, а земля законы пишет,
Расписываясь росчерком зерна.
А ветер аплодирует с холмов окрестных.

Сок по стволам ползет, чтоб запылать в цветенье,
Мелькают бабочки — крылатые шелка,
И зимородки перышки роняют голубые.

И дни качаются на стеблях света,
И в поле распускают лепестки
На радость и утеху детям.

А взмахи крыльев часты и чисты,
Как посвист иволг в радостных деревьях.
К которым лето пьяное склонилось.

Доминадор И. Илио

ЭРМИТА, 1946

1

Тебя разорили, мой город,
когда солнце стояло в зените.
Теперь, среди опустошенья и пепла,
полдни, словно калеки, бредут.
Ты лежишь в забвении, уже никого не боишься
гордый,
как в старом патио гранитный лев.

2

Я иду по твоим безымянным, безмолвным улицам,
воскрешая твои легенды,
их обрывки трепещут
под обломками стволов и колонн.
Ветры гонят
клубы пыли и воспоминаний,
они кружатся, застилают
когда-то знакомые мне места.
Я знаю, твоя история, твои судьбы
однажды воскреснут
и озарят
эти руины, этот унылый простор...

3

Стерли с лица земли мою улицу,
мой дом, калитку над морем...
над морем... моим морем...

ДИПЛОМАТ, СЛУШАЮЩИЙ [РЕЧЬ ДРУГОГО] ДИПЛОМАТА

И этим летом они не смогут поехать к морю,
где на пляже, в одних шортах и босиком,
он мог бы, не напрягая ума, перебрасываться
пустыми фразами с каким-нибудь лоботрясом
или с тихой женой, сидящей рядом,
следить, как на беззаботном песчаном ковре
строят рожицы дети, отвыкшие от его ласки.
Среди безымянных животов и темных очков
он попытался бы сделать стойку,
по запытая в воде, и это ему удалось бы,
хотя он и дрыгал бы неуклюже ногами, —
здорово на песке у летнего моря!..

Но пока что он не может молвить ни слова
маленькой женщине... Его руки вцепились
в толстенный портфель на гладком столе,
и ночи его наполнены не только молчанием.
Чтобы сказать детям, почему они не поедут,
потребуется больше дипломатии,
чем для ответа этому шумному оратору.
О! Эти речи — на много сезонов!

АРИСТОКРАТ НА ПРОГУЛКЕ

Из девятнадцатого века призрачные руки портного
оглаживают его рукава, зловеще черные,
как его крашенные волосы. Тонкие губы
и монокль замыкают его в душном пространстве,
ограниченном движениями ленивой трости.
Как старательно он шагает, как стремится,
чтобы шаги его были до дюйма равны!
И все же он выпадает из общего ритма
гуляющих. Предусмотрительно избегает
пестрых весельчаков, встречающихся на пути.
Может ли он глядеть в любопытные глаза афиш,
смотреть на детей в ковбойских костюмах!
Поправляет шелковую бутоньерку в петлице.
Бледность сумерек ему к лицу.

Тита Лакамбра-Аяла

КАКТУС

Не сердись на кактус,
живущий на подоконнике,
прости его торчащие
иглы,
они — только попытка
самозащиты.

Смотри, как он сосет соки,
делает каменным старый песок,
он странен, он весь,
как нервная окаменелость.

И не зря.
Разве не требуется
хоть немного хитрости,
хоть чуточка таланта,
чтобы существовать на солнце,
хоть немного жаркого песка
(а у меня он задаром) —
и он растет, и выглядит
свежим
(даже сочным!),
растет так просто,
словно шутя.

ПОДСОЛНУХ

Он обращен к солнцу, словно зрачок ярости,
его черенок мягко изогнут, он прячет
изнеженность на изнанке застывшего взгляда.
Все это радостное поклонение,
лучшее отраженным солнечным светом, —
откровенно, как зеленое облачение прохладных
рек. Это мужественное растение,
пышно цветущее среди камней, — как неожиданно
прячет оно горечь сока, гордясь собой,
без ложной скромности, самовлюбленное,
как копилка собственных побегов и корней,
в любое время года и возраста, — предчувствие
осенней грусти, как это может только он —
осколок солнца.

ПЕСНЯ СОЛНЦА

Песня солнца
льется
 в листве, —
ее отзвуки в твоих
 волосах.
Не уезжай!
 Завтра
я приду к тебе:
 приятнее,
когда солнце
звучит в твоих
 волосах,
нежели в листьях...

ДОЖДЕВАЯ ФАНТАЗИЯ

В день, когда солнце похоже
на черный зрачок,
прокаженные барахтаются в несбыточных надеждах,
вода сталкивает острова,
пока они не теряют своих очертаний,
не становятся пирожками грязи, плавающими
в коричневом вареве
из амёб, фальшивых волос и башмаков.

Каждый из нас — вертикальный островок,
блуждающий в потоке: падаем
в невидимые канавы, барахтаемся,
захлебываемся в солоноватой воде.

Куры кладут яйца в воду —
хорошие погружаются, тухлые
плавают, как пустые дискуссии в стоячей воде.

Те, что спаслись — спаслись чудом:
взлетели на одолженных крыльях или брели,
держась за одолженные веревки,
избегая яростных водоворотов,
не попадая под слепящие водопады ливней.
Странно, как они продолжают идти.

Сезон для утонающих.
Пора отдыха от тропического пекла,
время гниения всего, что разрослось
и созрело среди коричневых вод.

ИЗМЕНЧИВАЯ ПОГОДА

Изменчивая погода размышляет
под крылом дня
об осадках и засухах,
нервные тюльпаны
смуглеют, дрожат.

Держи меня, как черный лист
на твоей белой ладони,
удержи меня, как ты удерживаешь
под деревом тихую тень.

УХОДИТ ЛЕТО

В зеленом месиве солнечного света
и голубых барашков —
пианино, робкое, как пальцы, ласкающие клавиши,
слишком нежное, чтобы играть марш;
лето тянется павлиньим хвостом,
машет — прощай! — сквозь листву,
безмолвствует.

Оставь окно открытым для нового дождя,
он опустит пальцы на пыль,
чуть позже слезы дождя побегут по стеклу,
бросят перья травы
на новые семена.

Хосе Лансанг-младший

ХОТЯ ЛУКРЕЦИИ УЧИЛ МЕНЯ

Хотя Лукреций учил меня,
чтоб я не впадал в отчаянье
из-за холода этих объятий,
подобных пещерам Альтамиры,

но бурные вспышки гения
подобны адскому пламени,
найду ли ее румянец,
биение сердца, надменный взгляд?

Никто ведь не может подняться
на льдистый Дракан-Йома!
В ней скрыто больше вопросов,
чем в Великом Русском Романе.

ПЛАЧ В СОЛЬ МИНОР

Как часто я испытываю
мучительное желание
швырнуть чашку, сжевать
сигарету — ведь требуется
всего лишь несколько минут раздумий,
чтобы позволить человеку утонуть...

В кафе рядом с другом
сидит женщина с прекрасным лицом,
воспоминание о котором не дает мне заснуть...
Взгляд ее устремлен прямо перед собой,
и женщина отчаянно чего-то ждет,
а я грущу о ней всю ночь напролет,
но почему-то не спешу просыпаться...

(Когда же тьма начинает расступаться,
я вижу ясно за годом год нашу совместную жизнь,
ведь после того как пройдет любовь —
так легко хоронить упущенные возможности.)

О нет, я не хочу пробужденья
во тьме — оно подобно погруженью
в небытие, как молнии в ночи исчезновенье:

О, долгое паденье, распыленье, разрушенье
и это медленное возвращенье
к праматери-земле на вечный зов,
хоть я мог бы еще бродить среди холмов.

СОНЕТ

Из всех комет одна лишь не стремится
Круг описать... Редчайший гость земли!
Ars genetrix ее мы нарекли, —
Печальный Феникс, огненная птица.

Что ждет ее в пути? Чужие лица,
Минутное участие... И вдали
Опять одна в космической пыли,
Лишь в сердце — для нее любви крупица.

Я вижу ночь за сеткой дождевой,
Фонарь, немые тени у окна
И звезды, что с улыбкой догорают.

Мир снова оживает предо мной,
И с глаз моих спадает пелена,
А люди строят, плачут, умирают...

Альфредо Э. Литиатко

ДЛЯ ТЕБЯ

Что в мире есть, чего б не смел
Я для тебя свершить?
Пусть времени всегда в обрез, —
Тебе готов служить.

Придвинуть стул, поднять платок, —
Что может быть важней,
Когда все это для тебя,
Когда в душе моей

И вдохновенье и восторг!
Что слава? — Легкий дым!
Лицо мое открыто всем
Пред именем твоим.

ВОССОЕДИНЕНИЕ

Как радостно губами припадать
К прохладной коже этих милых рук.
В любимое лицо глядеть опять,
Забыв недели долгие разлук.
В лице твоём я снова узнаю
Черты родные. Вижу, как во сне,
Улыбку лучезарную твою,
Которой так недоставало мне,
Покуда сердце — пленный соловей —
Рвалось на волю, следом за тобой,
С той древней песней, что любви древней,
Что родилась до птиц, — в тиши ночной.
Слова бедны, но в сердце песнь звучит:
Никто с тобой меня не разлучит!

ВНОВЬ ВО СНЕ

Не обольщаюсь. Бесполезно лгать
Себе, когда проснешься в тишине.
Опять воображение во мне
Играет драму давнюю. Опять
Счастливый — на коленях пред тобой!
Прочь, тени, прочь! Любовь уже мертва.
Остались только бледные слова.
Остыло сердце. Можно с головой
Без страха окунуться в этот сон,
Где мы с тобой неведомым путем
Беспечно рука об руку идем.
Волшебный, дикий мир... Но где же он?

Я просыпаюсь. Бред ночной забыт.
О, если б жить, как сердце нам велит!

Вирджиния Р. Морено

ВЫБОР МАСОК

Я надеваю черное трико
И шутовской колпак для представления.
Билликен, сделай яркие три маски
Для трех ролей на маскараде жизни.
Для трех мужчин, партнеров по игре,
Три маски разные я чередой надену.
Мой брат придет, одетый, словно дьявол,
С ним сходство старое мое сведи на нет.
Мне маску святости для брата приготовь:
Дай посох вместо вил,
Венец, чтоб рожки скрылись.
Уйдет близнец, доволен и спокоен,
Меня воистину святою посчитав.
Когда появится отец,
Нужна мне маска,
Что возвратила бы в ребячество меня,
Когда я ела хлеб отца беспечно.
Бездумно Филомела так жила,
Пока насилия над ней не совершили.
Надеюсь я, что мой отец поверит
В невинность чада, созданного им.
И Лир слепой уйдет, не оглянувшись
И на прощание ни слова не сказав.
Когда придет любовник мой, растлитель,
Взамен лица дай маску ярче звезд,
И пусть его желаньям вопреки
Она меняться будет непрестанно.
Захочет бледной видеть — крась багровой,
Во тьме с ним рядом злой и хмурой сделай

И каменной — для нежного касанья.
Так чудом эта маска обернется,
И он следов былого не найдет,
И вновь уйдет влюбленным и пленным,
Не понимая только, почему
Влекущее лицо мое похоже
На то, что искромсал и уничтожил
Давным-давно своей рукою он.
Три эти маски сделай мне, Билликен!

СОН УТОПЛЕННИКА

Я сплю лишь для тебя,
И в гамаке из водорослей цепких,
Тобой сплетенном, во второе море
Плыву, тобой влекомый,
Перед глазами у меня — твой рот холодный.
То поднимаюсь вверх, то погружаюсь
Вдали от человеческих стенаний.
Ты онемевшие мне распрямляешь члены,
Перебираешь жаркими руками
Чуть зеленеющие волосы мои,
Как будто в пригоршнях реликвии сжимаешь.
Разводишь, складываешь рук моих сплетенье,
Прижав к моей чернеющей груди.
Меня вновь тянет вверх, твой пульс стучит у горла.
Из-за тебя я здесь для жизни новой,
Во сне я вижу лишь одну тебя.
Окутан в розово-лиловые туманы,
Как будто в саван к смерти обряженный,
В безбрежном безвоздушьи я один.
А в солнечном и неподвижном небе,
И далеки и близки в то же время,
Отражены зеркально острова.
В пространстве — Х, под самым горизонтом,
Ни неба, ни земли, ни запаха, ни звука,
И стрелки постоянно на нуле.
Я встретил то, что нам всего дороже:
Жизнь нашу, утонувшую давно.
О, наша жизнь! Здесь в призрачной могиле
Плывут безмолвно, в четких очертаньях,
Все наши дни от утра до заката.
Взываю к ним, стремясь раздвинуть губы,
Чтоб удалось твое промолвить имя,
Но нету рта, и звуки глухи, словно
Дождинки ночью на сердцах растений.
Где ты? Мне без тебя так зябко, одиноко,
Швыряю я в плывущие растенья
Подобные рыбешкам лепестки.
То наше «нынче», «нет еще» и «прежде».
Взгляни со мной; вот наша жизнь — букет.
Он здесь — застывшая звезда морская.

Ее лучи из центра разбежались, по сторонам струясь и
извиваясь.

Тебя все нет. Передо мною нечто,
Подобное плывущему столу.
Я окунаю призрачную руку,
Чтобы достать у фруктов сердцевину,
Успеть схватить, пока не тронет гнилью,
И мед достать, подобный янтарю
И золотом сверкающей пшенице,
Чтоб выпить хоть один, всего один наперсток
Орехового брачного вина.
Всегда страдаю я от голода и жажды.
Но почему наш первый райский завтрак
Вдруг перешел в прощальный адский ужин,
Где блюда — только сгнивший горький корень
И в прах истлевшие листья алоэ.
Ни голода, ни чувства насыщения,
Ни трапез промежуточных меж ними.
Лишь потолок подводного кафе
В стекле своем весь отражает праздник,
Похожий на неутоленный голод.
А я скольжу туда, затем обратно
И, как притворщик, перевоплощаюсь,
Одновременно зритель и участник:
То в облике невесты появлюсь, то гость,
То плакальщица я попеременно.
Судя по тюлевым узорам пены,
По конфетти из риса — это свадьба.
Нет, праздник — то седьмой твой день рождения.
И что за диво этот гость-ребенок!
Он лопнувший воздушный шар
Стремится склеить, и в его ручонках
Свои ручонки вдруг я узнаю.
Чье здесь блаженство?
Что стоит на карте?
Чья смерть таится в этом пробужденье?
Не знаю я, не знаю. Неотступно
Глядят глаза, залитые слезами.
У жениха глаза точь-в-точь такие,
Как были нарисованы на маске
У твоего отца тому назад полвека.
Вас, годы, вижу сквозь прикосновение,

Что растворилось в начертанье классов,
Гвоздичек красных, линий и костей...
Где тот ларец серебряный, в котором
Лежит ребенок с нашею улыбкой?
Я падаю все ниже, ниже, ниже.
Волна, кружась, сливается с волною.
Идут на дно со мною гиацинты,
И затворились мрачно анемоны.
Лишь шепоты и вздохи тишины.
И я затих, спокоен и недвижим.
И вдруг явилась ты.

Тигровый свет пролился

И пал на тень добычи, заключенной
Сюда, в безмолвную гробницу солнца.
В меня тыходишь нежно, осторожно,
Изящней, чем скользит зверек мохнатый,
Вливаешься всей призрачною сутью
В меня, водой захваченного в плен.
Мы целое одно! Какая радости!
Ты не сердита, я не одинок.
Сияем: хорошо нам быть друг в друге.
Куда же плыть теперь, когда мы вместе,
Что скажем, говоря лишь меж собою?
Ничто и никуда. Но никому,
Ревнивые сирена и сатир,
Разъять единство наше не позволим.
Ты голос только мой, а я твое лишь эхо,
Давай споем вдвоем: «Как гармонично
Мы вписаны в текущее мгновенье,
Во мне весь разум Времени тантся,
А жизнь и смерть моя — в его руках».
Я сплю, так разбуди меня, коль хочешь,
И если я смогу, то я проснусь.
Но почему меня не называешь
Забытым именем, когда-то в жизни данным?

МАСТЕРИЦА ПО БАТИКУ

Под руками ее проступает
На гладкой ткани узор,
Возникает бледный охотник,
Уснувший в ловушке
Оленерогого
Мангра,—
И я коснуться его не могу!
Темные космы волос
Глухи и немые, и пальцы хищных цветов
Тянутся к горлу его,
Разверстому в стоне,
И только райские птицы
Печально кричат
В лесу.
И я разбудить его не могу!
Тени света с дождем
Проникают за полог ветвей,
Туда, где призрачная пантера
Замерла в объятьях
Его неподвижных, мертвых его
Рук.
И похоронить его не могу!

ЗАБАВНАЯ БАЛЛАДА О ЖЕМЧУЖИНЕ

Что-то такое она проглотила,
Эта нежная, жаркая устрица.
Устрица...
Или как ее там?
Глотая зеленый кислород
Зеленой глубоководной тьмы,
Что-то такое она проглотила,
Эта нежная,
Жаркая устрица.
А что?
И на что это было похоже,
Не знает никто.
И когда это было?
Но все-таки что-то такое
Случилось...
Может быть, несмышлениш — рыбий хвостик
Посмел поиграть с нею в прятки,
Набрался наглости и закричал:
«Иду искать!» Так?
А потом,
На самой высокой ноте,
Вдруг застрял у нее в глазу. — Нет?
Преломляясь на тысячу отражений,
И дробясь в ее хитром глазу,
Полумертвый,
На самой вершине,
Задыхаясь от счастья и ужаса,
Обронил жемчужную каплю туда —
В розоватую впадинку!
...Так ее первая рана
Стала его могилой...
И, когда вспоминает,
Когда припоминает все это,
Глотая
Морезеленый
Обжигающе-горький абсент,
Который некогда был кислородом,
Она валяется, как пропойца,
На твердом ложе собственной раковины,

И розовый рот ее становится
Все тоньше и тоньше!
Да... теперь эта остывшая, пузатая устрица
Таит и знает
НЕЧТО!

Эрнандо Р. Окампо

АРПЕДЖИО

1

Здесь лепестки — рассада
Чья заунывная песнь
Словно далекое солнце
Не меркнет за горизонтом?

Ростки словно наковальня
Чья шепчущая земля
Не мучает
Коленопреклоненных
Миртовой мечты?

О кольцо досады!
О химеры стонущих знаков!

Сквозь дремлющие горы и равнины
К гибели земли!

2

Не терби меня сдержанными проклятиями,
Лучше
Исцарапай колючками:

Лепестки — это нежные пальмы
Вечных сумерек.

Не терзай меня мрачными молитвами
Лучше
Опьяни:

Мечты — это химеры
Туманно курится их путь
В унылом вихре
Малиновых лепестков!

О тень румянца!

О сумерки вечной мечты!

Сквозь бездну

Между проклятьями и мольбами!

Лети медленней, о обволакивающая мечта!

Ступай мягко вкрадчиво —

Под вуалью вечера

Словно по морю.

Нежны проклятья

Угрюмы молитвы —

О никогда!

Никогда о никогда

Смутный дым фигур,

Никогда — мягкие лепестки пальм

Никогда — колючки, никогда — вино

Только сиреневая пелена

И затканый звездами вечер и ничего больше,

Вечная мечта...

TEMPO RUBATO

1

...И если ты любишь дороги
На гребне свинцового смеха
Плати за путь и вздымай свои крылья
Пылающий лоб заклеими:

Малиновый нимб возникает
Над пеной седых волос
Борозды лет проступают
Морщинами на виске.

Призрачный ветер памяти
Блекнет в пылающей страсти
Рябь сквозит по стакану окровавленного вина:

Вперед
задумчивый всадник!
Слегка прищпорь свою лошадь
Будь верен долине прощаний.

Сверкающие вершины
Вам — имя «вчера» и «завтра»,
Как всплески горького смеха
С малиновым призраком
Перьев.

2

По колено забрызганный грязью
Я стоял

не подавленный

Скорбью вчерашней,

от которой

Удвоились муки и слезы — как кровь вытекают
Из прошлого

пьяного смеха.

Вечно делимых страданий
Безобразны кровавы рубцы.

Я плакать не стану
Над мягкостью странной
Которая выбрала смерть
Страдать я не буду
От мягкости глупой
Забвенье — ее удел.

3

Сломаны крылья и выпали перья
 Останки всосала грязь.
 Высохли слезы глаза заблестели
 Я отрицаю вершины времени
 И бессмысленный трепет ран.

Память больше не мучит
 Нервные пальцы
 И пряди седых волос
 Веет мой смех
 Успокоительным ветром
 И освежает лоб.

Исчез пассажир и наездник сброшен
 Иссохнет тряпина в свинцовой страсти.

4

Малиновый — это цвет крови
 это цвет слез
 это цвет вина.

Сегодня день жизни
 А завтра настанет день смерти
 Вчерашний день ни хуже ни лучше — лишь вздохи.
 Но малиновый цвет — это цвет надежды
 И твои белоснежные руки
 Не чувствуют сами
 Что их засосала тряпина.

5

Вчерашние дни и ночи
 Утонули в рыданиях
 В крови и в хохоте диком

Сегодня
 Пьяные лужи уже начертали тени
 Малиновой памяти
 Давайте залезем выше
 Чем завтра, ведь завтра опять
 будет глубь по колено.

Зловонье вина ароматно
Для тех кто живет не мечтая о смерти
И топит в гаснущей страсти
Призраки горьких сомнений.
Но между вздохом и взрывом
Ночного легкого ветра
Только прикосновенье к нежной твоей руке.

Бьенвенидо Н. Сантос

ВЕК ЦВЕТОВ

Царство цветов подошло к концу.
Умер под деревом день.
Наш смех угасает в полуденный зной,
Нависла душная тень.
А над полями рыдают ветра —
Семь несказанных слов —
Бесстрастным треском лесных цикад
Объявлена гибель цветов.
Пасхальные лилии на холмах,
Сияет мирт, расцветая,
Сквозь терни и скалы он шел сюда,
Тело в кровь раздирая.
Но скоро настанет век цветов,
О, сладчайшее царство —
Несколько лет терпенья, и к нам
Приблизится вечность.

РАСКАТЫ ГРОМА

И снова удар грома!
Грибы взмыли из почвы
и подрастают, робея. А юные усики
бесстрашно влекут их к твоей груди.
Но будь бодр и будь спокоен,
не надо бояться смерти,
и больше уже не будет такого удара —
только этот слепящий дождь и слезы
надолго, надолго, надолго...

ГODOBЩИНА

Вот они, здесь: гибкие пальцы и гордые мысли,
Нежность, свобода, надежды на славу —
Я их сквозь насыпи лет вдалеке различаю,
Баллада о счастье и дождь; и конечно, наши следы.
О предсказатель, сложи с жемчугами отбросы
Из городов, что вдали туманною дымкою; хлеб
И вино, запах пепла и тайны молитв
Тех жрецов, что вложили в уста мне слова.
Мы их вспомним сегодня, и этого будет довольно.
Эта речка, что лес напоила прохладой,
Синеву небес наполнил аромат терпкой липы,
Там пальцы Любви тела в гирлянды сплетают.
Да, юность бессмертна!
В эти мгновенья луга расцветают, и солнце
С нами, хотя мы возлюбленной ночь называем.

А теперь о другом:

Необычна страна, где в синеве небесной
Чужеземные звезды, и запах ночей осенних
И веянье ветра, как руки, лицо ласкают.
Северный ветер лунные воды тревожит,
Снег на дорогах в странном каком-то цветенье.
Ты не ищешь ответ — для тебя все понятно и просто,
Почему же сердце не может быть одиноким?
Наша жизнь — словно лист, он увял от холодного ветра.
Пепел гор дышит холодом, не утоляющим муки,
Прощайся...

Как часто я забывал,

Что годы не могут ослабить ток наслаждения,
И камни, вжавшись в песок прибрежный,
Туманят глаза, как память туманит слезы.

НОЧЬ ПРЕМЬЕРЫ

Я был любим так пылко, страстно, нежно,
Глаза конференсье во тьме горели,
И думалось: неужто в самом деле
Навек любим я и живу вовеки?!
В угаре репетиций стынет утро
И полдень растворяется в смятенье.
Мы все тщеславны, как тщеславен Геннй,
И рвутся пальцы снова к инструментам.
Мазетро барабанщик, ты в экстазе,
Ты на себя обрушил сам лавину,
И пианисту отдал половину
Ований, от которых дрожь по телу.
Не расчленяйте музыку на звуки,
Мы паузу заполним долгим вздохом,
И корнетист напевом одиноким
Заставит замереть глаза и пальцы.
Таланта смысл сокрыт в ночной премьере:
Вот шелковые шторы задрожали,
И тьму на ключья звуки разорвали.
О, ожиданье, ты подобно смерти!
Был в бархате любим я и в лохмотьях,
Был вознесен толпою и обласкан,
О музыка — распяты, боль и сказка!
Навек любим я и живу вовеки...

УТВЕРЖДЕНИЕ

Стиснутый временем, утверждаю
закрепощенность кирпичей и свободу камня
на окраине города, где моя юность
шрамом лежит на лице утра.
Эти странные знаки, затерянные в далеком вчера,
груды хлама на грязном дворе
полумертвых голодных поэтов.

Мы бродим в тумане судьбы,
по следам унылого дня.
Мы нежны и горды: великолешие
этой привычной минуты ослепляет.
Наша грудь, словно печать
обыкновенной мужественности.

Но есть одно величие, пред которым мы клоним
 головы:
 это величие лохмотьев — нашего бархата,
 изношенное белье улыбающегося
 продавца, продающего призмы.

В утверждении нашем нет блеска,
нет ни гордости, ни целомудрия в горьком распаде.
Это правда, но люди всегда хотят передвигаться
ошупью, падать
возле темного ложа
убитых героем богов.

Прометей, тебе никогда не будет прощенья!

МЕЧТАНИЯ

Служба моя — развлекать
Заблудших в тумане Мечты.
Маршруты и тропы искать,
По которым проходишь ты.

Мечта — ночной пешеход,
А может, быстрый пловец:
Наблюдает звезды полет
И манит сотни сердец.

Хрупкую форму сна
Легко разломить пополам:
В этом, может, рассвета вина,
А может, сплетенья лиан.

Рассветы лгут о мечтах,
Бесстыдно их хвастовство:
Что Мечта? Смятение и страх...
Мечта! Мой сын, волшебство!

Итак, наполняйте сосуд
Надежной, чистой рукой.
В погоне глаза устают,
Следя за скользящей мечтой.

Рафазль Сулуэта да Коста

[ТВЕРДЫ, ВЕРНЫ И СТОЙКИ] КАК МОЛАВЕ *

I

Рисаль, еще не время. Рано спать:
Необходимо сотни вод измерить;
Необходимо сотни гор осилить
И сотни сотен вынести Голгоф.
Бессильны плечи, мускулы увяли,
Взлелеянные рабством; тянут вниз
Чужие крылья. Дремлющий, очнись;
Рисаль, не время. Родине нужна
Живая кровь, такая же, как ваша,
Что в имени Свободы растворилась
И на алтарь Свободы отдана.
Нет, ты не одинок, Рисаль. О духи
И души павших храбрецов, восстаньте!
Ворвитесь громом в сон страны! Пролейте
Вновь огневую кровь. Мятежность алых пульсов
Излейте в наши немощные вены;
Тогда, окрепнув, пламя Прометея
Мы вознесем из недр отцовской веры.
На мраморе безмолвных скал свободы
Мечту героев высечем навеки;
Тогда прозреют и восстанут люди,
Тверды, верны и стойки, как молаве,
Отважно восходящие на склоны,
Бессмертны и сильны; да, как молаве!

* Молаве (tag.) — название широко известной на Филиппинах породы дерева, древесина которого отличается чрезвычайной твердостью.

II

Юность страны — благородное имя и гордость,
 Юность страны — панорама великой поэмы,
 Юность страны — альманах парадоксов,
 Юность страны — рука на плече друга,
 Юность страны — бурлящие спектры цветов на поле холста,
 Юность страны — трагикомический эпос,
 Юность страны — грохот и гул симфоний,
 Юность страны — ребенок, растущий в слезах,
 Юность страны — старик, смеющийся вечно
 младенческим смехом;
 Внебрачный ребенок тысячи снов, танцующий
 в маске,
 Все это — юность страны.

III

Двадцать тысяч юных в марше,
 выше головы, стяги — ввысь!
 Раз, два, три — раз!
 Двадцать тысяч юных встали
 возле памятника жертвам.
 Сто-ой! Раз, два!

Пауза, и президент начинает: «Дорогие
 сограждане».

Юность страны слушает, с трудом продвигается,
 локтем толкает друга: «Слушай, смотри-ка туда,
 девочка что надо».

Юность страны слушает: «Боже, прервет ли он
 этот вздор, я сыт по горло», кто-то ворчит:
 «Дьявол,
 дождь, а не речи!»

Юность страны слушает, стоит навытяжку, локтем
 толкает друга: «Слушай, этот капрал, сукин сын,
 не сводит
 с нас глаз, еще хоть один упрек, и я — готов».
 Юность страны слушает.

Президент заключает: «Воплотим их мечту в жизнь».
Аплодисменты.

Двадцать тысяч юных в марше
Раз, два, три — раз!
Товарищи-и, разойдись!
Черт, наконец-то! Боже, какая дама!

IV

Мы, Филиппины, сегодня безвольны,
легковерны, паразитичны, фривольны,
неверны, неумелы, ленивы.

Может быть, вам подсластить?

Я бы и рад восхвалять вас, мои
соотечественники... Но посмотрим
реально...
пора наконец прозреть...

Юность страны, ты горькая наша пилюля.

Это завет сыновей четырех ветров океана;
Это притча семян четырех дорог, посеянных
в камень;

Это беда не только в доме президента:
Всю нацию наших предков трясет озноб ожидания.

Дочери и сыновья, братья — юность страны,
Встанем ли мы наконец, чтобы сбросить ярмо?
Или нация наших предков так и будет всегда зажигать
Свечи под сильным ветром?

V

Ответим мы, но завтра, только завтра.
И жизнь отдадим, но только завтра.
Сегодня? В этот час? Сию минуту?
Но нам защитой — Полосы и Звезды.

Я был сейчас в кино и чуть не плакал.
Я был вчера в кино, смеялся вдоволь.
Я покупаю все, и смех и слезы.

Моей кобыле приз вчера достался.
Моя одежда крик последней моды.
Мое образование превосходно.

Я овладел испанским и французским.
Я говорю свободно по-английски.
Я, хоть немного, знаю и тагальский.

Мы пунктуально поминаем мертвых.
Мы пунктуально посещаем церковь.
Мы — нация восточных христиан.

Я приобрел орган для нашей церкви,
Я сделал дар Антонию Святому.
Я не жалею средств для наших миссий.

И наш миссионер расчистил джунгли.
И наш миссионер возносит Бога.
И наши дети снова просят денег.

Мы радуемся школе на окраине города.
Мы радуемся детям. Филиппины мои, Филиппины.
А Вашингтону в детстве отец подарил топор.
Лгать не имеет смысла. Денег для школ у нас нет.

VI

Мой друг из Штатов говорит:
есть ли у вас хоть одно великое слово,
в котором
голос народа звучит сквозь века;
есть ли у вас хоть одна великая песнь,
с душою
семи тысяч островов;
есть ли у вас хоть одна великая мечта,
вечный меч и
щит —
речь звучная и простая, как наша «У Людей,
меж Людьюми, для Людей»;

песнь величественная и вечная, как наш гимн
«Родина —
это Тебе»; мечта извечная и священная,
как свобода
в Америке;

Мой друг, мы долго молчали, но и мы говорить
умеем.

Отец, я искренне все прощаю.

Поверь мне, святой отец.

Речь коротка перед боем, да еще в минуты любви.

Пусть наши люди станут подобны молаве.
Новое здание строится не из праха бывшего,
А из сегодняшних, стойких и прочных
Материалов.

Речь коротка, расцветая надеждой в преддверии
солнца.

Я хочу быть равниной Хуан-де-ла-Крус.

Речь коротка у того, кто не может забыть друга.

Мой друг, наших песен не счесть, но все —
как одна.

Страна Восхода тоже одна;
другие страны — калейдоскоп мелодий,
в пентаграмме Великого океана —
острова Лусон, Висайя, Минданао —
песни хмельны от земли
в приливах слез и отливах смеха;
и все как одна.

Мой друг, корни нашей мечты в земле,
но крылаты наши мечты;
они встают с первым лучом солнца,
возбужденно реют над холмами,
опускаются в кильватере заката,
скользят вдоль косых берегов;
из черных провалов молчанья
воспаряют над одиночеством звезд;
да, крылаты наши мечты,
и мечты — это мир на Земле.

VII

Мой друг из Штатов продолжает:

Вы — нация наивных простаков,
вы чувствительны к слезным излияниям;
человек приходит к вам с грустной историей,
и вы, чудаки, тотчас попадаетесь на удочку.

И я отвечаю похожей притчей:

Некто приходит в порт и называет нас — братья;
мы кормим его молоком и медом нашей земли;
а он набивает карманы трудами младшего брата,
да еще отправляет домой,
из песен берет лишь одну, как сувенир:
«О, бесхвостые обезьяны Самбоанги».

Вот дама-гостья хочет изучить культуру и жизнь

Филиппин;

наши музеи открыты всем, история дышит

веками,

под носом этой дамы, в каждом жесте насущной

жизни

пылкий и трепетный пульс нации юной;

в бамбуковой флейте, в метисской одежде,

в песне любви.

Она же бросает мальчишке монету, чтоб голым,

взобравшись на пальму, позировал среди

кокосов

для фото.

Неоднократно ответит притча.

Друг мой, это ли западный путь?

Друг мой, это не путь Америки.

Темноликое братство смотрит на Звездные Блестки

восторженными глазами;

мечтает о мощном гимне: Американской мечты;

гордится быть малой частью Американской

славы;

запрокинув голову, смотрит на растущие

небоскребы

Американских идеалов, надежд и стремлений;

поет эпос духа Америки, постигшей свободу;
трепещет от жажды родства с основателем
равенства
и смотрит в прекрасные дали страны за
океаном,
на жизнь своих сильных братьев.

И затем — факт. Сокрушительный факт мира больше
не сняет в произнесенном слове.
Мир, где творимое дело — нестерпимо.

За океаном младший черный брат теперь не тот
человек,
что был терроризирован злобой, унижен
презрением,
ужален расизмом:
он, как любимый сын, получивший осколки
игрушки,
игрушки, что мать разбила;
он, как дитя, удивленно спрашивает: «Мама,
таков обычай?»
Он, как дитя, обижен, но все же ласкает
призрак игрушки,
надеясь, что мать починит игрушку.

Репатриант обижен и разорен, он — это дитя.
Эта история нам знакома, злобные взгляды,
плакат
в ресторане гласит: СОБАКАМ И ФИЛИППИНЦАМ
ВХОД ЗАПРЕЩЕН,
и предупреждение: БЕРЕГИСЬ ФИЛИППИНЦА-
КАРМАННИКА;
одиночество, презрение женщин.

Что добавишь, репатриант? Америка — страна чудес.
О дитя, надеющееся, что мать починит игрушку.

Эмигрант рассуждает так: если приветствовать
старшего
белого брата, взявшего золото наших холмов,
несомненно,
маленький темный брат не рассердит его,
подбирая листья латука
с его полей.

Прибыл шанхайский иммигрант: вот его новый дом.
Прибыл еврейский иммигрант: вот его новый дом.
Прибыл гонконгский иммигрант: вот его новый дом.

Филиппинцы, вы не сосунки.
Филиппинцы, вы дети молаве, спрашивайте,
удивляйтесь, обижайтесь;
дети молаве, надеющиеся, что мать склент
осколки игрушки.

VIII

Холсты Филиппин расцвели оттенками героизма;
Холсты Филиппин — не мазня, воспевающая дельцов,
политиков, сытую лень и юность, растраченную
даром.

Наши герои мумифицированы в книгах, чтоб дети
читали
и видели, какие чучела!

Мертвые наши герои разобраны по датам, чтобы
устраивать в их память публичные спектакли.
Что нам герои, если мы из колодцев их жизней
не зачерпнем воды для утоленья жажды?
Если родник их духа не станет источником веры
и силы для наших дней?
Где живые герои? И кто они?

Закройте книги, идемте туда, где ходят простые
невоспетые герои, братья и сестры, встающие
на призыв жизни.

Нет, боги живут не только в газетах и книгах;
пресса
не вводит их в человеческие интересы.
Газеты дают портрет Мисс Сошиал Сателит, она
срывает маслины пальцами в гроздьях алых
ногтей.

Газеты пишут о том, как Мистер Сошиал Сервис
содействует бегству в город Всяческих Благ.
Они интересны миру, ведь они — большой бизнес,
захлестнувший
страницы для поклоненья доверчивых.

Однажды некий проныра издатель захочет зримыми
сделать возможности бизнеса для смиренных
людей
и решит вдохновить и возвысить людей
фотоснимком
хлебопашца в поле, закусывающего помидором
и рисом;
рыбака, волокущего сеть;
полицейского на перекрестке;
учителя с планом уроков;
врача и сестру, что не спрашивают больных
о расе и вере;
клерка на фундаменте цифр;
рабочих по пояс в грязи;
шахтеров с золотыми пятнами в легких,—
да, живые герои отстрижены,
брошены в урну, на свалку.

Только мне кажется, что страницы таких номеров
будут
похожи на цирковой балаган;
в самом деле, забавное зрелище.

IX

С побережий, из нищих сел, городских трущоб,
знойных пустынь
они идут;
Из глубоких провалов тьмы, ослепленные светом
правительства, идут.

Ты, в чьих руках правление,
Мы спрашиваем тебя:
«Чисты ли твои руки для священного дела?»
Свети же ярко, правительство; ты — дорога
Из пустыни засохших законов.

Из рудничных нор, с фабрик, из школ, контор
и клоак
идут;
Из наркотических ям, с дикой мечтой и вихрями
злобы в глазах, всплывают;
В приливах света и тьмы храбро встают на бой:

Ты зерна страха сеял в наши сердца.
Мы больше не станем слушать тебя.
Мы больше не верим звону пустых обещаний.
С трибуны и кафедры кричи сколько хочешь,
до хрипоты:
Мол, юноша должен, взрослея, терпеть
как молаве;
Да, как молаве.

Х

«Виновен!» — поправив очки, говорит судья
человеку, который присвоил
унцию золота.

«День добрый», — снимая очки, говорит судья
с улыбкой тому, кто прикарманил
тонны золота.

ХІ

Что вам с ваших баллад, поэты?
Мне прекрасно известна драма двойной борьбы
с богатствами духа
и голодом тела,
все же — поете.

О чем вы поете?

Способны ли вы поднять голодных мечтателей
против
того, что сокровища ваши — в немногих руках
чужаков?
Вы обвиняете знаменем, реющим в ваших поэмах.
И в Пампанге машут флажками,
но они не поэты.

Зарычат ли они от ваших поэм плоти?
Или забыли, что плоть — излюбленный храм души,
и петь
о плоти — значит воспеть душу?
Может быть знают, но они не поэты.

Покраснееешь ли ты, наполняя поэму надеждой
и верой и трепетно опуская поэму к ногам
любимой?

Не смутят ли тебя первые ритмы поэмы, которая
станет воплощением света? скоро

Почувствуешь ли благословенную встречу
после страшного столкновения с вечностью
поэмы с душой?

Уверен ли ты, что завтра будет работа,
деньги, гарантия
маленькой пенсии, и, наконец,
не откупятся ли
от тебя молчанием?

Если завтра предложат тебе все под небом и все
над землей
за единственную поэму,— совершишь ли ты эту
сделку?

И решишься ли ты, покинув дом и любимых, навек
посвятить
мечты земле и ее высочайшей морали?

Когда ты осязаешь предмет, видишь пейзаж,
ощущаешь
каждый пульс и дыханье, слышишь каждый звук
и беззвучье,
рождает ли это в тебе боль и радость,
и песнь,
и звучанье поэмы; — или все это гаснет
в молчанье?

Слышишь ли ты ритмы прекрасной поэмы, идущей
вдаль от тебя?

Станет ли это огромным кристаллом дыханий, символом
веры, великолепным портретом шагающей вдаль
Земли,

Я вижу в нем огромный запас энергии, его великие
пророчества близки к свершению;
В нем мускулатура тысячелетий, священные силы,
излитые
в сооружение зданий нерукотворных,
не из камня и стали;
Поэт, художник, философ, скрипач — все люди
искусства,
ваше время всегда и вечно!
Ваше место везде и всюду!
Вы — прогресс и возрождение духа!
Вы — священный огонь свечи,
преумноженный нацией!
Вы — стремительность становления человеческой
личности.
Силы, как молаве.

XIII

Здание — это веха прогресса.
Положен последний камень, завершен последний
болт.
Доволен босс, инженеры и архитектор сияют.
Рукопожатия. Речи. Благодарственный адрес.
Яркий плакат: — СООРУЖЕНИЕ ЭРЫ. 1940.

Кто напишет историю здания?
Повесть от первого камня до церемоний
открытия?
Кто взглянет на людей, с их бессменной
заботой о хлебе?

Кто перескажет драму землекопов, коперов,
плотников, каменщиков и маляров?
Кто исследует их побуждения?
Кто объяснит язык тысяч интерпретаций?
Правительство строит для прогресса.
Капиталист — для умножения доходов.
Архитектор — для преуспевания.
Инженер — для удачной карьеры.
Некий святой строит во славу Бога.
Для чего же строит рабочий?

До христианства в моде был хлыст.
И в христианском мире есть хлыст,
но не из кожи.

XIV

Народные массы считают:
битые, сбитые с толку рутиной,
бескрылы в бессмысленном бегстве,
не веря в крыло подсознания:
потеряно все, все, все.
А как считают эти поэты, артисты,
философы в неизвестной людской дороге, — люди
лишь капли? Нет, я думаю — океан;
и во вздувшихся водах человеческой веры
найдено, найдено.

XV

Из запутанных нитей многоцветных мечтаний страны
сплетаются загадочные узоры и шифры;
На границе вечно бегущих песков колышется плоть,
вопрошая безгласно;
Город слепит небо огнями; мы выходим из темных
щелей;
на лицах у нас ожидание таинств почного
обряда,
мы готовы к полету.

Продайте крылья! Десять центов — пара.
Оркестр взрывается, и в этом есть полет.
Продайте крылья! Двести центов — пара.
Что ты сказал? А ну-ка повтори.
Продайте! Десять долларов за пару.
Здоровых крыльев. Нужен экстра-класс.
Плачу пятнадцать долларов. Плюс пиво.
Когда же мне дадут примерить крылья?
Продайте крылья! Всем имущим крылья.

На кухнях свет. Приходит час молитв.
Радиолай. Мадрид, Тунис, Пекин,
Париж, Оттава, Гамбург. Время пива.

Проситель плачь — Вступайте в Красный Крест.
Погода ясная, но временами дождь
И грозы. Перечень новинок и цен.
Продайте крылья! Всем имущим крылья.

В церкви Кьяпо от заката до утренних звезд
что ни пятница — богослуженье.
Молаве Христос, дай мне крылья.
Прости мне мои грехи, как я не прощаю другим.
Дай мне сегодня чуть больше, чем хлеб.
Пусть муж, как Святой Иосиф, будет верен и чист.
Дай, если можно, дитя — дочь или сына.
Дай мне подняться, и я поставлю тебе свечу.
Прости мне мои грехи, без коих я стала бы нищей.
Черный Назарей, дай мне крылья.

И в Антиполо, что ни май — большая служба перед
праздником танцев и флирта.
Мать Святая, пусть он танцует со мной.
Мать Святая, я буду тебе благодарна.
Мать Святая, я не достойна главного приза.
Мать Святая, хватит и малого приза,
и я оплачу.

Мать Святая, дай мне хорошего мужа.
Мать Святая, чем больше мне благ, тем больше —
тебе свечей.

Мать Святая, дай мне крылья.

Взлетает вверх дирижерская палочка.

Д а й т е н а м к р ы л ь я .

Электричка кренится в ночь.

Д а й т е н а м к р ы л ь я .

Автобус и кэб набирают скорость.

Д а й т е н а м к р ы л ь я .

Все это — моя родная страна.

Д а й т е н а м к р ы л ь я .

На пороге очарования стоят молодые
и смотрят:

Где же ваш неизменный список?

Где недоступная высота?

Разве крылья нужны для одних лишь вершин?
Крылья нужны для глубин и падений.

Крылья, крылья, крылья всем имущим;
А кто продаст крылья для нищих?

XVI

Для нищего простейшая психология:
Скорее верблюд пролезет в игольное ушко.
Для нищего громкое слово:
Соотечественник, близок твой день.
Для нищего — неуловимость пенса.

Для нищего высшая психология:
Вам обещана земля Хаанаан.
Ты можешь ее заселить.
Следуй за мной.
Когда дети не слишком шалят, они получают конфету.

XVII

Пусть летят и грохочут слова.
Пусть века вычисляют вращаясь.

Математический факт изрекает:
Филиппины минус Испания плюс США будет МОЛАВЕ.

Кто подберет ключи к филиппинскому шифру?
Кто разберет хитросплетения формул?
Кто одолеет джунгли и горные кручи?
Кто разыщет молаве, не знающих смерти?

XVIII

Взойди на мост любой реки, смотри же!
Кругом ряды молаве непреклонных.

Да, вновь молаве путь во тьму штурмуют!
Семь тысяч на крови мостов возводят!

Сажает Багумбаян * последнее зерно,
И первый всход лелеет Балинтавак **.
Молаве и в могиле не знают поражения.
Молаве ввысь стремятся, сметая все преграды.
Слово Испании.
Слово Америке.

ХІХ

Еще, Рисаль, не время.
Но близок час победный.
Из тишины безмолвной
Мы, распахнув семь тысяч дверей молчанья,
Появимся и скажем: МЫ — ФИЛИППИНЦЫ.
Не будем впредь стыдиться.

Не время спать.
Еще мечта не высечена в скалах.
Хоть крепок ствол, удары крепче вдвое.
Молаве завтра встанут.
И мы воздвигнем памятник молаве.
Ступают Боги смуглые на землю.

* Багумбаян или Багумбаянское поле в манильском парке Рисаль, где 30 декабря 1896 г. был расстрелян испанцами национальный герой Филиппин Хосе Рисаль.

** Балинтавак — город на о. Лусон, в котором впервые был провозглашен призыв к восстанию, ознаменовавшему начало революции 1898 гг.

ЧЕТВЕРТОЕ ИЮЛЯ 1946 *

(Не для книг)

1

Есть дата для всех островов
каждый живет замкнувшись в себе
Человек — мир

И если Рисаль мы остались одни
лучше быть сворой
И быть псами

Визг шальных обезьян
фейерверк из миллионов песо
и лай собак

Треши верещи дурная башка
каменный сон и завтрашний памятник

(Мой отец не из рода ли птиц
тайна жизни проста когда
гавкают псы
промолчи)

Время птиц размеренно точно
как для пива еды
и Христа

2

Темнота опускается в души людей
Лишь вторгнется разум в комочек сердца

Только лед рассудка неоскверненным огнем
Проникнет в спектр расщепит радугу

А истина сердца всего леденец
В красно-сине-белой обертке Июльской Даты

* 4 июля 1946 г. — день провозглашения независимости страны, основания Филиппинской Республики.

Нищему крохи хлеба собаке кость
А согражданам распрекрасную речь

(Микрофонный комок в горле
И сиянье слезы на солнце)

«Наши Прадеды Мечтали» (вздых)
«О Алтарь Батаана» (всхлип)
«О Америка Милый Друг» (пять слез)
«Бастион Демократии» (воплъ)
«Свобода» (вспышки магния в дикторской ложе)

Благослови поцелуй Иуды
И Пилат умывающий руки

3

Здесь в тени трех знамен под сенью
 постамент
 спит Рисаль
Первый пришел и воспел душу
 три свечи возле ложа
 и хлыст

Второй обработал кожу
 Христа это восточная фи́га
 на нос

Третий сварил компот
 добавив к освобожденной душе
 850 000 тонн сахара

Если завтра небо с землей
 и сердца смешать с манго
 найдется ль купец(?)

Выбрать можно только раз
 Бог, борьба иль пиво —
 три безумства

Оскар де Суньи

ПЕСНЬ ЛЮБВИ

На темных ее губах —
Стихи рассвета
Звоном свадебных колокольчиков.

Солнце своим пламенем
Обожгло белизну груди.

На черных ее губах —
Песня сумерек
Печалью вечерних колоколов.

На остывших ее губах —
Молчание,
Витающее над прахом.

СТИХИ ЛЮБВИ

I. КАМОРКА С АПРЕЛЬСКИМ ДОЖДЕМ

Я был твоим возлюбленным, жильцом твоей каморки,
Чьи стены пожелтевшие других жильцов видали,
Их сны над нами в сумерках кружились и витали,
А ты вином казалась мне — волнующим и терпким.

Теперь переменялась ты, теперь не та, что прежде;
А все я не забуду без отдыха и сна
Танцующее тело — тебя и дождь апрельский,
Над нашею каморкой шумевший допоздна.

II. ВОСПОМИНАНИЯ

Чужие, мы войдем с тобой в каморку,
Дарившую спасенье и приют:
Здесь был диван, стояло кресло тут;
Но будет нам, как на могиле, горько.

Не надо слов; малейший звук спугнет
Таинственную плоть воспоминаний:
Мерцанье лампы, тени на диване,
Ночную тьму и утро без забот.

Но ненавистью дышит все вокруг!
Воспоминаний наших кинолента
Прокрутится без аккомпанемента
Любви — лишь лязг замков да сердца стук.

III. КРАСНАЯ РОЗА

Все кончено, отставка; только сплетни
Летят вдогонку милостью последней.

А ты свое танцующее тело
Уносишь в одиночества пределы.

Из счастья, из любви — святого чуда —
Ты изгнана отныне отовсюду.

Окружена безжизненной тьмою,
Напоминаешь нечто неживое.

Ведь колокольчик свадебный апреля
Умолк, и наши клятвы отзвенели.

Все кончено, все в прошлом. — Вперед
Лишь незнакомец с розой на груди.

IV. КЛАДБИЩЕ

Лишь когда апрельская фиалка из твоих рук
И твои медовые уста превратятся в прах,
Любовь моя вернется. Лишь тогда, мой друг,
Лишь когда приблизится смерть с цветком в зубах.

Ненависть моя — разбитые мечты,
Безлунною ночью блуждающие во мраке.
Ненависть моя — это ты,
Твои поцелуи горькие, как маки.

Ненависть моя — это рыба чешуя
Лунного света, мерцающая на гробнице.
Кладбище сорной травой забытья
Позаросло. (Это я — убийца.)

МОСТ

А вот и мост. Любимая, прощай.
Не в силах спутник твой помочь тебе;
Здесь встретишь ты его, того, кто обещал
И жизнь, и счастье, и любовь твоей судьбе.

Я знаю, солнце плоть твою покинуло давно:
Ведь поздно наградил тебя он возвращеньем.
Но ты ему нужна, иди, а мне уж все одно;
Мой день померк; он растворился в мраке, в сновиденье.

Ушла любовь и сквозь пролет моста
Я вижу: тело гибкое дрожит в мужских объятьях.
И страх объял меня. И снова пустота уводит в никуда;
И боль мою, как кровь, застывшую
на острие копья.
Не в силах передать я.

ТВОЕ ЛЕТО

Только и помню единственный день без тебя!
Смерть проникнет в вино.
Смерть и на вкус и на запах.
Веки твои смежены.
Одиночество, только оно
Может спасти — вот я бьюсь
У предательства черного в лапах.

День без тебя, не забуду я день без тебя!
Криком беззвучным
По улицам длинным я крался.
Криком беззвучным врывался я в винные погреба.
Крик мой беззвучный
Средь женщин продажных
Терялся.

День — лишь с тобой, лишь с тобою одной, я пою!
Косы твои, под апрельским промокшие ливнем.
Наша любовь!
Мы с тобой пребывали в раю,
Как и положено двум безрассудно счастливым.

День без тебя, этот день наступил навсегда!
Лето твое на губах моих горьких увяло.
Ты — как письмо, не отправленное никуда,
Или как то, что в руины Сент-Джона попало.

В пьяном угаре клещами щемит пустота,
Сердце болит, и отчаяньем сдавлено горло;
Женщину помню — она, повстречавши Христа,
Лик его бледный холстиною грубой утерла.

ТРУП

Слишком поздно, любимая.
День — разбитое зеркало,
Отразившее час потери.
Как резко затормозил поезд,
Достигнув станции слез и сумерек!

Маятник часов качнулся в сторону,
Минуты близости стали прахом,
А мы и не знали, мы застыли лицом к лицу.
Как два трупа, и не вымолвили ни слова.

Еще вчера мы были вдвоем
В зеленой хижине на берегу моря:
Любя друг друга, и не думая о других,
И забывая обо всем на свете.

Но утром, пока я еще спал,
Незванный гость явился без стука
В наш дом. И вы тотчас же
Ушли вдвоем и заперли дверь снаружи.

Слишком поздно, любимая, собирать осколки,
Твое предательство слишком памятно,
Но не забыть и тебя, счастливую,
Рядом со мной — наше счастье.

Слишком поздно; гудок паровоза
Зовет меня из тишины сумерек.
Но когда, уходя, я обернулся назад,
Я увидел лишь труп, уже начинавший разлагаться.

ДОЖДЬ И ВЕТЕР

Когда возвращаются дождь и ветер,
Пронося твое мертвое имя над морем,
Солнце застят черные валуны
И, как ракушки, налипают на них воспоминания.

Дождь в сердце моем,
Холодный, как могильная плита в сумерках,
И некуда бежать от мыслей
О хмуром утре, когда умерла роза.

Дождь и ветер уходят,
Вдалеке замирает вопль теней,
И вот я выкликаю твое нежное имя,
Чистое, как колокольчики в безоблачном небе.

ВОСКРЕСЕНИЕ

Я ждал, блуждая в саду,
Когда воскреснет фиалка;
Я ждал, я томился, я ждал.

Черные птицы, кружа,
Видели, как я рвал
Чертополох с могилы.

Птицы помнят ее живой,
Ее смерть застыла
В жилах темного сада.

С терпением паука
Ждал я, во все глаза
Глядел, не начнут ли камни

Трещать... И воскресным утром
Фиалка с запахом розы
Из-под могильного камня

Восстала... Цветок сорвал я
В смятенье и нежной кровью
Цветка написал поэму.

Я И ВЕТЕР

Словно огромные руки,
 тянутся длинные тени.
И приближается холод, и надвигается ночь.
Краски голодного года,
 краски истлевшего города
Вдруг засветились цветами
 в атомном свете звезд.
Небо болезненно-желтое стало вдруг
 просто зонтиком:
Изрешеченным зонтиком
 с множеством круглых пор.
Улицы вдруг опустели, будто земля от холода
Души похорошила в прахе
 рухнувших гор.
Солнце прячется в небе,
 и растворяются грани;
Ночь вторгается в трещины,
 в вечный земли покой;
В волнах морского прилива
 плавает мертвечина,
Плавают, словно живая, уже погибшая плоть.

ЗАСУШЛИВЫЙ ГОД

Под небом, затянутым пятнами крови,
В глубоких канавах черствеет кость;
И падает навзничь снова и снова
В объятия смерти живая плоть.

И голод, расставив костлявые руки,
Хозяином движется по земле.
И падают, падают черви, как дуги,
И смерть приближается ко мне.

И саранча обглодает зерна —
Зелень и золото пахнувших трав.
Яблоко станет опять раздором;
Все на земле превратится в прах.

КЛАДБИЩЕ

Я полюблю тебя, когда в апреле
расцветут фиалки.
Я полюблю тебя, когда увижу
пальцев твоих дрожь.
И твой язык вдруг станет белым прахом,
И смерть с листвою зеленою в мой дом войдет,
я полюблю тебя.
И ненависть моя — предсмертная мечта поэта;
Ей красться суждено сквозь тень
в безлунни домов.
Ей красться суждено и таять постепенно:
Так поцелуй наложницы прекрасной
растает наконец
оставив маков след.
Я заколю тебя среди чарующего полнолуния,
И задыхающихся трав, и кладбища соленых стен.
Я заколю тебя не острием холодного оружия,
А рыбьей позвоночной чешуей вместо копья;
Я заколю тебя.

Тринидад Тарроса-Субидо

ЖАЛОБЫ

I

Влюбленно звезды в океан летят,
Надеясь в глубине его найти
Увиденные сверху небеса.
Они, сгорая, гаснут на пути.

А мой любимый — рядом, на траве
Робеет и молчит — какой позор! —
Бонится раскаленных губ моих,
Вздыхает, как дитя, потупя взор.

II

О, как ты непонятна мне, луна,
Когда тебя целуют облака,
В глазах мужчин, что смотрят на меня,
Ты целомудренна и высока.

А я для них порочна и грешна
Лишь потому, что здесь — в тени ветвей,
Край тени милого коснулся как-то раз
Невольню тени трепетной моей!

ПОЗАБЫТОЕ СВИДАНИЕ

1

С природой вместе я любви ждала.
Ждал аромата сумеречный час,
Цветы — росы, луны — ночная мгла.
Сама любовь заморозила нас.
Но просыпались медленно цветы,
Взошла луна, лобзая небосклон,
От счастья улыбаясь с высоты
Всем росам, всем цветам. Мир погружен
В блаженный сон предутренних часов,
Когда не слышно птичьих голосов.
Рассветный час я встретила одна,
Он мне во тьме дорожку освещал
И радость неземную обещал.

2

Лишь стебли трав касались ног моих,
В глазах стоял все тот же полумрак.
Устала я. Но сердце за двоих
С надеждой билось и любой пустяк
Напоминал отраду губ и рук,
И пело сердце птицею в груди:
Я жду тебя всю ночь! Приди, мой друг!
В рассветной мгле, в безмолвии, среди
Блаженства трав, среди густых ветвей.
Но нет тебя! Светает. Первый луч
Лишь горечь отыскал в душе моей.
Зачем он пробивался из-за туч?
К чему мне смех листвы и утра свет?!
Обманута! Надежды в сердце нет!

СОПЕРНИЦЕ

Тебя я ненавидела за каждый
Счастливый миг! Твой смех был страшен мне.
Ты веселилась — я томила жаждой,
Был твой рассвет дождем в моем окне,
В росе угаснет светлая улыбка
Цветов, иссякнет влага в роднике,
И это солнце светит слишком зыбко:
Смотри — гроза уже не遠деке!
Его любовь и для меня сняла,
Но умерла. Так будет и с тобой —
Тебя сразит его любовь к другой,
И та же боль! — Как я вас проклинала!
Прости, я ненавидела тебя,
Но жаль мне, что увянешь ты, любя!

СОНЕТ САДОВНИКУ

Прохлада ночи в комнате моей.
Окно завесил дикий виноград.
Доносится любовный вздох ветвей —
Меня из мрака окликает сад.
Мерцанье звезд далеких мне милей
Свечей алтарных, а в густом саду
Дыханье роз и белизна лилей.
Меня зовут! Любовь моя, иду!
К чему мне все: алтарь, молитвы, храм?
Свой фимиам я воскурю тебе,
Язычницей паду к твоим ногам!
Но не язычник, а счастливец тот,
Кого любовь на свой алтарь ведет!

Эдит Л. Тьемпо

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Если б ожили годы, побежали бы вспять.
Все бы было иначе:
Не так, как случится теперь.
И когда бы настала вот эта минута опять,
он решительным жестом сумел бы открыть эту дверь.
И приятели жадно к нему б потянулись, а он
им поведал надменно бы
десять своих одиссей:
рассказал бы, как был он песками пустынь занесен,
как прошел он чистилище яро штормящих морей.
И была бы их зависть горька, как в их чашках — лимон!
Кость удачи своей свысока бы им бросил — как псам!
И он был бы навеки в их памяти запечатлен.
Стала б притчей судьба его. Стал бы легендой он сам.
Вспоминая о прожитом, вспомнил бы детство и луг...
И качели... И змлю, на взлете ушедшую вниз...
Как ничтожна она показалась тогда ему вдруг!
Как он гордо мальчишкой над нею в полете повис!
Разве эту вселенную стоило завоевать?
На качелях удачи становится ль ближе звезда?
Жизнь как кресло-качалка — качнувшееся и опять
ни на йоту не сдвинувшись, замершее навсегда...
Нет, не надо,
не надо ему возвращаться назад!
Что бы с ним ни случилось, останется все, как теперь...
Можно все изменить. Не изменится лишь результат.
Он решительным жестом
и так распахнет эту дверь

ЛОМАНАЯ ЛИНИЯ

1

Он плакал в полутьме за зыбкою оградой...
И в полусне вдруг закричал, воскрес
протест в кольце чужих и замкнутых небес,
в клубке ночей зменных, жалящих прохладой.
Прищуры звезд и их озноб его с ума свели,
одна, безумная, зрачком к окну припала.
Внезапный стук колес — тележка вся в пыли.
И он — за ней, видением ведомый...
Зарывшись в теплый сон, как в одеяла.
Трава течет, уносит вдаль от дома.

2

Сначала песнь дождя и простынь белизна.
Затем черна, как уголь, и мертва
та комната. Раскосая листва
зеленой пальмы онемела у окна.
Стекают капли дождевые на паркет,
и с чешуи ствола, мерцая, виснут,
а в них сиянье молний, песни, свет.
Сырая ночь зовет на синеву стекла.
Здесь ветер в скорлупу квартиры втиснут,
а пальма кровью ливня истекла.

3

Он ждет. Она молчит. И эта тишина
пронизана беззвучными речами.
Рассвет и сумрак — за его плечами.
Она полна и опустошена.
Ей лишь знакомы всхлипы волн и ветра стоны,
когда слова заглушены, а паузы — болтливы.
Однажды стаи птиц посыпались на склоны
зеленого холма, как град камней.
И, заглушая в перьях песен переливы,
глotalи жадно мошек и червей.

Беззубый рот усмешкой искривлен.
А пальцы легкие колдуют над *узором*,
над тайнописью знаков, заговором
штрихов и черточек. Гармонии *закон*
неумолим, и сух ее язык: квадрат
квадратен и пряма прямая,
овал овален, угол угловат.
Рисунок — нем, бескровен, как чертеж.
Но форма вдруг забрезжит, оживая,
когда ее охватит жизни дрожь!

ПОХОРОННАЯ ПЕСНЯ

Ты помнишь зоосад? И павлина в клетке..
В глазах угрюмых — человечья грусть.
«Возьмись за прутья, — ты сказал мне. — Пусть
он думает, что ты его соседка —
такая же мартышка!» И затем
расхохотался странности сравненья.
Расхохотался, чтоб через мгновенье
забыть об этом случае совсем.

Но я запомнила его... Не оттого ли,
хитрец, он избежал непониманья нашего и боли.
что на вопрос он знал уже ответ.
Когда я просыпаюсь утром ранним,
в твоём лице порой его ловлю я след,
к тебе тянусь, но только руки о решётку раню.

РЫБОЛОВ

Он выбирает сеть. Его лицо
плывет в воде над чешуиным блеском.
Как жадно дышат жабры! Рыбы с плеском
взвиваются серебряным кольцом.
Мальчишкой он знавал один ручей
с ручною рыбой в солнечном луче.
Опустишь руку — подплывает вмиг,
щекочется доверчивый плавник...
Теперь же он мужчина. Чешую
он заживо сдирает, отпуская
бедняжку снова в чистую струю.
И мечется израненно-нагая
она в потоке... Он закидывает сеть.
Он вновь — охотник, зверя стерегущий.
Он вновь в засаде. Если бы суметь
содрать личину со всего, что суше!

Пусть раковина створки отворит,
вдруг самокатный жемчуг в ней сокрыт!

БИБЛИОФИЛ

Позволь мне постоять над чистой гладью мысли...
И с белым светом, в суете вращения,
прямым проникнуть взглядом в текущие глубины.
Что может дать притихшая вода —
дыханье тишины, биенье пульса, вечность.
Возможно, дерзкая, бродящая душа
движение вод смятением ускоряет.
И некий дух, обогащенный болью
и памятью угасших лет,
призыва ждет из хлокота и гула
толпы забывчивых невежд.
Позволь мне постоять...
И пусть потухшие глаза прольют звучащий блеск,
когда в томящей радости познания
мысль встретит мысль.
Два родственных ума отметят этот час
среди бесчисленных мгновений мира.

ВНАЧАЛЕ

Сегодня мы в школу с тобою по улице шли,
Ты взял мои книги и быстро коснулся руки,
На плечи мои только беглые взгляды легли.
Минуты расплылись кругами по глади реки.
И плыли секунды — разбухнувшие пузыри.
А пауза длилась и это мгновение иглой заостряла.
И ты потянулся ко мне. Но какая-то горечь внутри.
а может быть, гордость понять мне тебя помешала.

О ком-то судить по словам — ошибиться.
Я в детстве людей узнавала по лицам.
Но жизнь становилась сложнее. Двуличьем
предстали намеренья, мысли, дела.
И тучи проносятся с гомоном птичьим,
и мир уместился на черной ладони стола.

Никомедес Хоакин

НЕГАЛАНТНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ

Пришли туда, где, умирая, пел ручей,
и ты над ним склонилась в облаках волос,
рассыпавшихся, темных, словно их принес
залетный ветер, и в ручье, среди ветвей,
кустарников, которыми ручей порос,
я ждал тебя увидеть, но к земле прирос,
увидев в зеркале ручья Медузы лик.

Пришли туда, где дремлет озерцо, и там,
среди трав высоких мы упали и, смеясь,
я целовал тебя, хотел к груди припасть,
мешали пряди черные моим губам,
меня топила в волосах слепая страсть,
как вдруг (но слишком поздно) ощутил я связь
с видением — о, ужас, губы Персефоны.

ЧИСТОТА СОЛОМОНА

Открой глаза, о Савская царица!
Павлины богохульствуют гнусаво
И обезьянами загажен храм.
Беру тебя перед престолом славы,
Где прежде воскурял я фимиами.
Прильнув к устам царицы величавой,
Я мну их, с силою прижав к устам,
Пьян мудростью нагого тела.

Но мудрость не насытишь никогда.
А плоть, созрев, падет в конце концов.
Что получу, когда сотрут года
Златые груди в золотую пыль?

Дай по реке взойти к ее истоку,
Там, в чистых струях родниковых вод,
Что под корнями прячутся глубоко,
Мне силы омовение вернет.

В виденьях ранних душу мне омой,
Язык обретшую, прильни устами,
И горечь юности передо мной
Откроется, и обольюсь слезами.

Закрой глаза мне, Савская царица!
Ковчег из храма тащат обезьяны,
Павлины раздирают пополам
Покров священный, манну жрут, но ты
Блаженством умирающим обмана —
Объятием даешь мне причаститься.
И я уйду из мира суеты,
Сам опечатаю свою гробницу.

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ В ЗЕЛЕНЬ ОДЕТОЙ

Зеленый цвет: люблю тебя, Зеленый;
Жжет

Красный; Белый

бьет; кусает

Синева.

Морской ли змей иль ключ студеной,
Ты обнял плоть, и вновь она жива.

Льет Красный кровь, огонь; он атакует
и пожирает. Красный — ужас наш.
Он гибнет. (А Зеленый вновь взыскует
роскошных вод, где дремлют острова.)

Цвет Белый — это мудрость, божий бич.
Пучина мук, безумье без прикрас,
покров полдневный и пустыни клич.
(Незрелый плод, колодец обомшелый.)

Цвет Синий — мысль; черпильный цвет
времен на всем и смутная хандра,
холодная; в глазах хранится след
дорог, что позабыты навсегда.

Цвет Красный —

зрелость; Белый —

старость; Синий —

прах.

У этих чувств, хотя они в упадке,
рождается желанье на устах
вновь ощутить цвет девственный и юный!
От снов ночных внезапно пробужденье,
без одеял, когда рассвет на травах:
земля спокойна, чисто рек струенье,
и на мгновенье тишина окрест!

Воздвиг ли я из редких тех минут
свой храм? Поработал ли плоть
бездушную, чтоб слышать, как поют
и манят сладкогласные сирены...

Глубоко в джунглях, оградив себя
от радуги, я поселился в храме —
за ним ухаживали листья, теребя
тяжелые плоды гуав пахучих.

Мой мир был пущен посреди напева
огня, текущего кругом: ловлю
твой шепот райский, Королева,
Что властвует над цветом:

Цвет Зеленый,

Я тебя люблю!

ПОСЕЩЕНИЕ

Огонь внезапный на крылах —
Нежданно благодать сошла.
Оторопев, я вскрикнул: «Ах!»
Часть голубиногo тепла
Мне подарив, она ушла.

Она парила, чистый дух,
Как пламя белое иль птица,
И глаз моих, легка как пух,
Коснулась, шевельнув ресницы,
Назвал — и поспешила скрыться.

На крыльях голубя она
Сошла, уняв мои печали,
И так она была нежна,
Что с глаз моих завесы пали:
Любовь узнал в лазурной дали.

Пришла, исчезла — неба дар.
Огнем из-под смеженных век
Апостола палит, и, жар
Лишь ощутив, хвалой облек
Свои страданья человек.

То голубицей, благодать,
То пламенем представ пред нами,
Она вольна соединять
Любовь земную с тем, что сами
Зовем небесными дарами.

ГОДЫ

И этот, и тот, предшедший ему, и грядущий год,
И вчера, и дни до и после, и завтра — все далью
обзавесит — сейчас настырное прет

сопя — станет туманом и тайной — печалью
растраченной, безразличной к тому, что со днями
до и после смешивают вчера, скрытые далью —

станет туманом психоза — таинством с новостями
не о войне, о войне — зарок, тревогой, полетом
смертных на звездочке, груженной башмаками,—

разъявшей необозримые свет и темь,
пробороздившей небо высоким взлетом —
так понедельник будет, будильник в семь

и в грядущем году (и опять загрохочет цеп,
как в этом, том, прошедшем году) вызреет хлеб.

О СМЕРТЬ, ГОРДИСЫ

Гордись, о Смерть! Хотя Джон Донн гордиться
не велел,

Тобою Цезарь превращен в омлет,
И Одиссей в траву — вот наш удел.
Укропом на гряде пророс Плантагенет.
А тот, кто морем и землей владел,
Того мордастый повар положил в котел:
Могила — соус, сэндвич — саван дел
Людских, и жизнь — извечный путь на стол.
И вот отца покойного я съел,
Который в булке снова бытие обрел.

О Смерть, ты пищу делаешь из трупа,
Кто жив, тот ест, потом его едят.
Лег в Уре спать — проснулся в виде супа,
Лег Александром — завтра он салат.

ЗОВУТ МОИ ФЛЕИТЫ

Братьев зовут к столу моему
флейты мои, колокольный звон.
Такими талантами я наделен,
что их не продашь никому, —
бесплотны, как сказочный сон.

Время от времени пировать
в семейном кругу — отрада;
может быть, поцелуев мне надо,
чтобы губы сухие мои разжать
для капель вина и яда.

Перед Троицей видел я сон:
Пламя сожгло мою плоть дотла,
и кость, очищенная добела
от зла, любви, налета времен,
чиста, как невеста, была.

Кто бы сказал, что простой человек
прячет в себе чудесные клады?
Что мне теперь земные улады,
если дух мой от плотских нег
улетает в иные грады?

Хотя, домогаясь моих сокровищ,
время в поля мои сыплет ость.
меня не приучит времени злость
сжигать в кострах моих становищ
моей Индии слоновую кость.

Я сегодня женюсь, и к столу моему
флейты зовут, колокольный звон!
Талантами каждый мой брат наделен!
Время настало понять что к чему:
что — реально, что — сказочный сон?

ШЕСТЬ ЧАСОВ ПОПОЛУДНИ

Грамматик — утром, по ночам — поэт,
Печально я выстраиваю слоги,
Но после полдня я уже в дороге,
И башни из слоновой кости нет.
Качусь с людьми в автобусе вослед
Желаньям их, к их женщинам, тревоге.
Но где предел?

Мой сад и дом убоги,
И где моя тоска найдет ответ:
В Атлантике? Или у стен Китая?
Кондуктор! Может, выйти у Синая?
Меня ждет откровенье высших сфер:
Тоска по неизведанному краю.
Ее таю от тела, свет мне сер:
Рабочий — утром, ночью — флибустьер.

ОТЦЫ И СЫНОВЬЯ

В общении, которое из молчания даже
выковывало обиды, разговор был злом
наименьшим. Молчания были доспехами,
в доспехе дух отца, я к королю взываю,
но он был полковником, бряцал успехами,
покупал тебе статус в мелкой лавчонке,
им голову твою по старинке венчая.
Приличные юноши должны носить шляпу.

Та его часть, где сидел патриот и плохой
политик, умерла вместе с первой женой,
оставив ему впадину живота и усищи,
но при маме он их постриг. Будучи дельцом,
он продавался и покупался, юристом
не стал и умер. Генерал перед гробом шагал.
Все мерзли холодным декабрьским днем.
Детство на катафалке. Кому есть время
Резвиться, пока не становишься стариком.

Убивал, сражался и ел; тамтамы, костер
и салоны; пил с той поры, как первый
винодел был наследником оскоплен: остер
был серп у Зевса. Когда пожираешь отцов,
чтобы стать отцом, гаснет бунтарский взор,
и вот с высоты посмотрев однажды,
ты в зеркале увидишь наследников-наглецов,
собравшихся за тобой,— и без шляпы каждый.

ПО ПОВОДУ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Пророки, вооружась бумагой
(проклятие нам от богов),
с первосвященнической отвагой
клеят игрушечных пауков.

Иеремии в пинетках,
жрецы публичных святынь,
нас пичкают духом в облатках,
напоминая Мамаш-Гусынь.

Когда Джек-Великан-Потрошитель
Шлюху в любимой своей распознал,
не поможет пахарю вседержитель —
как прежде, бесплоден земной отвал.

Людям небезопасен Сион:
тот, кто прошел по его теснищам,
вернулся искать утешительный сон
к собственносущим глубинам.

Туда, где сыплется манна труха,—
по крохе на рассвете в пустыне,
целить больные свои потроха
на камнях родной твердыни.

Чувствам подыгрывает орган:
мы — это мысли оковы!
Пророкам форсировать Иордан,
Сион отыскивать новый.

А нам бы ослепнуть, отбросив спесь,
любви и злобы не видеть нигде бы;
отчаявшись, быть посмешищем здесь,
отчаявшись, быть посмешищем неба.

БАЛЛАДА

Быть может, все ошибкой было
Пора убытки подсчитать
И согласиться — не под силу
С такой страною совладать.
Нам лучше было не встречать
Островитян тем жарким летом.
Давно уже пора сказать:
«Давайте все вернем аэта»^{*}!

Казалось, солнце нам светило.
Мы их стреляли, как ворон.
Победы время извратило,
И нас вот-вот прогонят вон.
Земля горит. Кто мог бы знать?
Они нам не дадут совета.
Живем дрожа. Пора сказать:
«Давайте все вернем аэта!»

Веками тишина царила,
Долинам не мешали спать.
Ничто земли не пробудило,
Не нарушало мертвый сон.
Теперь на всем скорбей печать,
Но на вопросы нет ответа.
Мы погубили тишину,
«Давайте все вернем аэта!»

Друзья, не время ль удирать?
Собрать пожитки и при этом
«Паалам! Гуд бай! Адью!» — сказать
И возвратить страну аэта.

^{*} Аэта, эта или ита — название расселенных по большинству островов архипелага аборигенных племен, обитавших на Филиппинах еще до первых волн малайской миграции.

ПЕСНЯ МЕЖДУ ВОИНАМИ

Зачатые в ранах войны,
растут золотые дети,
несозревшие дочери и сыны —
павлинами на обезьянах
и свиньях, вскормленных на диете:
на жемчуге и бананах.

А мы, старики,— всего
только точка, штрих
в распаде земном, ни одного
дня, с которым простимся
глазами, закрыв их;
не закрываем — мы мух боимся.

Послевоенным банкротам
отдайте медные рудники,
в их чреве тесно банкнотам:
девочка эта, тот паренек —
золота ручейки,
а кости — тугой кошелек.

Ценит такую монету банкир:
стабильна, когда все прочие
падают, когда мир —
для мужей и жен передряга;
война же воочию —
знакомый бык-работяга.

Война — Минотавр,
а мы любого — этого, ту
несем под грохот литавр,
по дочери, по сынку —
нашу молодость, красоту,
воздаянье ему — Быку.

Им в лабиринте нашем идти,
разгадывая загадки,
распутывая кривые пути,
и уткнуться в последнюю дверь:
не убежать без оглядки,
а перед ними — Зверь!

ПЕЙЗАЖ БЕЗ ЛЮДЕЙ

Грядущес покрыто тьмой.
В нем, как во время неолита,
Все соберутся под землей
Разнообразнейшею свитой,
Чтобы хранить среди пещер
Век атома и высших сфер.

Желанье в глубину уйти
(бомбоубежища и норы)
растет, подземные пути
дотянутся до ада скоро,
и во владенья Персефоны
проникнет шумный человек.

И ангелы, лишась всех прав,
начнут убежища искать
внутри Земли, червями став,
и не устанут воздавать
хвалу владыке Сатане
за угол в черной глубине.

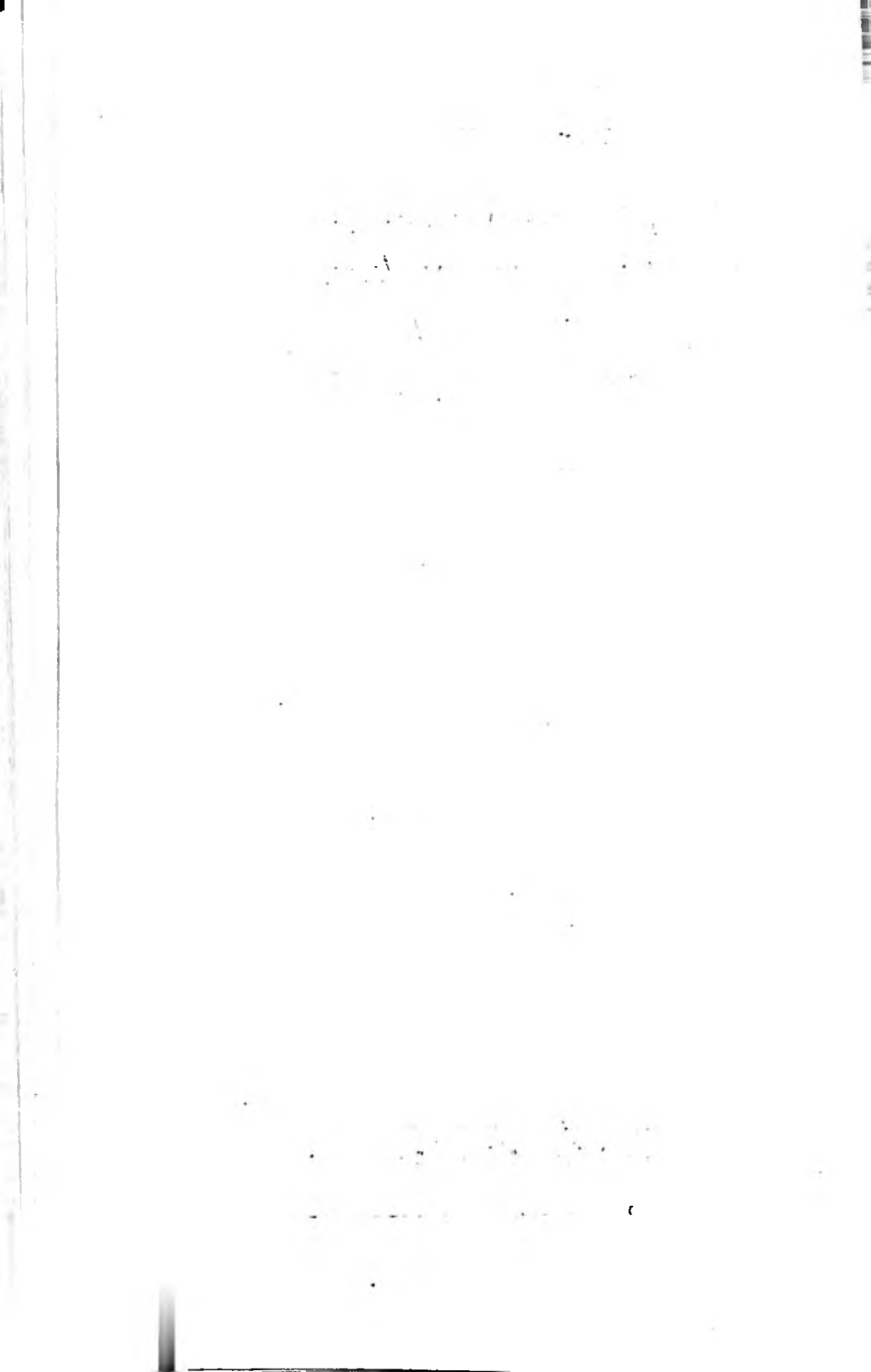
Стучится будущее в дверь,
грохочет ставнями, спешит,
а в ванной, на полу теперь
Законодатель Мод лежит,
сердясь на то, что жить не может
он, как амеба, на стекле.

И дипломаты спорят, спорят,
Готовит взрывы страх, и пламя
на миг осветит и ускорит
побег людей в их норы, ямы;
печально смотришь ты, твой взгляд
тоской предсмертною объят.

Окаменело сердце, ждет
шахтера, чтобы стать здоровым.
Пришел. Не слышит. Пусть грядет
Христос, пускай пронзит он словом
сердца, пусть их научит жить,
страдать, бороться и любить.

*Из испанской
филиппинской
поэзии*

Сесилио Апостол

СИЕСТА

Под навесом — прохлада, как ночью.
Льется сумрак из лиственных чаш.
Храм пастушеской любви... А короче —
На поляне укромный шалаш.

Батраки до сих пор еще в поле..
Щедро потом умыта стерня.
И по-прежнему, радуясь воле,
оглашает луга ребятя.

Но плывет над межою истома,
и попадал уже там и тут
в золотую перину соломы
разморенный работою люд.

Веки скленило дремою сладкой..
Солнце входит в полуденный раж.
Видишь — двое влюбленных укладкой
проскользнули в заветный шалаш.

Снова вспомнила эта поляна
самый древний, святой ритуал..
Пальма пела им вместо органа,
ветер клавиши перебирал.

Но священную тайну обряда
не дано постороннему знать.
Как под кущами райского сада,
нисходила на них благодать.

Им курили медвяные травы
мирру с ладаном и фимиам.
И июль смуглокожий по праву
целовался с жарой по стогам.

Гул органа наращивал силу,
и звенел в поднебесин зной,—
и цветочной поляны кадило
было в голову брагой хмельной.

Тише! Шорох в обители сонной...
То ли хрустнул сучок в шалаше?
То ли птица вспорхнула над кроной?
То ли ветер вздохнул в камыше?

.

Вот и вечер, и — полны истомы —
двое вышли в росу, на жнивье...
Золотистая нитка соломы —
ореолом в кудрях у нее.

РОДИНА

Не просто символ, оживленный в слове,
виденье в лихорадочных ночах,—
ты существуешь во плоти и крови,
и страждет плоть твоя, кровоточа.
Тебя мы видели в зените славы,
в миг торжества... Ты и теперь жива,
в час поражения так же величава.

Ты в нас живешь. И мы освободим
тебя из унижительного плена.
Мы только перед знаменем твоим
готовы преклонить свои колена.

Ты не умрешь. Предательские души,
которые тебя сегодня душат,
и те горят на медленном огне,
оставшись с совестью наедине.

О родина! Своих сынов любя,
веди нас за собой на поле брани!
И мы добудем волю для тебя,
великой даже в этот час страданья.

РИСАЛЮ

Проснись, Рисалы Герой, отчизне милый!
Восстань из черной пропасти могилы,
где ты вкушаешь вечной славы сон.
Ужель тебя любви народной пламя
не пробудит? Усыпанный цветами,
твой лик в сердцах людей запечатлен.

Заря восходит траурною датой.
О, павший смертью доблестной солдата
от рук тирана — без мольбы и слез!
Разбита драгоценнейшая чаша...
Но кровь твою земля впитала наша,
и ветер нам слова твои донес.

Мы все в долгу великом пред тобою.
Страх во врага и мужество в героя
вселяя, ты единственной звездой
нам озарял во мраке поле битвы.
К распятью смерти недругом прибитый,
ты свой народ повел в победный бой.

И отступали страхи и печали,
когда твою мы книгу открывали,
где гнев народа, праведен и лют,
кипел,— и слово мести погружало
в захватчика отравленное жало...
Где что ни строчка — то свистящий кнут.

В изгнание добровольном ты, быть может,
не верил даже, что твой труд поможет
освободить народ твой от оков...
Взгляни же ныне: в обновленной доле
за честь возлюбленной твоей невесты — воли —
сражаться до победы он готов.

Ты пал, как плод, когда настало время.
Ты в борозду могилы лег, как семя —
И вызрело в родной земле зерно!
Могучим древом поднялось святое Дело,
и крона звучная протяжно зазвенела,
и спят под ней твои друзья давно.

И ты, уйдя в подземную обитель,
спокойно спи, отчизны прародитель!
Ты одержал в неравной схватке верх
тем, что тебя испанцы не согнули...
Да, ты повержен вражескою пулей,
зато ты их империю поверг!

Рисалы! Рисалы! О имя из имен!
Пред ним замру я, преклоню колено...
И в мраморе, и в музыке нетленно
оно переживет потоп времен.

Хоть смерть его из нас исторгла стон,
но факелом речей его мгновенно
венок испанских лавров, словно сено,
был в битве подожжен и посрамлен!

Мы склеп его усыпем лепестками,
не постыдясь пролить слезу на камень:
священна всенародная печаль...

Нам тучи вновь пророчат непогоду...
Так защитим же и свою свободу,
чтоб не напрасно пал за нас Рисалы!

Хесус Бальмори

о

ВУЛКАН ТААЛЬ

Бог в пасть отверстую уснувшего вулкана
Свой звездный скипетр погрузил.
И содрогнулась плоть чудовища титана.
Он воплями окрестность огласил,
И кровью солнечной тьму озарила рана.

Тогда он стал искать цветы и нежных дев
Близ ложа своего, чтоб этой страшной ночью
Унять немного боль и утолить свой гнев,
Их раздирая в клочья.
Потом потоком слез
Излился обессиленный колосс.

Чтс довод слабых! — жалкому бессилью
Роптать на прихоть силы бесполезно.
Но если бы всегда вершины немы были,
Орлы не вили бы гнездо над самой бездной.
Цветы и дев слюною лавы
Залил титан, всегда во гневе правый.

Хохочет сатана багряным смехом или
Ревет от ярости, крушит живое, душит...
Но бог возьмет букет душистых лилий
И кратер им играючи потушит.

В ЦИРКЕ

Как Прометея вольная душа,
душа поэта не впадет в смирение.
И в предвкушение боя, не спеша,
я прохожу по цирковой арене.

Любимая отчизна, слез не лей,
не бойся, что колосс меня раздавит:
кровь, пролитая на алтарь идей,
себя Христовым подвигом восславит.

Нет, мне не страшен Цезарь. У меня
кровь мучеников и страдальцев в жилах.
Не удержать бичом и цепью дня,
остановить рассвет ничто не в силах.

Но я уверен — пред тобою, речь,
он склонит лоб, увенчанный короной;
пера не одолеет грозный меч,
и грудь моя — она сильнее трона.

Не плачь же обо мне, моя печаль,
не бойся за меня, моя кровинка,
когда сверкнет безжалостная сталь
в жестоком напряжении поединка.

Не знаю, одолею ли в борьбе
или сам паду я на песок кровавый...
Если паду — вся кровь моя тебе,
а верх возьму — тебе триумф и слава.

СОТВОРЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ

Райский сад расцветал красотою нездешней:
Розы нежили взгляд вечной свежестью вешней,
Распевали в зеленой листве соловьи,
Красовались деревья, павлины, фонтаны журчали;
Но творец был исполнен глубокой печали,
Не найдя в своем мире любви.

И тогда-то павлинов расцветченных краше,
Роз волшебных затмив благовонные чаши,
Даже солнце, поящее светом,— тогда
Из груди крепко спавшего мужа несмело
Первой женщины всплыло прекрасное тело,
Словно трепетный стон из гнезда.

От тебя, первой женщины, ответ ложится
Неземной и сегодня на женские лица,
От тебя жизни вкус и ее аромат;
Я бы ринулся в бой, в его скрежет и пламя,
Если б гибель мою осенил, точно знамя,
Твой печальный и любящий взгляд.

Только я не умру, не окончивши спора,
Не на жизнь, а на смерть, с кабальеро, который
Над щитом твоей славы занес свой клинок.
Если ж сам я паду под безжалостной шпагой,
У ступней твоих, где окровавленный лягу,
Расцветет моей раны цветок.

Как о чести твердить и достоинстве стану,
Если вдруг утрашусь, если драться устану
За огонь твоих уст и очей глубину.
В бой неравный пойду за тебя, не робея;
Наземь мельницей сброшенный, о Дульсинея,
О тебе, о тебе лишь вздохну!

Мануэль Бернабе

МУЖЧИНА

Господь, земле искавший властелина,
Адама счел венцом своих творений,
а Еву — только спутницей мужчины,
его подругой, неотступной тенью.

Да, женщина — цветок благословенный,
струящий аромат неизъяснимый...
Мужчина же — садовник, вскрывший вены,
чтоб кровью напоить цветок любимый.

Да, женщина прекрасна и надменна
и светозарна, как звезда ночная...
Мужчина же, заботами согбенный,
безропотен, в трудах изнемогая.

В превратностях судьбы и без причины
рыдание — оружие красавиц...
Но только закаляются мужчины,
к беде открытым сердцем прикасаясь.

Да, женщина — как лунное свечение!
Но солнце над долиною — мужчина.
Луна напоминает украшеньё,
а солнце — жизни всей первопричина.

Она — голубка — вся любовью дышит!
Он — грозный лев. Божественная доля!
Голубка — это гнездышко под крышей,
а лев — сраженьем купленная воля.

Она — души и сердца половодье.
Он — разум. Безошибочная сила.
Случается, что сердце нас подводит,
И только мысль еще не подводила.

Быть истинною женщиною — значит
быть добродетелью и быть надеждой,
быть утешеньем в черной неудаче
и родником любви кристально-нежной.

Быть ангелом домашним. Быть Джульеттой,
не пережившей с мужем разлученья,—
источником божественного света,
святой Марией: символом спасенья.

А быть мужчиной — значит с колыбели
прокладывать свой путь в бою жестоком
и непреклонно продвигаться к цели
наперекор предназначеньям рока.

И потом поливать скупую ниву,
и молот поднимать над наковальней,
и колдовать над колбой терпеливо,
чтобы пробиться к нераскрытой тайне.

Быть Гутенбергом, оказавшись вправе
считаться крестным мудрости и знания,
и Франклином, который луч заставил
трудиться, озаряя мирозданье.

И быть Колумбом, и в пути неблизком
быть самым первым и служить примером,—
и быть Хавьером, быть святым Франциском,
в заблудшие сердца вселяя веру.

И с посохом, и в рубище убогом
пройти свой путь до самого предела,—
и, встретив прокаженного в дороге,
согреть его, как сына, своим телом.

Подняться в небо, обретая крылья;
познать полета сладостную прелесть,

которую, отринув смерть, открыли
Гальярсас, и Лоригас, и Эстéвес.

И, сделав все, упасть судьбе в объятья,
уверенным в своем свершенном деле:
как Иисус, молчавший на распятье,
и как Рисаль, спокойный на расстреле.

Пока у нас с самим творцом — не меньше! —
и образ и подобие едины,
останется мечтою лучших женщин
прожить судьбу не женщины — мужчины.

* * *

Ну вот и все. Куда ясней?
Окончен труд. Его я ныне,
как полагается мужчине,
любимой посвящу своей...
Вот наказание, ей-же-ей!
Чтоб победить, мужчине надо
пройти сквозь все мученья ада,
он даже смерть принять готов:
затем лишь, чтоб в конце концов
досталась женщине награда.

МОИ БЕЛЫЙ ПЕТУХ

К заре любопытной шеей
он тянется в полумраке...
Какие крепкие ноги
у этого забияки!
А как на врага летит он
крылатым циклоном в драке!

Да есть ли ему соперник,
скажи-ка мне,
кум Хуанчо?
Порядком нагнал он страху
на всех петухов на ранчо.
Во сне он —
как белый ангел;
в бою — нечистая сила!
Ай, светятся перья, будто
зерно луны проглотил он!
Проснется — и высь рассвета
пронзает он криком снизу —
Как будто не птицам — солнцу
задиристо шлет он вызов.
Вот завтрак свой петушинный
клюет из моих ладоней
и с кличем бежит скорее
размяться на луг зеленый.
«Ты что ж ему режешь гребень?
Эй, парены! Вон кровь алеет!» —
«Иначе нельзя, хозяин.
Так в драке он будет злее».
Ай, звонко бренчат монеты!
Их скоро все до единой
пушу в оборот я с толком:
ведь завтра бой петушинный!
Как славно судьбу доверить
размаху собственной силы...
Ай, завтра бой петушинный...
Готовься, петух мой милый!

ПОДАЙТЕ, ХРИСТА РАДИ

Тоска мне сжимает сердце,
слезою глаза туманя,
когда старушка бормочет:
«Подайте на пропитанье!»

И в дождь, и на солнцепеке
не дрогнув, стоит упрямо.
И голос ее неслышный
слышной колоколен храма.

Бревном задавило мужа,
когда был еще он молод.
Сынок в колыбели помер...
Известное дело — голод.

На ярмарке деревенской,
где шумно люд веселится;
на паперти каждой церкви,
на каждом углу столицы

стоишь ты, моя старушка,
с протянутою рукою
и прячешь укор во взгляде
и сытости и покоем.

И всякий раз, как услышу
твой немощный, жалкий голос,
мне кажется, будто сердце
в моей груди расколосось.

А солнцу палить все так же,
и ливню все так же литься;
и ты на паперти каждой,
на каждом углу столицы

все так же бессменно будешь
стоять затаив дыханье:
на милостыню надеясь,
надеясь на подаянье.

Но люди проходят мимо...
И это ничуть не странно:
покинула землю милость
на крыльях аэроплана.

А впрочем, к тебе однажды
народ устремится все же.
И спросит: «Кто это умер?» —
у праздных зевак прохожий.

И с этого дня благого
Ни разу с мольбой во взгляде
Ты нам руки не протянешь:
«Подайте же, Христа ради!»

Наверное, Христос добрее,
чем все христиане, будет —
и щедро тебе воздаст он
за все, что отняли люди.

Фернандо Мария Герреро

МОЯ ОТЧИЗНА

Филиппины — птичьи гнезда,
разноцветные венки,
линии родной руки,
ворожба любви по звездам;
это мир, который создал
сумасшедший чародей;
Филиппины — мать людей,
голос вымерших титанов,
слышный в грохоте вулканов,
моря бурного предел.

Это светлая богиня,
чья оракулы в сердцах
исцеляют боль и страх,
предвещаая дни благие;
это те слова нагие,
чей пленительный полет
и в сердцах растопит лед;
это вековая пальма
небо трогает печально
и над нами слезы льет.

Спит богиня, спит невеста,
спит в воздушном гамаке,
обратив лицо к реке;
как река, текуча снаesta,
ветерки ее оркестра
отлетают; синий плащ

бережет ее; палящ
день, а ночь своею мглою
заморозит, и порою
родником вскипает плач.

На земле моей, смотри ты,
не родится хищный зверь,
не гнездится хитрый змей;
только голуби укрыты
меж соцветий сампагиты *.
Здесь гонимому дают
и защиту, и приют.
Здесь трава, песок, тропинка —
словно неба половинка,
опрокинутая в пруд.

На восходе, на Востоке,
в зачарованном саду,
на челе неся звезду,
окропив зарею щеки,
в океан плывет далекий
родина моя — но крив
путь волны, пронзает риф
тело, и пронзает очи
темнота малайской ночи,
стон страданья подарив.

Фея, милая отчизна,
вздох роняешь на волну,
взор склоняешь в глубину,
улыбаешься капризно;
ключьями тумана брызнув,
сквозь колышимый камыш
в горы алые спешишь
и благословляешь свыше
отсвет вечера, что дышит
на соломе бедных крыш.

Твои зори пламенеют,
как взорвавшийся рубин.

* Сампагита — филиппинский жасмин, цветок национальной символики.

Гурии твоих долин
в страсти, смуглыс, бледнеют;
если мир заледенеет,
их дыханье, как весна,
отогреет холод сна;
поцелуй — как теплый вечер,
взгляд беззлобен и доверчив,
как и ты, моя страна.

Ты, присевши к изголовью
раненой моей души,
боль надеждой заглуши.
Я же, истекая кровью,
вечной поклянусь любовью:
в горе ты — и я убит,
гредишь — мысль моя летит
в мир мечтаний, и не надо
класть цветы чужого сада
на могильный мой гранит.

ФЛАГ

Поток потемнеет, крутясь по камням
И злом обернется благо.
И все же надеждой согреют меня
Цвета моего флага.

Он бережно предками был мне вручен,
Он вышит священной иглою;
От грез и от горестей гордым мечом
Его защищали герои.

Я сжал его древко. Ни смерч и ни вихрь
С развернутым флагом не сладит.
Всевышний коней укротит огневых
И складки на ткани разгладит.

Мой флаг вырастает, как башня, из скал.
И в правое дело он верит.
Его поутру рассвет обласкал,
А вечером — буйный ветер.

Надежды, что тлели во мне, полыхнут,
Вдохнув его света и жара.
Чужим — это, может быть, старый лоскут,
Нам — пламя бесценного дара.

ПОСЛАНИЕ ФИЛИППИНАМ

Мадонна, о, малайская гирлянда,
Дрожащая в объятиях прибой!
Любовь моя и вздохи, плач и ~~вздохи~~,
и трепет моих песен — все с ~~тобою~~.

С твоих волос сошли морские ~~травы~~,
и с плеч опало рубище рабыни,
желанная возшла заря отрады,
как в шелк, оденься в волны голубые.

Сегодня ты — малайская сирена,
ты плакальщиц заводнись в хороводы,
и звездам ты поклонись смиренно,
и пропоешь бессмертные свободы.

А я... В стихах бродячего поэта
есть отсвет малый алого Востока,
Позволь ему промолвить имя это,
святая Дева, та, что так высоко.

Коснись губами век его печальных...
Но дремлешь ты в коралловой постели,
тебя ундины нежно укачали,
а джунгли колыбельную пропели.

Ты дремлешь, но под дремою, под почвой
клубится лава пламенных вулканов,
и пролетают в небе полуночном
хвостатые драконы ураганов.

Туман беловолосый повисает
в эфире зыбком высей невесомых
и резкая зарница потрясает,
как факел Аполлона в царстве сонных.

На голых скалах, где земля безлика,
где лишь орел-гордец гнездиться жаждет,
под ветром одинокая былинка
стенает, хрупкая, сражается, и страждет.

В долине пальма, вся в зеленых перьях,
пульсирует и соком набухает,

в густом лесу, во тьме, в кустах, в деревьях,
в сыром тумане звезды потухают.

Как лепестки неведомых растений,
приплывшие с дыханьем волн воздушных,
пушистых мотыльков кружатся тени
над ароматом сладостным и душным.

С вершины дикой водопад свергает
тяжелый шлейф камней, песка и пены,
и в каждой капле радуга сверкает
принцессою в зеркальном замке пленной.

Из девственно-холодной чаши неба,
где юная заря купает губы,
струится в мир возвышенная нега
влюбленных и возвышенных голубок.

Когда последний луч дневного света,
как в обмороке, в облаке сгорает,
выходят к морю нежные невесты
и раковины на песке собирают.

Они смуглы, как этот теплый вечер,
Загадочны, как водяные феи,
их очи — обещанье вечной встречи,
огнем небес их поцелуи веют.

Окутавшись волной волос лучистых,
они скользят через луга и нивы,
колышутся на девичьих ключицах
венки благоуханной сампагиты.

В лесном покое, под луною белой,
где ветерок ласкает листик малый,
в щемящие аккорды виуэлы
они вплетают чистые хоралы.

Земля моя, гирлянда, ожерелье,
блаженное в объятиях прибоя!
Моей любви была ты колыбелью —
будь смертным ложем для прощальной боли...

МАРИЯ-КЛАРА

Мечтательница, существо иное,
В глазах стоит нездешняя печаль,
Струятся кудри темною волною
На алебастр холодного плеча.

Душа тиха и, как дитя, невинна,
И, как дыханье первых роз, легка,
Как трепет роз, когда младая нимфа
Касается губами лепестка.

Романтиков прообраз идеальный,
Увенчанный цветами дальних стран,
Как филиппинских сумерек прощальный
Туманный луч, задумчивый туман.

Ибарры * благородного виденье
И Симоуна * лучезарный бред,
Сияние, окутанное тенью,
Горячей ночи негасимый свет...

Такой перо великого поэта
Тебя запечатлело в книге той,
Где ты полетом грез его согрета,
Его души омыта чистотой.

В отчизне, после долгих мук изгнания,
Под сенью идиллических лиан,
Такою он тебя, свое создание,
Увидел — и увидел свой роман.

Скончался он, но твой победный облик
Мерцает из его бессмертных строк.
И никогда кощунству рук недобрых
Не запятнать исписанный листок.

И снова видим мы: во мраке скорби,
О сестринская тень, в глуши ночной
Ты, как заря, восходишь на Востоке
Над нашею геенною земной.

* Герон романа Хосе Рисаля «Не прикасайся ко мне».

И видим мы края одежд летучих,
Размах крыла в разрыве облаков,
Дыханье веры на губах певучих,
В ладони тонкой пару голубков.

И видим тот ручей осиротелый,
Где неумолчен птичий разговор.
Где ты купала трепетное тело,
Вдыхая запах оснеженных гор.

Эванхелина Герреро-Сакариас

ДЕНЬ УХОДИТ...

День уходит, молчат потускневшие дали —
так густеет безмолвие долгих дорог,
будто женщина смотрит на землю в печали,
вопрошая о чем-то загадочный рок.

День уходит, он — оторопь мрака над бездной,
слиток золота в пене и призрачный флаг,
флаг, увядший в сиреновой выси небесной,
оппадающий пламенем робким во мрак.

И, пути пролагая видениям, чайки
чертят вечер спокойным изломом крыла,
все расплывчатей их белоснежные стайки
в синей дымке, где ожили колокола.

Все печальнее сумерки, все тяжелее,
и душе одиноко в ее забытии.
И тогда, словно добрая старая фея,
ночь-пастушка выводит миражи свои.

И нисходит Пенхей, в лукавом томленье
всем зовущим ее улыбаясь светло.
И поэты встают перед ней на колени,
нежат жаркие плечи ее и чело.

Пробуждаются струны и робкие трели,
песнопением ладным откликнулась мгла,
в рощах пелосы призрачные забелели —
там в языческих плясках трепещут тела.

Только смеркнется день — и в зените бездонном
хор светил возникает средь синих полей,
и подобно белейшим, небесным бутонам,
раскрываются звезды, снежинок белей.

Свет смеркается... Нежно безмолвствуют дали,
и безмолвен простор одиноких дорог —
будто женщина смотрит на небо в печали,
И помочь ей не может таинственный рок.

ТЫ ЛЮБИШЬ...

Ты любишь, хотя и не молвишь ни слова,
и я в твоих крепких сетях навсегда,
я вечно в своих сновиденьях готова
мерцать, как неясная в тучах звезда.

Хоть ты и не молвишь ни слова, любимый,
я вижу — все правда в молчанье твоём,
я знаю, как хочешь ты, мною томимый,
чтоб сны твои нежные не были сном.

А я — я молчу. В этом вечном свиданье
без звуков — и ты понимаешь меня.
Безмолвной звездой я парю в мирозданье
и блекну, и таю с пришествием дня.

Когда бы могла я, голубкой усталой,
тихонько сидеть на плече у тебя,
под купами сада, в тиши небывалой,
твою ощущая любовь и любя.

Когда бы покой наплывал серенадой,
и давние дни, словно птиц караван,
летели, сердца наполняя отрадой,
легко рассекая забвенья туман.

Пускай о любви ты не молвишь ни слова,—
в былое вернувшись, ловлю я твой взгляд,
и снова в глаза твои кану, и снова
они мне о мыслях твоих говорят.

КОГДА БЫ ТЫ ЗНАЛ!..

Ты мне говоришь, что я камень холодный,
что рот мой смеющийся — мак-пустоцвет,
что, жаждущих видя в пустыне безводной,
я лишь улыбнусь им бесстрастно вослед...

Когда бы ты знал!..

Ты мне говоришь, что не знаю я страсти,
что лед, а не сердце в груди я таю,
что пульс на моем не трепещет запястье
и слез я вовеки веков не пролью...

Когда бы ты знал!..

Ты мне говоришь, что и темной могилой
бездумных улыбок моих не стереть...
Ты думаешь, смерти боюсь я, мой милый?
Готова я тысячу раз умереть! —

Когда бы ты знал!..

Когда бы ты знал, как ночами я плачу,
как больно, как горестно мне в темноте...
Какие страдания в улыбке я прячу,
как сердце распято мое на кресте...

Когда бы ты знал!..

СИНИЙ ЦВЕТОК

На тонком стебельке ты так несмело
прозрачной отливаешь синевой.
Похоже — бабочка лениво села,
качаясь на былинке полевой

Под пальцами мои в день весенний
пять лепестков дрожат в сырой траве,
как пять необъяснимых сновидений
в моей к земле склоненной голове.

Цветочек мой, бесхитростное диво!
Мой взгляд усталый на тебе почил.
Твоя душа мне дарит молчаливо
покоя свет и чистой дружбы пыл.

Твой добрый свет — награда и отличие,
он синью детских глаз манит меня,
в нем робкое достоинство девичье
и зов коварный смертного огня.

К тебе я прихожу, когда усталость
меня поманит вялою рукой.
В твоей красе — так мне всегда казалось —
есть внутренняя сила и покой.

Улыбчивый цветок! Не зная горя,
хотя бы день невинно цвести, как ты!
И к ночи умереть под вздохом моря
и синее свеченье темноты.

ТЫ НЕ ИЩИ В МОИХ СТИХАХ...

Ты не ищи в моих стихах ни радости, ни смеха.
В них нет ни всплесков звуковых, ни вычур световых.
На них тоски моей печать, в них сетований эхо,
непреходящая печаль осенних дней моих.

Ты не ищи в моих стихах лесного аромата,
пьянящего настоя трав и блеска чистых рос.
Пыланьем горестной души строфа моя объята,
а под потоком трудных слов — поток пролитых слез.

Мои стихи — печальный вздох по невозвратным теням
и отзвук звонкого ключа, иссякшего в ночи,
любовь, чей потерялся след в беспамятстве осеннем,
и стон, неслышимый сквозь шум житейской толчен...

Мои стихи — зола костра, погасшего неожиданно,
который ветром был задут апрельскою порой.
Они — последние лады умолкшего органа
в соборе вымершем, где пыль легла на аналой.

Хосе Пальма-и-Веласкес

КУНДИМАН *

*Горе мне, если я огни
не услышу ритмов твоих.*

Просеянный ветвями с лунным светом,
струящийся молочным светом лунным,
размноженный тягучим горным эхо,
рожденный перебором тихострунным
гитары в вожделеющем пространстве
и слившийся с очажным горьким дымом
о таинстве любви поет и плачет
тоскующий кундиман.

То робкий плач, струящийся, как песня,
то крик души, распавшийся на ноты,
то сердце, потрясенное любовью,
его печаль, падения и взлеты;
то девичьи невидимые слезы,
что выплаканы вволю, без опаски,
тоска ребенка-сироты, который
не знает женской ласки.

Ах, в этих ритмах оживает память,
в них, неумных, удалось раскрыться
народу, пламенному, точно солнце,
застенчивому, как лесная птица.
И сколько раз, когда заря, бывало,
в сверкающие погружалась росы,
я слезный привкус чувствовал, услышав
напев грустногосый.

* Кундиман (таг.) — название традиционной народной любовной мелодии; часто также переводится как «романс».

В нем слышится мне жалобный укор,
в грудь ударяющий волной горячей,
я в каждом звуке различаю плач
и муку, затаившуюся в плаче.
Я слышу повесть о любви, и сердце
влечет в его ритмическое море:
аккорды мне приносят наслаждение,
хотя поют о горе.

Родной кундиман... В нем печаль Востока,
плеск листьев, шепот их в полудремоте;
кусочек сердца бьется в каждой рифме,
клочок души таится в каждой ноте.
Как чашу, он пространство наполняет,
с дыханием цветов садовых смешан;
в его напевах человек тоскует,
навек безутешен.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ
«NOLI ME TANGERE» *

Ты — крик справедливости, раненной в грудь,
В слезах раскаленных рожденное слово.
Те слезы текли, обжигая глаза
Отчизны, в ночи безрассветной былого.

Сто раз я прочел благородный твой труд.
На каждой странице его безобманной
Я хлеб находил для бедняги раба,
А также веревку для шеи тирана.

Как я нашу землю с тобою жалел
За то, что удел ее — голод и плети,
Как слезы, бессонный, с твоими мешал,
Как вместе с тобою мечтал о рассвете.

И день наступил. Под винтовочный треск
Взметалось в дыму орудийное пламя,
И те, кто искал к справедливости путь,
Неистово к ней пробивались штыками.

Дрожала тюрьма. Смерть поживу брала,
Свой гимн над полями сражений горланя.
И там — из нее, рядом с нею, в крови —
Рождались свобода и правосознание.

А пули свистели, подобно бичу,
И жизнь храбреца прерывала иная.
Но видел я сам, как сражался народ
За каждый твой помысел, страха не зная.

Я видел, как он поднимался с колен —
Огромен, могуч — чтоб не гибнуть в безвестье,
Чтоб требовать, кровь проливая в бою
Во имя свободы и поправленной чести.

За этим один ты стоишь — без тебя
Не видеть, не знать бы нам родины нашей.

* «Noli me tangere» (лат.) — «Не прикасайся ко мне» — название первого романа Хосе Рисаля.

Вчерашний раб с шеи веревку сорвал!
Зари уже льется из утренней чаши!

Чтоб клясть и любить, подарили слова
Народу священные эти страницы,
И, ум потускнелый его озаря,
Ему помогли они освободиться.

Так спи же в ночи непробудного сна.
Пусть ты не дожил до счастливого мига —
Узнай, что в сердцах твоих братьев навек
Воздвигла алтарь твоя гордая книга.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГИМН ФИЛИППИН

Моя земля — ты дочь
Восточного светила,
И солнечного пыла
Душа твоя полна.

Хор:

Героев колыбелью
Ты сделалась отныне,
Не быть тебе рабыней,
Любимая страна.

В зорях небес твоих синих,
В зелени свежих ветвей,
В водах твоих пламенует
Песня свободы твоей.

Стяг твой высокий овеял
Путь наших трудных побед,
И не погасит захватчик
Солнца и звезд его свет.

Земля любви и ласкового солнца,
Как радостно в твоих объятьях жить,
Но повелишь — и за твою свободу
Мы все готовы голову сложить.

Кларо М. Ректо

НОЧЬ В МАНИЛЕ

В иссиня-черном небе бесчисленных звезд разброд,
Покой — ленивой птицей — спускается с высот.
Цветы кианос Пасиг * змеящийся несет,
И ветер нежит кожу его усталых вод...

Там фонари неярко белеют у ворот,
Здесь грузовик на свалку бак с мусором везет,
Бредет подпивший янки, со лба стирая пот,
Спит стоя полицейский, обняв большой живот...

Монх фиалок запах уснуть мне не дает.
Еще в окрестных барах безумствует народ.
Роняет звезды наземь бессонный небосвод...

Воришка очищает соседский огород.
На плоской нашей крыше горбатит спину кот —
Таращится на город, мечтательно поет...

* Пасиг — река, протекающая в Маниле.

МОЯ ХИЖИНА

Войди в мой хрупкий храм, в убогий дом смиренный,
банановая роща в тени хранит его,
из листьев пальмы крыша, из камышинок стены,—
не опрокинь святыню покоя моего.

Подобно мудрецам, бежавшим без оглядки
от мира,— этот рай нашел я над рекой,
он телу моему — приют и отдых сладкий,
душе моей — оплот, надежда и покой.

Я вспоминаю здесь о всех отрадах юных.
Здесь птичьи переливы, лучей и листьев дрожь.
И ветерок, играя на ветках, как на струнах,
мне навевает запах того, что не вернешь.

Я слушаю, застыв, как в сумеречной дали
торжественно плывет глухой вечерний звон,
как будто горько плачет и молится в печали
о невозвратной неге растаявших времен.

Так плачет ночь о дне. От этих скорбных лений
вдруг сердце защежит. И, позабыв о сне,
я слушаю в ночи напев былых мгновений
и сладостных минут, зывающих ко мне.

Мечтами озаренный, бреду я в полнолуние
по рощам и полянам, без тропок и дорог.
В полях, преображенных свечением колдуньи,
мне чудится — я мальчик и где-то близко бог.

Над головой мерцают далекие планеты,
их путь один и тот же сквозь череду времен,
они мне поверяют суровые секреты
о вечности, в которой я буду растворен.

Покой разлит над крышей моей укомной кельи.
Луна, купая в сини мой сад и огород,
дарит воспоминанье о молодом апреле,
о девушке, чей образ в душе моей живет.

О юности! К робким грезам я пробужден тобою.
Ты солнечные нити в душе моей сплела,
помазала мне губы нектаром и росой,
влила мне в сердце струи нежнейшего тепла.

Под сенью пальм спокойных, под их шатром зеленым,
страдания мимолетны, а радость навсегда,
здесь правит справедливость, и доброта — законом,
и черная гордыня не вьет в груди гнезда.

Я возношу мой голос в сиянье голубое,
где Южный Крест ночами венчает звездный свод.
Под этим вечным небом есть место для покоя,
для доброты и света, который в нас течет.

Когда напевы птичьи сплетаются в тумане,
и солнце выплывает, и отступает мрак,—
мне кажется, что в мире исчезли все страдания,
и жизнь в земном просторе — есть высшее из благ.

Не может шумный город с моей землей сравниться!
Он — логово, где волчьи повадки у людей.
И все его богатства не стоят малой птицы
и самой скромной розы у хижины моей.

Войди же без опаски в мой тихий храм смиренный,
я нежными руками воздвиг его в тиши,
из листьев пальмы крыша, из камышинок стены.
Коснись рукой сокровищ бесхитростной души.

Хосе Рисаль

ПЕСНЬ СТРАННИКА

Как пожухлый листок в непогоду,
через горы, леса и поля,
по планете скитается странник:
где душа, где любовь, где родная земля?

Ищет счастья, а счастье как призрак,
этим вечным миражем томим,—
он крадется по кручам отвесным
и в пучину морскую ныряет за ним.

Этим призрачным зовам доверясь,
он по миру идет наугад,
вспоминая любимые лица
и счастливые дни среди милых пенат.

И возможно, в могиле безвестной
он навеки покой обретет,
позабытый отчизной и миром,
отдохнет от печалей земных и забот.

Все считают скитальца счастливым —
он далекие видел места!..
А не знают, как он бесприютен,
как душа, обделенная лаской, пуста.

И возможно, домой возвратившись,
не найдет он родного угла,
а увидит руины под снегом
и могилы, и ту, что его предала.

И уйдет он по той же дороге —
чужеземец в родимом краю.
Он оставит другим наслажденья
и любовь — и продлит одиссею свою.

Он уйдет и лица не откроет,
все равно он в отчизне забыт,
и горячие слезы осушит —
мир смеется над теми, кто плачет навзрыд.

ЦВЕТАМ ГЕЙДЕЛЬБЕРГА *

Цветы чужбины! Пусть в родные дали
вас ветер отнесет, и там, за морем,
под неба синевой,
где рос я без печали,
вы расскажите, как убит я горем,
как я мечтаю край увидеть мой!
Вы расскажите, как в рассветный час,
когда вы раскрываетесь впервые
у Неккара, не сбросившего лед,
я, сидя подле вас,
мечтаю о стране, где круглый год
весна цветы рождает огневые.
Как поутру, когда ваш запах в дали
уносит ветер, я пою в тоске
на странном языке,
которого вовеки здесь не знали.
И стоит солнцу утренней порой
на Кенигштуле позлатить вершину,
и тихую долину,
и рошу под горой —
я нежную приветствую Аврору:
ведь солнце в эту пору
стоит в зените над моей страной!
Вы расскажите, как, срывая вас
в речных глухих долинах,
у замка феодального в руинах,
над Неккаром спокойным, я не раз
закладывал страннику книги ваши,
вы расскажите там,
о чем тогда рассказывал я вам,
кого я звал нежнейшими словами.
Цветы, мою любовь моей желанной
домчите восточкой благоуханной!
Мир принесите берегу родному,
его мужчинам веру и мечту,
а женщинам любовь и доброту,
здоровье близким и достаток дому!

* Стихотворение написано Х. Рисалем в память о путешествии по Европе и посещении Германии в 1886 г.

Едва коснетесь вы далеких вод,
мой поцелуй отдайте ветру в поле—
его он, словно птица,
повсюду понесет,
обнимет горы и лугов раздолье,
и поцелует все родные лица!..
Но все это — мечта!
В пути поблекнут свежие цвета.
От родины вдали,
где вы цвели,
ваш аромат истает,
ведь аромат — душа: она страдает,
когда погаснет свет родной земли!

МУЗЕ

Музу — кто вспомнит у нас?
Лиру — кто ныне помянет?
Что нашим бардам Парнас!
Даже влюбленных сейчас
на вдохновенье не тянет.

Воображенья лишен,
в скуке дремотной черствей,
бард променял Геликон
на кафетерий: «Гарсон!
Чашечку кофе, живее!»

Он утает со стыдом
чистый порыв вдохновенья
и в заблужденье своем
пишет железным пером
пошлые стихотворенья.

Не было песен нежней,
Музой напетых когда-то.
Ныне прощаюсь я с ней,
ныне рапира нужней,
горькая проза и злато.

Ныне все взвесь наперед,
разум нам служит порукой,
любящий горя хлебнет,
вознаградится расчет,
нежность оплатится мукой.

Где вы, любовь и покой,
дни, когда в тихом просторе
робкий цветок полевой
в душу глядел, как живой,
был утешением в горе?

Быстро редет наш ряд:
те опочили в могилах,
этот вдали, тот женат:
метит судьбина полряд
другов, душе моей милых...

Муза, беги со всех ног!
Здесь ты не встретишь привета.
Край наш суров и жесток,
он не лавровый венок —
цепи припас для поэта.

Если над правдой топор
блещет в жестокой неволе, —
разве не бред, не позор
подле себя до сих пор
Музу держать на приколе?

Стоит ли петь? Нас зовет
к думам суровым судьбина.
Грозная буря ревет,
и филиппинский народ
кличет в заступники сына.

Стоит ли петь? Словно крик,
песни, все горше, все глуше.
Страждущий голос мой дик,
мир к этим стонам привык,
горе не трогает души.

Стоит ли петь? Без конца
выговоры и упреки.
Высохли губы певца,
глухи людские сердца,
что им горячие строки!..

Пусть растворится в забвенье
все, что снедает меня,
пусть не спешит вдохновенье
виришам отдать откровенье,
рифмой случайной звеня.

Так же как спят в океане
страшные твари на дне, —
пусть, затаясь в глубине,
прихоти, песни, желанья
спят беспробудно во мне.

Муза, ты даришь поэта
милостью только весной,
в нежную пору расцвета,
первой любви и привета,—
так это было со мной.

Как ты меня обнимала
и в небеса поднимала,
и уносила в простор!
Минула радость, немало
лет пролетело с тех пор.

Все же, меня покидая,
ты согласишься, что всегда я,
музыке внемя твоей,
пел для несчастных людей,
деспотам вызов бросаю.

Но ты придешь, святое вдохновенье,
чтоб разбудить фантазию мою;
когда клинок сломается в бою
и не смогу я умереть в сраженье—
ты цитру дашь мне в скорбное мгновенье,
и я мою элегию спою,
чтоб мой народ утешить в час печальный
и заглушить напевом звон кандалный.

А если увенчает наш народ
победа, и страна объединится,
жемчужиной блеснет из тусклых вод
просторов пламенеющих денница,—
дай силы мне, чтоб воспеть восход,
священным гимном над землей пролиться,
которую и в глубине могил
мы воспоем, отдав ей весь свой пыл!

ПЕСНЯ МАРИИ-КЛАРЕ

В родном краю векам равны мгновенья,
здесь дружба с солнцем и водой светла,
и жизнь — весенних ветров дуновенья,
любовь стократ нежна и смерть мила.

Здесь сына мать разбудит на рассвете,
ее дыхание и нежный взгляд,
и руки простираешь к ней в привет,
и каждому ее движенью рад.

Смерть — счастье, если отдал жизнь отчизне,
чье солнце с детства у тебя в крови.
Смерть — мука для того, кто брел по жизни
без матери, отчизны и любви.

МУЗЕ МОЕЙ ВЫ ВЕЛИТЕ...

Музе моей вы велите
петь, а она не поет,
не различаю я нот,
где ты, бывшее нантье!
Струны — как ветхие нити.
Льется печальный мотив —
как он бесчувствен и лжив!
Кто же повинен в обмане,
если в моей глухомани
сам я ни мертв и ни жив?

Помню — должно быть, столетье
минуло с этого дня —
дружба призвала меня,
сердце открыла в поэте!
Годы далекие эти
канули в Лету. Лишь вдруг
что-то очнется вокруг:
верно, и вас настигала
музыка давнего бала —
странно тревожащий звук.

Нас разлучили с востоком,
сорван я, точно цветок.
Благоуханный восток,
зелень листвы над потоком, —
так, в сновиденье далеком
птицы в сиянии дня
песням учили меня,
волны, чей шепот — утеха,
и водопады, чье эхо
мечется, в скалах зная.

Только лишь в детстве, согретом
солнечным нежным теплом,
в сердце вскипала моем
песня — и был я поэтом.
Солнечным обнятый светом,
знал я созвучий секрет,
ветру кричал я послед:

«Мчи от земли к океану,
милой отчизне осанну
пой, облетая весь свет!»

Где вы, родные поляны?
Юного древа листва?
Смолкли бывшие слова,
песни в былом бездыханны.
Я переплыл океаны
в поисках счастья, и вдруг
понял, что счастье из рук
выпустил и что отныне
я обречен на унынье
в этой разлуке разлук.

Нега, любовь и веселье
в дальнем остались краю,
лишь иногда соловью
вспомнятся прежние трели.
Светлые дни улетели.
Петь — для кого, для чего?
Если ушло волшебство,
если в печальной разлуке
запахи блекнут и звуки
и вдохновенье мертво?..

МОИ ПРИЮТ

Там, где песок белес в прибойной тихой нене
и под горой высокой нежна деревьев тень,
я хижину построил в прибрежном запустении,
найдя среди безмолвных чашоб уснившиеся,
отдохновение мыслям, печальным думам сень.

Ей служит кровлей нипа *, тростник — прохладным полом,
столбы и брусья грубы, и стенам грош цена,
но я в ней обитаю счастливым новоселом,
могучая вершина парит над тихим долом,
поет и днем и ночью широкая волна.

Ручей звонкоголосый, меж скал свой путь торящий,
спускается по склону в приют укромный мой,
он дарит мне любовно прохладу горной чаши,
он слух ласкает ночью мелодией пьянящей
и жажду утоляет полуденной порой.

Когда синее небо, ручей в движенье сонном
невидимую цитрой в густой траве поет,
но лишь прольются ливни — и тигром разъяренным,
рыча и ошетинясь, он прыгает по склонам,
чтоб яростной стихией упасть в пучину вод.

Зальется звонкой трелью пичуга-непоседа,
залает собачонка да птица закричит.
Ни суетных прохожих, ни хмурого соседа,
в глуши неомрачима с самим собой беседа,
лишь дышит рядом море и лес густой молчит.

Мне море — мирозданьем! Его простор великий
мне атомы приносит неведомых широт.
Так светозарны утром его шальные блики!
А вечером печальным стихии голос дикий,
душе моей созвучный, так горестно гнетет!

* Нипа (таг.) — трава с прочным стеблем, используемая в деревнях на Филиппинах для покрытия крыш.

Он ночью — как загадка! По тихим чистым водам
бегут миллионы всплеск, змется лунный след,
а утром бриз гуляет под ясным небосводом,
вдыхают глухо волны и ветру год за годом
рассказывают тайны давно минувших лет.

О первых зорях мира над бездною холодной,
о поцелуе солнца в очнувшейся ночи,
о существах, возникших из пустоты бесплодной,
чтоб жить в нагорной выси и хмурой толще водной,
везде, где солнца льются горячие лучи.

В ночи, где все громадней валов седые гривы
и ураган все злее, мне явственно слышны —
летающие сквозь ветра сурового порывы —
немолкнувшие вопли, молитвы и призывы
тех, кто зовет на помощь из мертвой глубины.

И вторит их призывам полночное нагорье,
и мечутся деревья над диким ревом вод,
мычат стада в загоне, и травы никнут в горе,
а тени утонувших идут, покинув море,
процессней печальной на свой загробный сход.

Слепят глухие всплески из хмурого простора,
ночь буйствует и воет, коварна и страшна,
по утреннему миру несет покой Аврора,
уже рыбацья лодка лагуну чертит споро,
и ластится к утесу утихшая волна.

Так я живу неспешно в глухом уединеньи,
бежав в лесные дебри от шумной толчеи,
и за удачу эту хвалю я Провиденье,
я — камешек, избравший покой лесистой сени,
чтоб скрыть от всех на свете достоинства свои.

Во мне воспоминанья всплывают в изобилии,
вдруг наплывают лица, любимых имена.
Одних уж нет на свете, а те меня забыли,
но что с того — я память существовавшей были,
быль — верная подруга, всегда во мне она.

Былое не померкнет, оно — мое дыхание,
оно душе печальной охрана и оплот,
бессонница ночная, мольба и упование,
оно со мною вместе ушло в мое изгнание,
оно среди неверья мне веры придает.

Я знаю, эта всра взойдет на доброй ниве.
Идея одолеет слепые силы зла,
и за борьбой и горем в неистовом порыве
возникнет новый голос, и звонче, и счастливей,
чем мой, и песнь победы в мир полетит светла!

Опять синее небо и в нем горит светило!
Как в юности далекой — в моем весеннем сне!
И тем же дуновеньем чело мне опалило,
и все во мне ликует, поет, как это было,
когда играла, пела молодая кровь во мне.

Я брызг вдыхаю терпкий, он веял над поляной
и над рекой далекой в моем родном краю,
быть может, он пернет мне тех лет настоль медвяный,
слова, объятья, вздохи моей любви желанной,
и нежность тех мгновений, что в сердце я таю.

Увидев тот же месяц над морем, я бледнею
и с грустью вспоминаю красу ушедших дней,
звучат святые клятвы, и я благоговею,
я вижу двор, веранду и тихую аллею...
Безмолвье, вздохи, трепет — я снова рядом с ней!

Я бабочкой бездумной, влюбленный в свет и краски,
искал сады иные, простор иных земель,
и, родину покинув, и рук любимых ласки,
порхая за морями, как в бесконечной сказке,
потратил на чужбину бесценный мой апрель.

Когда же я вернуться решил птенцом усталым
к любви моей далекой, к отцовскому гнезду,—
отчизну опалило горячим грозным шквалом,
и подломились крылья, и дом смело обвалом,
и честь продали в рабство у мира на виду.

На родине любимой, в моем уединенье,
не зная, что в грядущем, не в силах крест свой несть,—
молю, возникни снова, волшебное виденье, —
сверкайте, дни былые, бесценные камснья,
святая всра в юность, в ее красу и чисты!

Поблекли ваши нимбы за далью непогожей,
хотя вы и хотели всегда во мне сиять.
Пускай вы потускнели и выглядите строже,
но лики ваши те же и выраженье то же,—
на каждом дне ушедшем стоит моя печать.

Виденья, вы несете бальзам душевным ранам,
вы юность мне вернули, сполох моей весны...
Спасибо буйным ветрам, спасибо ураганам
за то, что возвратили меня моим полянам,
прибили к побережью моей родной страны.

Там, где песок белеет в прибойной тихой пене
и под горой высокой нежна деревьев тень,
обрел я вновь отчизну в прибрежном запустенье,
найдя среди безмолвных чашоб уединенье,
отдохновенье мыслям, печальным думам сень.

ПОСЛЕДНЕЕ ПРОЩАЙ *

Прощай, мой дом желанный и солнце в ясной дали,
жемчужина востока, потерянный наш рай.
Пусть жизнь моя прервется, умру я без печали.
И если б сотни жизней мне в будущем сияли,—
я с радостью бы отдал их за тебя, мой край!

На грозном поле брани, без страха и без пеней
приемлют смерть герои, поднимая отчизны флаг.
Кровавые застенки или поля сражений,—
не все ль равно, где место для жертвоприношений,
когда Отчизна кличет и твой родной очаг?

Мне больно, если вижу, с каким трудом румяна
ложатся на ланиты светлеющего дня.
Коль пурпур нужен зорям, чтобы цвели багряно,—
вот кровь моя, пусть льется, а мне одно желанно—
чтобы в заре алела хоть капелька меня!

Когда я был подростком, я мучился жестоко
и, возмужав, о том лишь мечтал, чтоб навсегда
твой взгляд прояснил скорбный, жемчужина востока,
чтоб голову все время держала ты высоко,
не ведая ни горя, ни боли, ни стыда.

Виденье моей жизни, мой светоч яснолицый!
«Живи!» — кричу я сердцем, чей близится исход,—
жсланно рухнуть наземь, чтоб ты парила птицей,
померкнуть, чтоб из мрака ты родилась денницей,
уснуть среди волшебных небес, земель и вод.

И если ты увидишь неяркий над могилой
простой цветок, то это — моя душа возшла.
Ты поцелуй соцветье, согрей улыбкой милой,
и станет мне спокойней стократ в земле унылой
от нежности неожиданной и чистого тепла.

* Это стихотворение Х. Рисаль написал в ночь перед казнью 30 декабря 1896 г. Оно переведено на многие языки мира.

Позволь луне печальной на крест могильный литься,
позволь заре багряной приют окрасить мой,
позволь младому ветру гудеть вокруг и виться,
и если в изголовье неожиданно сядет птица,—
пусть весело и мирно щебечет надо мной.

Пусть испаряет солнце, пылая с небоската,
дожди, и пусть на небо меня влекут они,
и пусть уход мой ранний повергнет в горе брата,
и коль меня в молитве помянут в час заката,—
и ты меня, Отчизна, в молитвах помяни.

Молись за всех, кто умер в безрадостной юдоли,
кто тяжких мук не вынес, молись за вдов, сирот,
за матерей несчастных, рыдающих в неволе,
за всех, кого пытали и кто кричал от боли,
и за себя, Отчизна: твой светлый час грядет.

Порой, когда кладбище уйти во мрак готово,
и лишь одних усопших не посещает сон,
не нарушай покоя и таинства ночного,
и ты услышишь струны и горестное слово:
Отчизна, это сын твой, к тебе вызывает он.

И в день, когда забудут все о моей могиле,
и места не укажет ни камень и ни крест,—
хочу, чтоб плуг и заступ могилу измелчили,
и прежде, чем исчезнуть, я стану слоем пыли,
твоей, Отчизна, перстью, ковром родимых мест.

И если так случится, то страшно ли забвенью!
Летать в твоих долинах я буду, словно пух,
живя в твоём пространстве, как цвет и песнопенье,
как запах, свет, как шелест, как стон и как цветенье,
нгаснувшая вера, неистощимый дух.

Родные Филиппины, я вас зову проститься,
вы боль моя и мука, душа моя и плоть.
Я уйду, оставив любовь, родные лица,
туда, где над рабами палач не поглумится,
где честь не есть проклятье, а правит лишь господь.

Родителям и братьям, и ставшей мне родною
прекрасной чужеземке *, подруге дорогой,
я шлю поклон прощальный. Порадуйтесь со мною,
кто отдохнул в разлуке с сумятицей земною.
Любимые, прощайте! Смерть — истинный покой.

* Джозефина Брайкен — приемная дочь инженера-американца Тауфера, по рождению ирландка, которой Рисаль увлекся в ссылке в Даритане, намереваясь вступить с ней в брак.

Флавио Сарагоса-Кано

СТИХИ

Стихи похожи на полет парящей птицы,
крыло которой —
это формула
гармоний.
Они готовы негою пролиться
и разразиться полыханьем молний.
Спиралью свернуты в них певчих птиц рулады
и мерный гул крутого водопада.

* * *

Они настоены на аромате розы,
тревожно вьющемся
над локонами
музы;
на запахе, что источают грезы,
единые в симфонии союза
с душой поэта, зачарованно гонимой
за лилией дыхания любимой.

* * *

Стихи — весенний сад, где ветви — это строчки,
с которых
гроздьями тяжелыми
повисли
цветы метафор... Где, взрывая почки,
вдруг распускаются соцветья мысли
и где поэзия трепещет над землей
прозрачной и летучей стрекозой.

ДОЧЬ РАДЖИ

1

В покоях полутемных, в углу на мягких шкурах—
дочь самого владыки: малайского раджи.
Ее чело сегодня задумчиво и хмуро,
на нем печать смятенья тревожного лежит.
Прекрасней всех в округе и всех подруг моложе..
Лицо ее из бронзы палящий зной отлил.
На алый свет заката медь локонов похожа,
а очи — как созвездье двух пламенных светил.
В прозрачной пене складок из ткани симона
девичья грудь мерцает в душистой полумгле.
И локоны, каскадом на чистый лоб сбегая,
подобны диадеме на царственном челе.

Так почему ж печальна веселая когда-то
могучего владыки единственная дочь?
И как жасмин увядший, отчаяньем объята:
так, будто ей не в силах никто уже помочь.

2

Вдали смертельной схваткой чащоба закипела.
Уже поет победа напевом тамбули.
Раджа непобедимый шлет дротики и стрелы
в пришельцев, посягнувших на честь его земли.

Испанский лев нагрянул, чтоб разорить гнездовье
вольнолюбивой птицы — малайского орла.
Два исполина бьются, залив друг друга кровью,
которая ручьями из ран их потекла.

Вон Сумаквел — охотник, ходивший смело в горы
на хищника любого с единственной стрелой,
дерется в пекле боя с захватчиком, который
пришел с войной нарушить его страны покой.

Вот почему сегодня печально так и хмуро
чело всегда веселой наследницы раджи.
Вот почему тоскливо в углу на мягких шкурах
в раздумии тревожном она сейчас лежит.

В сражение торжествуют малайцы над врагами.
Раджа уже провидит победу впереди,
покаявшись, что не будут бойцы его рабами,
пока он вождь и сердце стучит в его груди.

И воины вернулись в селение со славой,
А Магеллан в земле * их уснул последним сном...
Но первая страница истории кровавой
записана... А сколько еще их ждет потом!

И Сумаквел бесстрашный, сраженный вражьей шпагой,
упал, поправ ногами испанский гордый флаг.
Убит он... Но отчизну он спас своей отвагой,
в его крови потоплен его смертельный враг.

А дочь раджи забилась в слезах, узнав про это:
про то, что закатилась любимого звезда...
И на губах, пылавших, как пламя горнцвета,
не появилась больше улыбка никогда.

* На небольшом острове Филиппинского архипелага Мактан в 1521 г. был разбит отряд Магеллана, а сам он убит предводителем по имени Лапулапу, считающимся первым героем страны.

Вместо послесловия

В данный сборник включены поэтические произведения, созданные на тагальском, английском, испанском—трех основных языках, которые занимают ведущее место в современной филиппинской литературе.

Филиппинская литература возникла задолго до пришествия испанцев, крестом и мечом поработивших страну. Литературные произведения на местных региональных языках (тагальском, себуанском, илоканском, бикольском, пампанго и др.), которые исполнены старофилиппинским сложным письмом, восходят к началу второго тысячелетия н. э. Стихотворный фольклор, народные песни, эпические поэмы, пословицы и поговорки, рифмованные загадки, анимистические заклинания и заговоры древних филиппинцев частично дошли и до наших дней, записанные, как и в сопредельных странах Юго-Восточной Азии, на пластинках из пальмовых листьев и китайской бумаге. В филиппинском устном народном творчестве обнаруживается много сходных черт, образов, сюжетов с малайско-полинезийским фольклором.

Под влиянием испанской литературы в филиппинской национальной литературе родилась и ныне популярная бытовая музыкальная комедия — *сарсуэла*; средневековые испанские религиозные мистерии — *пасьон* и светские рыцарские поэмы — *корридо* или *куруидо*, переосмыслив в соответствии со своими национальными традициями, филиппинцы сделали частью своей поэзии.

Из XVIII—XIX вв. до нас дошли имена таких поэтов, как Хуан де ла Крус, А. Сорилья, и некоторых других,

пользовавшихся широкой известностью среди своих современников.

Поэма «Флоранте и Лаура» (1839), написанная основоположником тагальской поэзии Франсиско Балагтасом (1788—1862), является крупнейшим памятником филиппинской национальной поэзии. В ней впервые в литературе страны в завуалированной форме выражен протест против колониального угнетения.

Творчество классика и национального героя страны Хосе Рисаля-и-Алонсо (1861—1896) принесло мировую известность филиппинской литературе и оказало огромное влияние на все последующее развитие этой литературы вплоть до наших дней. Составители сочли необходимым включить произведения Хосе Рисаля-и-Алонсо в сборник филиппинской поэзии XX в.

В современной тагалоязычной филиппинской поэзии ведущее место принадлежит Хосе Корасону де Хесусу (1896—1932), Флорентино Т. Кольянтесу (1896—1951), Хулиану Крису Бальмаседе (1885—1954), Лопе К. Сантосу (1879—1963) и Амадо В. Эрнандесу (1903—1970). Воспринявшие лучшие традиции поэзии Рисаля — гражданственность, публицистичность, антиколониальную устремленность, они стали классиками еще при жизни, воспев в своих стихах идеи свободы и независимости.

Х. Корасон де Хесус, известный также под псевдонимом Хусенг Батуте, сочетал в своем творчестве лирику гражданскую и любовную, ввел в тагальскую поэзию драматический диалог, популяризировал искусство поэтического красноречия, открыл немало талантливых поэтов, в частности выдающегося тагальского поэта XX века Амадо Эрнандеса. Стихотворение «Моя страна», включенное в сборник, — одно из лучших в его наследии. Филиппины, «землю золота и цветов», страну, дарящую любовь и красоту, поэт отождествляет с вольной птицей, заключенной иноземцами в клетку. Видеть Филиппины, «гнездовые слез и страданий», свободной страной — страстное желание поэта. Ф. Кольянтес, вступивший в литературу пятнадцатилетним юношей, начал с подражаний средневековым куридо и авитам, но вскоре его творчество приобрело политическую антиамериканскую направленность («Агинальдо против Кэсона», «Крестьянин»). Их постоянный соперник по поэтичес-

ким дуэлям Х. К. Бальмасада воспел в своих стихах героев Филиппинской революции 1896—1898 гг. и призывал своих соплеменников последовать их героическому примеру («Стране Плариделя», «Новые люди», «Вчера, сегодня, завтра»).

Пальма первенства в тагальской поэзии в послевоенные годы прочно утвердилась за Амадо В. Эрнандесом, выдающимся прогрессивным поэтом и прозаиком, общественным деятелем, принимавшим активное участие в национально-освободительном движении на Филиппинах. В центре внимания поэта — человек, простой труженик, его соотечественник, с неугасимой любовью к свободе, правде, умеющий тонко чувствовать и глубоко переживать. В творчестве Эрнандеса, оказавшем значительное воздействие на развитие всей послевоенной тагальской поэзии, синтезировались богатое филиппинское поэтическое наследие и влияние европейской и американской поэзии.

Среди представителей среднего поколения следует отметить Эмилио А. Буниага (род. в 1927 г.). В его историческом романе в стихах «Любимые Филиппины» (1956) отражено стремление филиппинской молодежи послевоенного времени к борьбе за полную независимость родины. Филиппинская литературная молодежь, пришедшая в поэзию в конце 50-х — начале 60-х гг., также не чужда гражданской лирике — хотя некоторые молодые поэты, такие, как Бьенвенидо А. Рамос (род. в 1934 г.), Мар Алкетра-Тибурсио (род. в 1937 г.) и Эпифанио де Сан-Хуан (род. в 1938 г.), Виргилно С. Альмарно (род. в 1944 г.), Ламберто Э. Антонио (род. в 1946 г.), нередко предпочитают образы-переживания, обращение к своему внутреннему «я», самоанализ, философские размышления, интимную лирику. Порой в их творчестве форма преобладает над содержанием, в особенности это относится к группе филиппинских поэтов-авангардистов во главе с Александром Г. Абадильей, произведения которых несут на себе печать европейского и американского поэтического экспериментаторства.

Наиболее видное место в филиппинской англоязычной поэзии XX века занимает Хосе Гарсия Вилья (род. в 1911 г.), появившийся на литературной арене в конце 20-х гг. Творчество Хосе Г. Вильи привлекает пристальное внимание не только на родине, но и за рубежом. Сборник его

избранных стихотворений был выдвинут на премию Пулитцера в 1958 г., и автор-филиппинец уступил первое место лишь Роберту Фросту. Оценки его творчества весьма противоречивы. В своей книге «Подлинный голос поэзии» (1962) филиппинский критик и поэт Р. Деметильо высоко оценивает творчество Вильи-поэта, сравнивая его с творчеством Рисаля.

В послевоенные годы продолжается активная творческая деятельность многих современников Вильи, филиппинских англоязычных поэтов старшего поколения: Конрадо В. Педроче (род. в 1909 г.), Бьенвенидо Н. Сантоса (род. в 1911 г.), Эрнандо Р. Окампо (род. в 1911 г.), Оскара де Суньиги (род. в 1912 г.), Амадора Т. Дагио (1912—1966), Карлоса Булосана (1914—1956) и др. Если Окампо, Суньига, Дагио преимущественно выступают с любовной и пейзажной лирикой, то Педроче и Булосан отличаются пристальным вниманием к общественной жизни. Значительным событием в филиппинской литературе стала большая патриотическая поэма К. Булосана «Голос Батаана» (1943), в которой он откликнулся на подвиг филиппинских защитников Батаана и Коррехидора, воздав должное стойкости и мужеству соотечественников. Эта поэма неоднократно издавалась затем не только на Филиппинах, но и в ряде англоязычных стран мира.

Большой популярностью на Филиппинах пользуется также ставшая хрестоматийной поэма «Как молаве» (1940) Рафаэля Сулуэты да Косты (род. в 1915 г.), удостоенная литературной премии Автономных Филиппин. В ней поэт от лица современников как бы заверяет Рисаля и его сподвижников в верности идеалам, за которые они отдали свои жизни, обещая до конца бороться за свободу и независимость родной страны.

Аллегоричностью, оригинальной символикой отличаются поэтические миниатюры Нестора В. М. Гонсалеса (род. в 1915 г.), сонеты Тринидад Тарросы-Субидо (род. в 1916 г.), лирические раздумья Эдит Л. Тьемпо (род. в 1919 г.), описания природы и психологические этюды в книге «Звезда среди драгоценностей» (1963) Карлоса А. Анхелеса (род. в 1921 г.), пейзажная лирика Вирджинии Морено (род. в 1925 г.), которую часто называют «жрицей филиппинской поэзии», Титы Лакамбра-Аяла (род. в 1931 г.), Нины Эстрада и др.

Среди молодых филиппинских поэтов, пишущих по-английски, следует отметить имена Хосе Лансанга-младшего, Мауро Р. Авены, Э. Сан-Хуана, который выступает также и в тагалоязычной поэзии, Р. Тинно, Э. Лакабы Фели Крус. На их творчество заметное влияние оказывает современная американская поэзия. В их стихах преобладает интимная лирика, философские размышления. Немалое место в произведениях некоторых из них занимает религиозная тема: бог присутствует везде — в отражении луны, мерцании далеких звезд; внезапном движении мысли.

Филиппинская поэзия на испанском языке достигла наивысшего расцвета в первые два десятилетия XX века, когда испано-филиппинская культура противостояла влиянию культуры новых колонизаторов как органическая часть национального наследия. В ней выступают преимущественно поэты старшего поколения: Фернандо Мария Герреро (1873—1929), автор известного сборника «Личинки», Хосе Пальма-и-Веласкес (1876—1903), Сесилио Апостол (1877—1938), Хесус Бальмори (1886—1948), Мануэль Бернабе (1890—1960), Кларо М. Ректо (1890—1960) и другие. В их творчестве заметно преобладает гражданская, патриотическая лирика, каждый из них отдает дань памяти Великому Филиппинцу Хосе Рисаля. Строки стихотворения Хосе Пальмы «Обожаемая земля» стали текстом национального гимна Филиппинской республики. Эти поэты внесли неповторимый и своеобразный вклад в филиппинскую многоязычную поэзию.

В послевоенный период испаноязычная поэзия на Филиппинах в значительной степени представлена подражательными эпигонскими стихами. Трудно назвать кого-либо из представителей литературной молодежи, пишущей на испанском языке, чье творчество выделялось бы на общем фоне национальной филиппинской поэзии. На литературном вечере в Университете св. Фомы в Маниле в январе 1968 г., посвященном 475-летию со дня открытия Колумбом Нового Света, выступили на испанском языке лишь два престарелых поэта — профессора Антонио Серрано и Энрике Сентенера — и никто из молодых. Едва теплится жизнь в испанской Филиппинской академии в Маниле, возглавляемой д-ром Эметерии Барселон-Барсело Сорнано, известным в прошлом поэтом...

Советский читатель уже знаком с образцами современной филиппинской прозы: на русском языке за последние десять лет опубликованы несколько сборников филиппинских тагальских и англоязычных новелл, романы, переведенные с английского и испанского языков (в том числе знаменитая дилогия Хосе Рисаля «Не прикасайся ко мне» и «Флибустьеры»). В 1971 г. в издательстве «Художественная литература» вышел первый сборник тагальских стихов — «Зерна риса» Амадо В. Эрнандеса, большого и искреннего друга нашей страны.

В новой книге мы продолжаем знакомство с филиппинской поэзией XX века. «Современная филиппинская поэзия» — это, по сути дела, первая на русском языке краткая антология тагальской, англоязычной и испаноязычной поэзии Филиппин. В ней объединены избранные произведения 35 поэтов, в большинстве своем наших современников. Это лишь небольшая часть филиппинского поэтического арсенала, и нашим специалистам и переводчикам еще предстоит разработка глубинных слоев этой поэзии.

В. Макаренко

Справки об авторах

АНХЕЛЕС, Аурелио Г. (род. в 1918 г.) — поэт и прозаик, пишущий на тагальском языке. Живет в Маниле, сотрудничает в крупнейшей тагальской ежедневной газете «Галиба» («Страж»), а также в журналах «Ливайвай» («Рассвет»), «Булаклак» («Цветок») и других литературно-художественных изданиях.

Сменил множество профессий: был гитаристом, парикмахером, плотником, сапожником, животноводом, эстрадным артистом, репортером. Участвовал в антияпонском движении сопротивления, сражаясь в партизанском отряде.

Его избранные стихотворения, в которых политически актуальная гражданская лирика перемежается философскими раздумьями, представлены в сборнике «Поэт» (1967).

АНХЕЛЕС, Карлос А. (род. в 1921 г.) — англоязычный поэт и журналист, по национальности илоканец. Образование получил в Университете Филиппин. Ныне возглавляет манильское бюро Интернэшнл ньюс сервис. В своих стихах живо откликается на актуальные проблемы, волнующие его соотечественников. Лучшие стихи К. Анхелеса вошли в сборник «Звезда среди драгоценностей» (1963), удостоенный в 1964 г. высшей на Филиппинах литературной награды — Республиканской премии культурного наследия. Он также автор многочисленных очерков, эссе.

АПОСТОЛ, Сесилио (1877—1938) — испаноязычный поэт. В течение двух последних десятилетий своей жизни являлся одной из самых ярких фигур литературной жизни страны. Образование получил в Атенео де Манила, привилегированном среднем учебном заведении, и Университете св. Фомы. В 1903 г. был назначен адвокатом Верховного суда. Принимал участие в революции 1896—1898 гг.

на Филиппинах, сотрудничал в испаноязычной прессе, в основном в «Эль комерсио» и патриотической газете «Ла индепенденсия».

Впервые выступил в печати в 1895 г. С самого начала его поэтическое творчество приобрело патриотическую, антиколониальную окраску. В посмертном сборнике поэта «Высеченные из мрамора» собраны стихи, проникнутые страстной любовью к родине, свободе и миру.

С. Апостол — лауреат многочисленных литературных премий, в 1924 г. был избран членом Филиппинской академии, позднее членом Королевской испанской академии в Мадриде.

БАЛЬМОРИ, Хесус (1886—1948) — поэт и прозаик, писал на испанском языке. Окончил привилегированное манильское учебное заведение — Коллегио Сан-Хуан де летран, изучал философию в Университете св. Фомы. Регулярно выступал со статьями на страницах испанских газет «Ла вангвардия», «Эль дебате», «Вос де Манила». Избранные его произведения составили четыре книги: «Малайские рифмы» (1914), «Мужчина и женщина» (1927), «Книга о моей манильской жизни» (1928) и «Моя хижина из нипы» (1938). Последний сборник был удостоен высшей литературной награды в предвоенные годы — премии Автономных Филиппин.

Перу Бальмори принадлежат также два романа, несколько пьес и либретто оперетт. Он выступал и как литературный критик.

БЕРНАБЕ, Мануэль (1890—1960) — поэт и публицист, ученый и общественный деятель, писавший на испанском языке. Образование получил в Атенео де Манила и Университете св. Фомы. Преподавал испанский язык в Университете Филиппин. Избирался членом конгресса, состоял в редколлегии «Ла вангвардия», сотрудничал в «Ла демокрасия» и других периодических изданиях.

Дважды — за стихотворение «Человек» (1926) и переводы из Омара Хайяма — удостоивался премии Собела, высшей литературной награды на Филиппинах за художественные произведения на испанском языке. В его книге «Песни тропиков» (1929) представлены ранние философские, патриотические и лирические стихотворения. В сборнике «Профиль вершины» (1958) — зрелые стихотворения последних трех десятилетий жизни.

БУЛОСАН, Карлос (1914—1956) — известный англоязычный поэт, новеллист и публицист. В годы войны жил и работал в США, где под его редакцией вышел в свет сборник «Хор для Америки» (1942), включающий произведения шести филиппинских поэтов (Х. Гарсии Вильи, Б. Сантоса и др.). Там же была опубликована его большая патриотическая поэма «Голос Батаана» (1943), неод-

нократно переиздававшаяся как на Филиппинах, так и в Америке.

С немалым успехом Булосан выступал и в малых формах прозы. Искрящиеся живым юмором автобиографические рассказы К. Булосана составили книгу «Смех моего отца» (1944). Письма писателя из США посмертно изданы отдельной книгой «Звук падающего света» (1961).

ВИРАЯ, Мануэль А. (род. в 1917 г.)— поэт, новеллист и литературный критик, пишущий на английском языке. Окончил Университет Филиппин в 1936 году, а затем аспирантуру по английской филологии. Принимал участие в деятельности Клуба писателей университета, членами которого было немало известных филиппинских литераторов. По завершении образования стал государственным служащим, затем репортером. В послевоенные годы находился на дипломатической работе.

Стихотворения Вирая входят во все крупнейшие собрания филиппинской англоязычной поэзии, но отдельной книгой не издавались. Он является составителем антологии филиппинской поэзии «Сердце островов» (1947), куда вошли избранные стихотворения 26 филиппинских англоязычных поэтов, а также редактором-составителем «Ежегодника филиппинской поэзии» (1950).

ГАРСИЯ ВИЛЬЯ, Хосе (род. в 1911 г.)— выдающийся современный поэт и прозаик, пишущий на английском языке. Образование получил в Университете Филиппин, затем учился в двух американских университетах. Хосе Гарсия Вилья явился одним из основателей Клуба писателей университета и литературно-художественного журнала «Литерари эпрентис».

Уже в предвоенные годы стяжал славу англоязычного филиппинского поэта № 1, выпустив сборники «Голоса» (1939) и «Стихи Давиглайона» (1941). В годы войны жил и работал в Америке. На одном из поэтических конкурсов в США занял почетное второе место, уступив первое лишь Роберту Фросту. В американский период его творчества появились стихотворные сборники: «Я пришел, я здесь» (1942), «Том второй» (1949), изданные в Нью-Йорке. Избранные стихотворения разных лет составили книгу «55 стихотворений» (1962), удостоенную высшей награды — Республиканской премии культурного наследия в области литературы. В том же году вышла в свет составленная Гарсией Вильей антология английской филиппинской поэзии 1910—1962 гг. «Книга филиппинской поэзии Давиглайона». Последовшие стихотворения поэта представлены в сборниках «Избранные и новые стихи» и «Стихи во славу любви», вышедших в начале 60-х гг.

Гарсия Вилья широко известен и как новеллист. В 1928 г. он издал одну из первых антологий филиппинской англоязычной новеллы — «Филиппинские короткие

рассказы: 25 лучших новелл 1928 года». В 1929 г. его рассказ «Мир-и-Ниса» был отмечен премией популярного литературно-художественного еженедельника «Филиппиниз фри пресс». В 1933 г. в Нью-Йорке был издан первый сборник рассказов Хосе Гарсии Вильи — «В пазиданне молодым». Его рассказы удостоены премий журнала «Трибьюн» и Американской академии литературы. В книгу «Главное у Вильи» (1965) вошли четыре избранных рассказа и все стихотворения из поэтического сборника — «55 стихотворений».

Х. Гарсия Вилья был удостоен почетного звания доктора литературы и избран членом Американской академии литературы. В 1973 г. он участвовал в работе пятой конференции писателей стран Азии и Африки в Алма-Ате.

ГЕРРЕРО, Фернандо Мария (1873—1929) — испаноязычный поэт и очеркист. Учился в Атенео де Манила, затем получил юридическое образование в Университете св. Фомы. Принимал участие в революции 1896—1898 гг. на Филиппинах, во время филиппино-американской войны сотрудничал в патриотической газете «Ла индепенденсия». Позднее основал и редактировал газеты — «Ла патрия» («Родина»), «Ла фратернидад» («Братство»), «Эль ренасимьенто» («Возрождение»), которые сыграли большую роль в пробуждении национального и политического сознания филиппинского народа.

Патриотические, свободолюбивые мотивы преобладают в его стихотворениях, появившихся в конце XIX — начале XX в., лучшими из которых являются «Флаг», «Моя отчизна», «Рисаю», «Мария-Клара». Широкую известность получил сборник «Личинки» (1914).

Фернандо Мария Герреро был членом-корреспондентом Королевской испанской академии в Мадриде.

ГЕРРЕРО-САКАРНАС, Эванхелина (1904—1949) — испаноязычная поэтесса, дочь поэта Фернандо Марии Герреро. Образование получила в женском колледже в Маниле. Лучшие стихи помещены в антологиях и хрестоматиях национальной поэзии. Сборник избранных стихотворений и прозы «Духовный калейдоскоп» в 1935 г. был удостоен премии Собела. В 1959 г. он переиздан вновь.

Э. Герреро-Сакарнас выступала со статьями на страницах газет «Ла опинион», «Ла вангвардия», «Эксельсиор» и других манильских испаноязычных изданий. В 1947 г. она была избрана членом Филиппинской академии.

ГОНСАЛЕС, Нестор Висенте Мадали (род. в 1915 г.) — поэт и прозаик, преподаватель стилистики и литературного мастерства Университета Филиппин. Получил образование в Маниле. В 1949—1950 гг. учился в Стэнфордском и Колумбийском университетах США. В течение

долгого времени был редактором журналов «Грэфик», «Ивнинг ньюс сатердей мэгэзин», «Уик».

Лучшие его поэтические произведения: «Мои острова», «Песнь горожанина», «Гимн природе», «Ночь», «Напев» и другие — входят во все крупные сборники филиппинской поэзии, переводятся на иностранные языки.

Совместно с М. Вираем, Э. Окампо и другими филиппинскими литераторами в середине 30-х гг. создал группу «верониканцев», ставившую своей целью изыскание путей для совершенствования и модернизации художественного творчества без утраты его национальной специфики.

Перу Гонсалеса принадлежат романы «Апрельские ветры» (1940), «Пора благодати» (1956), «Танцоры с бамбуком» (1960), удостоенный в 1961 г. Республиканской премии культурного наследия, и сборники рассказов — «За семью холмами» (1947), «Дети земли, покрытой пеплом» (1954), «Взгляни на этот остров, странник» (1963).

ДАГИО, Амадор Т. (1912—1966) — англоязычный поэт и новеллист. Преподавал в школе на о. Лейте. В годы войны был разведчиком одного из партизанских отрядов, принимавших участие в антияпонском сопротивлении. В 1951 г. учился в писательском центре при Стэнфордском университете (США), затем долгое время служил главным редактором Палаты представителей конгресса Филиппинской республики. Он автор нескольких поэтических сборников: «Батаанский урожай», «Пламенеющая лира» (1959); перевел на английский язык знаменитый эпос народа ифугао — «Алигуйон».

Дагио также автор многих рассказов, нескольких романов и пьес. Он лауреат различных литературных премий.

ДЕМЕТИЛЬО, Рикаредо (род. в 1920 г.) — поэт и литературный критик, пишет на английском языке. С поэтическими произведениями начал выступать в печати в послевоенный период.

Ранние его произведения вошли в сборник «Непостоянная погода» (1956), стихи 50-х гг. объединены в сборнике «Дедал и другие стихотворения» (1961). В 1959 г. он опубликовал поэму «Путь», в которой изобразил свое мысленное путешествие по земле, перемежая его многочисленными отступлениями, ассоциациями и реминисценциями.

Перу Деметильо принадлежит исторический эпос «[Менуэя] торговля на Панае» (1961) и книга критических эссе «Подлинный голос поэзии» (1962).

ЯЛНО, Доминатор И. (род. в 1923 г.) — англоязычный поэт. Окончил Университет Филиппин, по образованию инженер-гидравлик. Преподаватель университета и редактор двух технических журналов.

Его произведения входят в большинство антологий

филиппинской поэзии. В 1948 г. опубликовал поэму-элегию на смерть бывшего президента Филиппин М. Рохаса — «Вечерняя звезда». Избранные стихотворения вошли в сборник «Дипломат и другие стихотворения» (1955).

КОРАСОН ДЕ ХЕСУС, Хосе (1896—1932) — известный тагалоязычный поэт. Получил традиционное образование и еще в юности прославился своими стихами. Неоднократно с большим успехом выступал на филиппинских поэтических турнирах — балагтасанах. Ранняя лирика отражена в книге «Золотые листья» (1920). В 1924 г. опубликовал сборник «Глория», в 1928 г. — поэму «В восточном краю».

Де Хесус — автор многочисленных статей, очерков, фельетонов, публиковавшихся в тагалоязычной манильской прессе — «Бухай Майпила» («Манильская жизнь»), «Талиба» и других периодических изданиях.

ЛАКАМБРА-АЯЛА, Тита (род. в 1931 г.) — англоязычная поэтесса, новеллистка и эссеистка. Получила образование в Университете Филиппин. Мастер стихотворной миниатюры. Ее ранние стихотворения составили сборник «Стихи подсолнечника» (1960), более поздние — «Обыкновенные стихи» (1968).

ЛАНСАНГ-МЛАДШИЙ, Хосе (род. в 1939 г.) — англоязычный поэт, показавший себя мастером сонета и стихотворной миниатюры вслед за Гонсалесом и Илио. Его произведения наиболее полно представлены в известной антологии филиппинской англоязычной поэзии — «Книге филиппинской поэзии Давиглайона» Х. Гарсии Вильи и сборнике «55 стихотворений».

ЛИТИАТКО, Альфредо Э. (ум. в 1942 г.) — англоязычный поэт, литературный критик и редактор, скончавшийся от голода и болезни во время японской оккупации в Маниле. Начиная с 30-х гг. его стихи печатались в «Филиппиниз мэгэзин» и других периодических изданиях. Сборник его избранной лирики был издан посмертно Федерико Мангахасом в 1943 г. («С арфой и прашой»). Литиатко также автор новелл, пьес и литературно-критических статей. В середине 30-х гг. он совместно с писателем М. Аргильей организовал Филиппинскую книжную гильдию — одно из первых объединений писателей Филиппин.

МОРЕНО, Вирджиния Р. (род. в 1925 г.) — англоязычная поэтесса. Окончила после войны Университет Филиппин. Профессор университета, член комитета по Балагтасовским премиям (в области поэзии). Ее стихотворения включены в антологии филиппинской англоязычной поэзии («Книга филиппинской поэзии Давиглайона» (1962) Вильи, «Новые произведения филиппинской словесности» (1966) Каспера и др.). В. Морено — автор нескольких пьес

на социальные темы («Стеклянные алтари», «Соломенный патриот» и др.).

ОКАМПО, Эрнандо Р. (род. в 1911 г.) — англоязычный поэт и новеллист, журналист и радиокомментатор. Вступил в литературу в середине 30-х гг. вместе с Виразем, Гонсалесом, Арсельяной и другими, образовавшими группу «верониканцев». Его лучшие лирические стихотворения «Темпо Rubato», «Арпеджио», «Спешн, любимая» и другие вошли в состав сборников поэзии: «Сердце островов» (1947) М. Вирая, «Филиппинская словесность» (1953) Т. Д. Аггаонли, «Катха — I» (1955) Х. Туверы.

ПАЛЬМА-И-ВЕЛАСКЕС, Хосе (1876—1903) — испаноязычный поэт конца XIX—начала XX в. Образование получил в Атенео де Манила. Принимал участие в революции 1896—1898 гг. на Филиппинах, в годы филиппинско-американской войны находился в повстанческих отрядах, сотрудничал в газете «Ла индепенденсия». Хосе Пальма — автор стихотворения «Обожаемая земля» (Tierra Adorada), ставшего текстом государственного гимна Филиппинской республики. Его поэтические произведения представлены в сборнике «Меланхолические стихотворения» (1912), ряд стихотворений включен в антологию «Филиппинская поэзия» (1966).

РЕКТО, Кларо М. (1890—1960) — поэт, общественный и политический деятель. Писал на испанском и английском языках. Получил образование в Атенео де Манила и Университете св. Фомы. Сенатор и лидер демократической партии, Кларо М. Ректо неоднократно выступал против американского засилья в стране и за установление дипломатических и культурных отношений с СССР и другими странами социалистического лагеря. Первое его стихотворение было опубликовано в 1909 г. в «Эль ренасимьенто», а уже в 1911 г. вышла в свет книга стихов «Под кокосовыми пальмами». Кларо М. Ректо был избран членом Королевской академии испанского языка и членом-корреспондентом Испанской академии в Мадриде.

Он автор ряда популярных пьес, публицистических статей и очерков, лауреат литературных премий.

РИСАЛЬ-И-АЛОНСО, Хосе (1861—1896) — выдающийся испаноязычный поэт и прозаик, ученый и общественный деятель, национальный герой страны. В 1877 г. после окончания Атенео де Манила поступил в Университет св. Фомы, а в 1882 г. эмигрировал в Испанию, где и завершил свое образование, закончив медицинский (в 1884 г.) и философский (в 1885 г.) факультеты Мадридского университета. Рисаль создал первую филиппинскую политическую организацию — Лига Филипина (1892), ставившую перед собой цели борьбы против испанских колонизато-

ров, активно участвовал в деятельности эмигрантской патриотической газеты «Ла солидаридад» («Солидарность»). В 1892 г. по возвращении на родину был сослан в г. Дапитан на о. Минданао, так как испанская колониальная администрация страшилась его влияния. С началом революции на Филиппинах он был публично казнен испанцами.

Из ранних произведений наиболее известны романтические олы «Магеллану» и «Просвещение» (1875). Большой популярностью пользуются его антиколониальные стихи «Филиппинской молодежи» (1879), «Музе моей вы велите...» (1883), «Последнее прощай» (1896) и др. Он также автор двух социальных романов — «Не прикасайся ко мне» (1887, рус. пер. 1963) и «Флибустьеры» (1891, рус. пер. 1937, 1965), статей и памфлетов. Его романы и стихотворение «Последнее прощай», написанное в ночь перед казнью, переведены на многие языки мира.

САНТОС, Бьенвенидо Н. (род. в 1911 г.) — англоязычный поэт и прозаик. Окончил Университет Филиппин. В 1941 г. получил стипендию для продолжения образования в США, учился в Иллинойском, Колумбийском и Гарвардском университетах. После окончания войны вернулся на родину, преподавал английский язык и литературу.

Избранные стихи поэта составили сборник «Раненый олень» (1956), многие его произведения входят в антологии национальной поэзии. Он автор нескольких сборников новелл — «Вы милые люди» (1955), «Брат, мой брат» (1960) и др., а также романа «Вулкан» (1965). Сантос — лауреат литературных премий.

САНТОС, Лопе К. (1879—1963) — тагалоязычный писатель, журналист, общественный и политический деятель. Получил педагогическое и юридическое образование в Маниле. В 1896—1898 гг. служил в филиппинской революционной армии, затем был губернатором нескольких провинций. Сантос является одним из организаторов и руководителей профсоюзного движения в стране. С его именем связано создание Клуба тагальских писателей, Академии тагальского языка, Института национального языка. Под редакцией Лопе К. Сантоса опубликована «Грамматика национального языка» (1940), выдержавшая несколько переизданий.

Избранные его стихотворения собраны в книге «Сердце и душа». Стихи, вошедшие в сборники «Униженные герои» (1945) и «Кто ты? — Я...» (1946), — одни из немногих в филиппинской литературе, написанные специально для детей и подростков. Сантос считается также одним из зачинателей тагальской романистики. В 1902 г. вышел в свет роман «Безмолвная любовь», в 1906 г. — «Рассвет и лучи солнца», в 1927 г. — «Милосердие», в 1932 г. — «Раб судьбы».

Перу Сантоса принадлежат литературоведческие и лингвистические статьи, газетные очерки, эссе.

САН-ХУАН, Эпифанио де (род. в 1938 г.) — прогрессивный филиппинский поэт. Пишет на тагальском и английском языках. Окончил Университет Филиппин, продолжил образование в Гарвардском университете, где в 1965 г. получил степень доктора философии. В настоящее время профессор английской литературы и сравнительного литературоведения в Университете Филиппин.

Первая книга стихов — «Лобзающая бога пададь» — вышла в 1964 г. В 1965 г. поэт опубликовал в США сборник переводов на английский язык избранных стихотворений тагальского поэта Амадо Эрнандеса — «Рисовые зерна». Стихотворения, написанные на английском языке, представлены в сборнике «Закливание» (1968), его тагалоязычная поэзия включена в антологию тагальской поэзии «Поэт» (1967). Перу Сан-Хуана принадлежат также книги «Искусство Оскара Уайльда» (1967) и «Искусство стиха» (1969).

САРАГОСА-КАНО, Флавио (род. в 1892 г.) — испаноязычный поэт и очеркист. Окончил привилегированное учебное заведение — Колегио де Сан-Хуан де летран. Длительное время редактировал журнал «Эль херальдо» («Вестник»). Был избран членом Филиппинской академии, Академии испанского языка, активно сотрудничал в Обществе филиппинских литераторов и артистов.

Ранние лирические стихи этого поэта были удостоены в 1929 г. премии Собела. В 1940 г. на литературном конкурсе за большую патриотическую поэму «От Мактана до Тирада» ему была присуждена высшая литературная премия Автономных Филиппин. Перу Сарагосы-Кано принадлежит книга стихов «Песни Испании», появившаяся в послевоенное время. Избранные стихи поэта представлены в антологии «Филиппинская поэзия» (1966).

СУЛУЭТА ДА КОСТА, Рафаэль (род. в 1915 г.) — англоязычный поэт, выпускник привилегированного колледжа Де ла Салье в Маниле, служащий компании пивоваренных заводов.

В 1936 г. выпустил книгу ранних стихов «Первые листья», которая большого успеха не имела. Известность и всефилиппинскую славу ему принесла большая патриотическая поэма «Как молаве». Книга «Как молаве и другие стихи» (1940) была удостоена высшей литературной премии предвоенных Филиппин. После войны в печати выступает редко. К 1952 г. относится сборник «Как молаве и избранные стихи».

СУНЬИГА, Оскар де (род. в 1912 г.) — англоязычный поэт и журналист. Окончил Университет Филиппин. До

войны работал репортером в «Санди трибьюн мэгэзин» и газете «Филиппинз геральд», в послевоенное время сотрудничает в одной из крупнейших манильских газет «Манила кроникл».

В литературу вступил в предвоенные годы с публицистическими статьями и очерками, написал несколько повелл, но известность ему принесли лирические стихи. Среди его авторских сборников наиболее известны «Песнь любви» (1960) и «Засушливый год» (1962).

ТАРРОСА-СУБИДО, Тринидад (род. в 1916 г.) — поэтесса, очеркист и публицист, пишет на английском языке. Печататься начала в годы второй мировой войны. Мастер стихотворной миниатюры и сонета. Наиболее значительные из ранних произведений представлены в сборнике «Два голоса» (1945), изданном совместно с мужем — поэтом Абелардо Субидо. Ее стихи включены во все сборники национальной поэзии. Перу Т. Тарросы принадлежит также один из лучших переводов на английский язык — классическая поэма тагальского поэта Ф. Балагтаса «Флорант и Лаура».

ТИБУРСИО (АЛКЕТРА-ТИБУРСИО), Мар (род. в 1937 г.) — тагальский поэт и новеллист. Получил коммерческое образование в Маниле. Постоянно выступает со стихами с середины 60-х гг. В настоящее время работает помощником редактора в «Литературном журнале», издаваемом А. Г. Абадилей. Его поэтическое творчество представлено в сборнике «Поэт» (1967).

ТЬЕМПО, Эдит Л. (род. в 1919 г.) — англоязычная поэтесса и новеллистка. Образование получила на Филиппинах и в США, преподаватель Университета Силлимана, лауреат литературных премий.

Ее лучшие стихотворения собраны в антологиях филиппинской поэзии послевоенного периода: «Сердце остроров» (1947) Вирая, «Филиппинская словесность» (1953) Агкаулли, «Шесть филиппинских поэтов» (1954), «Новые произведения филиппинской словесности» (1966) Каспера и некоторых других. Рассказ Тьемпо «Черная обезьяна» (1951) был отмечен премией К. Паланки. В 1964 г. вышел сборник рассказов «Смирись, Джошуа». Ее перу принадлежит также роман «Лист папоротника».

ХОАКИН, Никомедес (род. в 1917 г.) — англоязычный поэт и прозаик, публицист и литературный критик. Образование получил в Маниле и Гонконге. В Гонконге учился в семинарии, но решил не принимать сана и в 1950 г. возвратился в Манилу. Известность приобрел в первые послевоенные годы своими короткими рассказами, опубликованными в еженедельнике «Филиппинз фри пресс».

Лучшие его стихотворения: «Чистота Соломона» (1937),

«Зовут мои флейты» (1939), «Люблю тебя в зелень оде-
той» (1939), «Песня между войнами» (1946), «Пейзаж
без людей» (1950) и многие другие — вошли в состав наи-
более крупных антологий и сборников филиппинской англо-
язычной поэзии послевоенного времени.

Хоакин — автор социально-бытовых и психологических
новелл, среди которых наиболее известны «Три поколения»,
«Канун майского дня», «После пикника». За ранние но-
веллы «Летнее солнцестояние» (1945) и «Почетная гвар-
дия» (1949) он был удостоен ежегодной первой премии
еженедельника «Филиппинз фри пресс». В 1961 г. Н. Хоа-
кин опубликовал роман «Женщина с двумя пупками»,
получивший литературную премию. В послевоенные годы
большой популярностью пользуются также публицисти-
ческие и литературно-критические статьи Никомедеса Хоа-
кина.

Избранные произведения Хоакина составили сборник
«Проза и стихи» (1952, 1963).

ЭРНАНДЕС, Амадо В. (1903—1970) — выдающийся
прогрессивный тагальский поэт и прозаик, драматург и
публицист, крупный общественный деятель.

В 20-х годах принимал активное участие в зарождав-
шемся тогда профсоюзном движении, став одним из лиде-
ров левого, демократического крыла. В годы войны и ок-
купации Манилы (1942—1944) активно участвовал в анти-
японском сопротивлении. После освобождения страны
дважды — в 1947 и 1948 гг. — избирался советником ма-
нильского муниципалитета; делегат от Филиппинской гиль-
дии газетчиков, он был избран Национальным президентом
Конгресса рабочих организаций. В 1951 г. по обвинению
в оказании помощи национально-освободительной армии
 («хукам») был приговорен к пожизненному заключению
и провел шесть лет в тюрьмах строгого режима. В 1956 г.
получил условно-досрочное освобождение. Обвинение
было окончательно снято с него лишь в 1964 г.

Среди ранних стихотворений наиболее известны «Бони-
фасио» и «Учитель нации». Громкая слава к Эрнандесу
пришла в 1928 г., когда он успешно выступил на попу-
лярном литературном конкурсе в г. Малолосе (пров. Була-
кан) со стихами о труде — «Герой». В предвоенные годы
вышли две его первые книги поэзии — большая поэма
«Филиппины» (1939) и сборник избранных стихов «Корич-
невая кожа» (1940), удостоенные высшей литературной
премии предвоенных Филиппин. В заключении им была
написана поэма «Свободный народ» (1952, опубл. 1957),
цикл стихотворений о тюрьме, целиком рошедший в послед-
ний его сборник избранных стихотворений разных лет
«Клочок неба» (1961), удостоенный в 1962 г. Республикан-
ской премии культурного наследия. Эрнандес — автор ряда
пьес, среди которых «Мунтинлупа» (1958), «Лестница на
радугу» (1959), «Уважаемые люди» (1960) и «Два лица

одного хулигана» (1961) четыре года подряд завоевывали премию К. Паланки.

Широко известен Эрнандес и как прозаик. Еще в 1932 г. за ранний рассказ «Лекарства уже нет» его наградили золотой медалью Общества новеллистов. Перу Эрнандеса принадлежат два романа «Хищные птицы» (1959, 1969) и «Крокодиловы слезы» (1963).

ЭСТЕБАН, Альфредо П. (род. в 1919 г.)—тагалоязычный поэт. Получил коммерческое образование в Маниле. Много лет служил в одной из торговых фирм в Пасае (Манила).

Печатается с 1936 г. Лучшие его стихотворения («Не надо», «В моем угасании», «Вчера луна...», «Цветок печали» и др.) представлены в сборнике «Поэт» (1967).

С. Игнашев и В. Макаренко

Содержание

Вступительное слово. В. Левик	5
---	---

Из тагальской филиппинской поэзии

МАР АЛКЕТРА-ТИБУРСИО

Видение. Перев. с тагал. Ю. Александрова . .	9
То, что ищешь, — в тебе самом. Перев. с тагал. Ю. Александрова	10
Я и мир. Перев. с тагал. Ю. Александрова . .	11
Трехстишия-хокку. Перев. с тагал. Ю. Алексан- дрова	12
Четверостишия-пантуну. Перев. с тагал. Ю. Алек- сандрова	13

АУРЕЛИО Г. АНХЕЛЕС

Шипы на тропах жизни. Перев. с тагал. Ю. Александрова	14
Катастрофа в море жизни. Перев. с тагал. Ю. Александрова	16
Вопрос приходящему в мир. Перев. с тагал. Ю. Александрова	17
Бегство от бедности. Перев. с тагал. Ю. Алек- сандрова	18
Забытый кумир. Перев. с тагал. Ю. Алек- сандрова	19
Горит Восток. Перев. с тагал. Ю. Александрова .	20

ХОСЕ КОРАСОН ДЕ ХЕСУС

Дерево. Перев. с тагал. М. Самаева	21
Моя страна. Перев. с тагал. М. Самаева . . .	23

ЛОПЕ К. САНТОС

Исповедь. Перев. с тагал. Ю. Александрова . .	24
Капля. Перев. с тагал. Ю. Александрова . . .	26
Родинка. Перев. с тагал. Ю. Александрова . .	27

ЭПИФАНИО ДЕ САН-ХУАН

Querida mía. Перев. с тагал. М. Самаева . . .	28
Маска поэта. Перев. с тагал. М. Самаева . . .	29
Яд в каждой груди. Перев. с тагал. М. Самае- ва	30
Обращение к современникам. Перев. с тагал. М. Самаева	31

АМАДО В. ЭРНАНДЕС

Кузнец. <i>Перев. с тагал. А. Ревича</i>	32
Руки. <i>Перев. с тагал. А. Ревича</i>	33
Герой. <i>Перев. с тагал. А. Ревича</i>	35
Рис. <i>Перев. с тагал. А. Ревича</i>	37
Весна. <i>Перев. с тагал. А. Ревича</i>	39
Жизнь. <i>Перев. с тагал. А. Ревича</i>	40
Время. <i>Перев. с тагал. А. Ревича</i>	42
Дорога. <i>Перев. с тагал. А. Ревича</i>	44
Цвет кожи. <i>Перев. с тагал. А. Ревича</i>	46
Серебряная чешуя. <i>Перев. с тагал. А. Ревича</i>	48
Старая и новая цивилизация. <i>Перев. с тагал. А. Ревича</i>	49
Гимн красоте. <i>Перев. с тагал. А. Ревича</i>	50
Ты и я. <i>Перев. с тагал. А. Ревича</i>	52
Поцелуй луны. <i>Перев. с тагал. А. Ревича</i>	53
Предчувствие. <i>Перев. с тагал. А. Ревича</i>	54
Скоро. <i>Перев. с тагал. А. Ревича</i>	55
Девушке, уже не похожей на свой давний портрет. <i>Перев. с тагал. А. Ревича</i>	56
Тюрьма. <i>Перев. с тагал. А. Ревича</i>	57
Клочок неба. <i>Перев. с тагал. А. Ревича</i>	61
На рассвете. <i>Перев. с тагал. А. Ревича</i>	63
Свидание. <i>Перев. с тагал. А. Ревича</i>	64

АЛЬФРЕДО П. ЭСТЕБАН

Цветок печали. <i>Перев. с тагал. М. Самаяева</i>	68
В тиши. <i>Перев. с тагал. М. Самаяева</i>	70
Вчера луна... <i>Перев. с тагал. М. Самаяева</i>	72
В моем угасании. <i>Перев. с тагал. М. Самаяева</i>	73
Не надо. <i>Перев. с тагал. М. Самаяева</i>	74

Из английской филиппинской поэзии

КАРЛОС А. АНХЕЛЕС

Ожидание бури. <i>Перев. с англ. А. Эппеля</i>	79
Пейзаж. <i>Перев. с англ. А. Эппеля</i>	80
Деревья. <i>Перев. с англ. А. Эппеля</i>	81
Дождливый день. <i>Перев. с англ. А. Эппеля</i>	82
Выздоровливающий — койка № 312. <i>Перев. с англ. А. Эппеля</i>	83
Поэма для моего будущего психиатра. <i>Перев. с англ. А. Эппеля</i>	84
Встреча. <i>Перев. с англ. А. Эппеля</i>	86

КАРЛОС БУЛОСАН

Голос Батаана. <i>Перев. с англ. Е. Витковского</i>	87
Солдат. <i>Перев. с англ. С. Бычкова</i>	101
Фрагмент. <i>Перев. с англ. С. Бычкова</i>	102
История сердца. <i>Перев. с англ. С. Бычкова</i>	103

МАНУЭЛЬ А. ВИРАЯ

Смежи, о ночь... <i>Перев. с англ. Э. Шапиро</i> . . .	104
Сумерки. <i>Перев. с англ. Э. Шапиро</i>	105
Внезапный шквал. <i>Перев. с англ. Ю. Денисова</i>	106
Элегии. <i>Перев. с англ. Э. Шапиро</i>	107
Мальгар, сторож-индус, во время омовения. <i>Перев. с англ. Э. Шапиро</i>	109

ХОСЕ ГАРСИЯ ВИЛЬЯ

К Реси. <i>Перев. с англ. А. Эппеля</i>	111
Стихотворение 72. <i>Перев. с англ. А. Эппеля</i>	112
Исполнение. <i>Перев. с англ. А. Эппеля</i>	113
Золотой ореол. <i>Перев. с англ. А. Эппеля</i>	114
Как прекрасен сон. <i>Перев. с англ. А. Эппеля</i>	115
Красивая, как пантера. <i>Перев. с англ. А. Эппеля</i>	116
Поэме надлежит быть колдовской. <i>Перев. с англ. А. Эппеля</i>	117
Пред смертью только. <i>Перев. с англ. А. Эппеля</i>	118
Смерть — венец жизни. <i>Перев. с англ. А. Эппеля</i>	119
Желая оказаться голым. <i>Перев. с англ. А. Эппеля</i>	120
Попросту. <i>Перев. с англ. А. Эппеля</i>	121

И. В. М. ГОНСАЛЕС

Колибри. <i>Перев. с англ. П. Грушко</i>	122
Усталость. <i>Перев. с англ. П. Грушко</i>	123
Напев. <i>Перев. с англ. П. Грушко</i>	124
Песнь горожанина. <i>Перев. с англ. П. Грушко</i>	125

АМАДОР Т. ДАГИО

Тишина. <i>Перев. с англ. Э. Шапиро</i>	126
Когда я смотрю на женщин. <i>Перев. с англ. Э. Шапиро</i>	127
Где слово... <i>Перев. с англ. Ю. Денисова</i>	128
Прилив зовет. <i>Перев. с англ. Ю. Денисова</i> . . .	129

ФИКАРЕДО ДЕ МЕТИЛЬО

Путь. <i>Перев. с англ. А. Эппеля</i>	130
Смерть возлюбленного. <i>Перев. с англ. А. Эппеля</i>	139
Лето. <i>Перев. с англ. А. Эппеля</i>	140

ДОМИНАДОР И. ИЛИО

Эрмита, 1946. <i>Перев. с англ. П. Грушко</i>	141
Дипломат, слушающий [речь другого] дипломата. <i>Перев. с англ. П. Грушко</i>	142
Аристократ на прогулке. <i>Перев. с англ. П. Грушко</i> ко	143

ТИТА ЛАКАМБРА-АЯЛА

Кактус. <i>Перев. с англ. П. Грушко</i>	144
Подсолнух. <i>Перев. с англ. П. Грушко</i>	145
Песня солнца. <i>Перев. с англ. П. Грушко</i>	146
Дождевая фантазия. <i>Перев. с англ. П. Грушко</i>	147

Изменчивая погода. Перев. с англ. П. Грушко	148
Уходит лето. Перев. с англ. П. Грушко	149
ХОСЕ ЛАНСАНГ-МЛАДШИЙ	
Хотя Лукреций учил меня. Перев. с англ. Э. Шапиро	150
Плач в соль минор. Перев. с англ. Э. Шапиро	151
Сонет. Перев. с англ. Э. Шапиро	152
АЛЬФРЕДО Э. ЛИТИАТКО	
Для тебя. Перев. с англ. О. Чугай	153
Воссоединение. Перев. с англ. О. Чугай	154
Вновь во сне. Перев. с англ. О. Чугай	155
ВИРДЖИНИЯ Р. МОРЕНО	
Выбор масок. Перев. с англ. Ш. Барим	156
Сон утопленника. Перев. с англ. Ш. Барим	158
Мастерица по батiku. Перев. с англ. О. Чугай	161
Забавная баллада о жемчужине. Перев. с англ. О. Чугай	162
ЭРНАНДО Р. ОКАМПО	
Арпеджио. Перев. с англ. Н. Старосельской	164
Tempo Rubato. Перев. с англ. Н. Старосельской	166
БЬЕНВЕНИДО Н. САНТОС	
Век цветов. Перев. с англ. Н. Старосельской	169
Раскаты грома. Перев. с англ. Н. Старосельской	170
Годовщина. Перев. с англ. Н. Старосельской	171
Ночь премьеры. Перев. с англ. Н. Старосельской	172
Утверждение. Перев. с англ. Н. Старосельской	173
Мечтания. Перев. с англ. Н. Старосельской	174
РАФАЭЛЬ СУЛУЭТА ДА КОСТА	
[Тверды, верны и стойки,] как молаве. Перев. с англ. А. Спаль	175
Четвертое июля 1946. Перев. с англ. А. Спаль	192
ОСКАР ДЕ СУНЬИГА	
Песнь любви. Перев. с англ. В. Топорова	194
Стихи любви. Перев. с англ. В. Топорова	195
Мост. Перев. с англ. И. Могилевской	197
Твое лето. Перев. с англ. В. Топорова	198
Труп. Перев. с англ. В. Топорова	199
Дождь и ветер. Перев. с англ. В. Топорова	200
Воскресение. Перев. с англ. В. Топорова	201
Я и ветер. Перев. с англ. И. Могилевской	202
Засушливый год. Перев. с англ. И. Могилевской	203
Кладбище. Перев. с англ. И. Могилевской	204
ТРИНИДАД ТАРРОСА-СУБИДО	
Жалобы. Перев. с англ. О. Чугай	205
Позабывтое свидание. Перев. с англ. О. Чугай	206
Сопернице. Перев. с англ. О. Чугай	207
Сонет садовнику. Перев. с англ. О. Чугай	208

ЭДИТ Л. ТЬЕМПО

Возвращение. Перев. с англ. В. Игельницкой	209
Ломаная линия. Перев. с англ. В. Игельницкой	210
Похоронная песня. Перев. с англ. В. Игельницкой	212
Рыболов. Перев. с англ. В. Игельницкой	213
Библиофил. Перев. с англ. В. Игельницкой	214
Вначале. Перев. с англ. В. Игельницкой	215

НИКОМЕДЕС ХОАКИН

Негалантное замечание. Перев. с англ. С. Бычкова	216
Чистота Соломона. Перев. с англ. С. Бычкова	217
Люблю тебя в зелень одетой. Перев. с англ. С. Бычкова	218
Посещение. Перев. с англ. С. Бычкова	220
Годы. Перев. с англ. Э. Шустера	221
О смерть, гордись! Перев. с англ. С. Бычкова	222
Зовут мои флейты. Перев. с англ. Э. Шустера	223
Шесть часов пополудни. Перев. с англ. С. Бычкова	224
Отцы и сыновья. Перев. с англ. Э. Шустера	225
По поводу публичных выступлений. Перев. с англ. Э. Шустера	226
Баллада. Перев. с англ. С. Бычкова	227
Песня между войнами. Перев. с англ. Э. Шустера	228
Пейзаж без людей. Перев. с англ. С. Бычкова	229

Из испанской филиппинской поэзии

СЕСИЛИО АПОСТОЛ

Снеста. Перев. с исп. С. Гончаренко	233
Родина. Перев. с исп. С. Гончаренко	235
Рисало. Перев. с исп. С. Гончаренко	236

ХЕСУС БАЛЬМОРИ

Вулкан Тааль. Перев. с исп. М. Самаева	238
В цирке. Перев. с исп. М. Самаева	239
Сотворение женщины. Перев. с исп. М. Самаева	240

МАНУЭЛЬ БЕРНАБЕ

Мужчина. Перев. с исп. С. Гончаренко	241
Мой белый петух. Перев. с исп. С. Гончаренко	244
Подайте, Христа ради. Перев. с исп. С. Гончаренко	245

ФЕРНАНДО МАРИЯ ГЕРРЕРО

Моя отчизна. Перев. с исп. В. Аленикова	247
Флаг. Перев. с исп. В. Аленикова	250
Послание Филиппинам. Перев. с исп. В. Аленикова	251
Мария-Клара. Перев. с исп. В. Аленикова	253

ЭВАНХЕЛИНА ГЕРРЕРО-САКАРИАС

День уходит... Перев. с исп. П. Грушко . . .	255
Ты любишь... Перев. с исп. П. Грушко . . .	257
Когда бы ты знал!.. Перев. с исп. П. Грушко . . .	258
Синий цветок. Перев. с исп. П. Грушко . . .	259
Ты не ищи в моих стихах... Перев. с исп. П. Грушко . . .	260

ХОСЕ ПАЛЬМА-И-ВЕЛАСКЕС

Кундиман. Перев. с исп. М. Самаева . . .	261
На последней странице «Noli me tangere». Перев. с исп. М. Самаева . . .	263
Национальный гимн Филиппин. Перев. с исп. М. Самаева . . .	265

КЛАРО М. РЕКТО

Ночь в Маниле. Перев. с исп. П. Грушко . . .	266
Моя хижина. Перев. с исп. П. Грушко . . .	267

ХОСЕ РИСАЛЬ

Песнь странника. Перев. с исп. П. Грушко . .	269
Цветам Гейдельберга. Перев. с исп. П. Грушко . .	271
Музе. Перев. с исп. П. Грушко . . .	273
Песня Марии-Кларе. Перев. с исп. П. Грушко . .	276
Музе моей вы велите... Перев. с исп. П. Грушко . .	277
Мой приют. Перев. с исп. П. Грушко . . .	279
Последнее прощай. Перев. с исп. П. Грушко . .	283

ФЛАВИО САРАГОСА-КАНО

Стихи. Перев. с исп. С. Гончаренко . . .	286
Дочь раджи. Перев. с исп. С. Гончаренко . . .	287
Вместо послесловия. В. Макаренко . . .	288
Справки об авторах. С. Игнашев, В. Макаренко . .	290

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛИППИНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Редактор И. Клычкова. Художник А. Купцов. Художественный редактор В. Колганов. Технический редактор Т. Купцова
Корректор В. Пестова

Сдано в производство 21/XI 1973 г. Подписано к печати 14/XI 1973 г.
Бумага 84×100¹/₃₂. Тип. № 1. Бум. л. 47¹/₈. Печ. л. 15.21. Уд. л. 10.95. Изд. № 15797. Цена 1 р. 34 к. Заказ 4659. Издатель «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. М. Г-21. Зубовский бульвар, 21. Московская типография № 5 полиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва. Мил.-Моск. печатн. 21